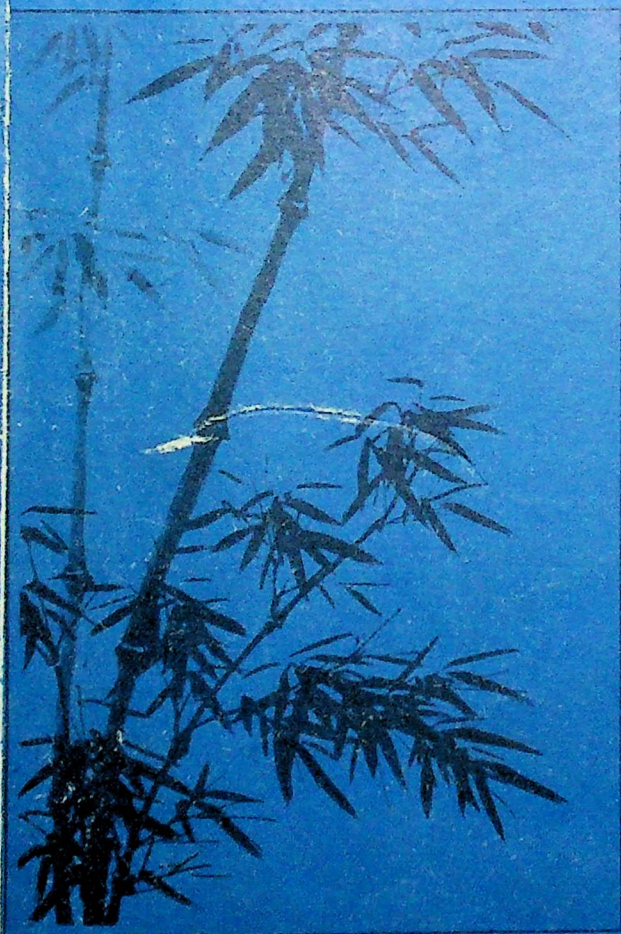

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 2/95

Россия в Северо-Восточной
Азии

*

Хозяйственный механизм КНР

*

Вступление СССР в войну
против Японии

*

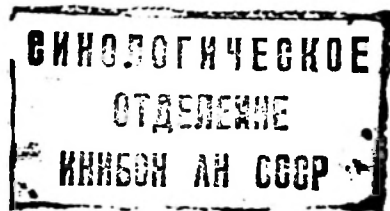
Секретная миссия
А.И.Микояна в Китай

*

К 60-летию гастролей
Мэй Ланьфана в СССР

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

2/95

Учредители: Российская академия наук,
Институт Дальнего Востока РАН

Научный и общественно-политический журнал,
выходит шесть раз в год на русском и
английском языках

Издается с марта 1972 года

РЕГИОН

- А. Яковлев.* Международная политическая обстановка в США
и положение России в регионе 3
Ю. Минаков. Проблемы эксплуатации рыбных ресурсов России
на Дальнем Востоке 14

НАШИ РЕФЕРАТЫ

- Я. Бергер.* Китай после Дэна 21

ОПЫТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ

- М. Баранов.* Хозяйственный механизм КНР 37
Э. Пивоварова. Опыт акционирования в КНР 48

К 50-ЛЕТИЮ ОКОНЧАНИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

- В. Зимонин.* Тегеран, Ялта, Потсдам: вопрос о вступлении
СССР в войну против Японии 61

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

- С. Лузянин.* Монголия: между Китаем и Советской Россией
(1920-1924) 71
Е. Белов. К истории русско-китайских отношений в Синьцзяне
в период Синьхайской революции (1911-1913) 85

ДОКУМЕНТЫ, АРХИВЫ

- А.Ледовский.* Секретная миссия А.И.Микояна в Китай
(январь-февраль 1949 г.) 96

РУССКИЕ В КИТАЕ

- Г.Хотковский.* Шанхай моей молодости..... 112

КУЛЬТУРА

- В.Сорокин.* Памяти великого артиста..... 119
А.Ипатов. "Чародей Грушевого Сада" в СССР..... 125

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- А.Ломанов, А.Островский, В.Сорокин.* Конференция ЕАК в
Праге 132
Р.Савельев. Защита докторской диссертации Ким Хан Гю..... 138
А.Островский. Защита докторской диссертации Л.В.Ново-
селовой..... 141
Научная конференция Центра исторических и политических
исследований Китая ИДВ РАН..... 143

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

- К 70-летию Анатолия Сергеевича Мугрузина 144
70-летие Георгия Александровича Ганшина 145

РЕЦЕНЗИИ

- А.Жебин.* Актуальные проблемы российского востоковедения 146
А.Сенаторов. Япония и мировое сообщество. Социально-
психологические аспекты интернационализации..... 150
Д.Жоголев. Современный Тайвань..... 153
Б.Поспелов. Ясухино Накасонэ. Политика и жизнь. Мои
мемуары..... 155

Редакционная коллегия

А.М.Григорьев (главный редактор), Я.М.Бергер (замглавного редактора), Ю.М.Гарушянц,
В.И.Глунин, Л.М.Гудошников, П.М.Иванов, В.Н.Кашин, В.В.Малявин, С.А.Манежев, П.А.Минакир,
В.С.Мясников, Л.С.Переломов, А.А.Писарев, В.Я.Портяков, Б.Л.Рифтин, Б.Н.Славинский
(замглавного редактора), Н.Н.Соловьев, В.Ф.Сорокин, Ю.С.Столяров, Г.Д.Сухарчук,
М.Л.Титаренко, Н.С.Тихонов (отв. секретарь), В.П.Ткаченко

© Российская академия наук
Институт Дальнего Востока РАН

Москва, 117218, ул. Красикова, 27, тел. 124-09-02

Регион

Международно-политическая обстановка в Северо-Восточной Азии и положение России в регионе

© 1995

А.Яковлев

СВА - обширный и самый динамичный, по сути ключевой район Тихоокеанского бассейна, охватывающий Дальний Восток России, Северо-Восток Китая, Японию, оба корейских государства. Фактически в него входит и МНР, активно подключающаяся к региональному сотрудничеству в разных сферах.

Современная международно-политическая обстановка в СВА - прямое и непосредственное следствие глобальных процессов, вызванных перестройкой в СССР и реформами в Российской Федерации. В результате этих процессов с мировой и региональной арены исчез мощный сверхдержавный фактор - Советский Союз с его многочисленными военно-политическими и идейными союзниками. Его место заняла лишенная таких союзников, намного менее могущественная и к тому же пребывающая в состоянии нестабильности и всеобщего кризиса, Российская Федерация. В геополитическом смысле мир на какое-то время стал однополюсным. "Руководящая" роль США и Запада в целом непомерно возросла и на глобальном, и на региональных уровнях помимо всего прочего за счет направляемого ими партнерства с посткоммунистическими странами, включая Россию. Это во-первых. Во-вторых, изменилась прежняя расстановка социально-политических сил на планете, в течение десятилетий лежавшая в основе геополитической стабильности в мире в целом и в его важнейших регионах. Антизападный международный фронт, включавший социалистические страны, значительную часть государств "третьего мира", международные классовые и общедемократические движения, понес колоссальные потери и по сей день находится в состоянии морально-политического шока, идейного и организационного разброда. Межсистемные отношения сохранились как фактор международных отношений лишь в Восточной Азии, да и здесь они предстают ныне в существенно урезанном виде. Из них выпали Россия и МНР. А не отказавшиеся от социалистического выбора страны региона (Китай, КНДР, Вьетнам) лихорадочно приспособляются к

круто изменившимся международным условиям по сути на путях односторонней конвергенции. В-третьих, международно-политическую обстановку в мире и тем более в СВА теперь активно формируют "большая семерка" и Китай. Россия же пока в большей мере выступает в роли объекта, чем субъекта, мировой и региональной политики. Причем, хотя Китай за последние 15 лет существенно усилился, крах биполярной международной системы объективно ослабил позиции этой страны в отношениях с Западом в целом, особенно в отношениях с Соединенными Штатами и Японией - ныне бесспорными главными факторами международно-политических отношений в СВА. В конечном счете фактическое противостояние или согласие Китая с ними станут важнейшей двигательной пружиной развития политической ситуации в СВА. В первом случае Китай будет объективно заинтересован в том, чтобы Россия утвердилась как независимый и самостоятельный субъект международных отношений, и у последней соответственно будет оставаться простор для маневрирования между противостоящими сторонами. Во втором же случае ей придется опираться исключительно на собственные силы в деле защиты своего суверенитета, территориальной целостности и безопасности. Какой из этих вариантов окажется реальным и как на это прореагирует Россия, будет зависеть от характера правящей элиты, которая сформируется в пореформенном российском обществе. Но и прозападная, и национально ориентированная элиты так или иначе будут вынуждены учитывать объективное международное положение, в котором Россия оказалась на глобальном и региональных уровнях и которое в основных своих существенных чертах, судя по всему, сохранится в обозримом будущем.

* * *

Положение России в мире и в различных его регионах, включая СВА, характеризуется ныне прежде всего тем, что к изначально открытому, а теперь вуалируемому партнерской риторикой, своекорыстному отношению к ней со стороны ведущих держав "дальнего зарубежья" прибавилось отнюдь не братское отношение со стороны стран "ближнего зарубежья". И все же качество этого положения определяет главным образом небывалое ослабление России как субъекта мировой и региональной политики по всем ключевым параметрам - оборонному, экономическому, социально-политическому. Указанное ослабление в огромной мере усугубляется затянувшимся процессом становления "нового федерализма". По сей день нет ясности даже в принципах разграничения предметов ведения между федеральным центром и субъектами федерации¹. В результате управляемость России и соответственно ее способность отстаивать свой суверенитет, общегосударственные интересы резко снизились, а безопасность страны, понимаемая и в узком военном смысле, и тем более в широком смысле², становится все более уязвимой.

И было бы неразумно чрезмерно поддаваться обаянию немалых успехов российской дипломатии в деле установления партнерства и добрососедства со странами "дальнего зарубежья" как на Западе, так и на Востоке. Действительно, России с этих направлений сейчас никто не угрожает. В частности, в СВА, если не считать недавнего всплеска военной напряженности на Корейском полуострове, международные отношения развиваются в спокойном русле.

Однако если учесть характер причин, породивших эту "тишь и благодать", то международное положение России в СВА, равно как и в мире в целом, нельзя считать безоблачным и стабильным, а ее безопасность обеспеченной надежно и надолго. Строго говоря, нынешняя мера безопасности России и на Западе, и на Востоке достигнута за счет вольной или невольной

игры Москвы в поддавки с внешним миром, включая "ближнее зарубежье", а также за счет того, что "русские занимались саморазрушением"³. Хотя эта игра в СВА не была столь масштабной, как на европейско-атлантическом направлении, тем не менее прежде всего она сформировала тот неустойчивый вариант безопасности, который существует ныне для России на Дальнем Востоке.

Дело в том, что, возникнув вследствие упомянутой игры и внутреннего ослабления России, этот вариант может оставаться действенным если не в результате дальнейших уступок и отступлений Москвы, то непременно в результате ее крайне "дипломатичного" поведения во всем, что касается защиты суверенитета, территориальной целостности, оборонных, экономических и других интересов страны в мире вообще и в СВА в частности. Причем внешний мир будет становиться и уже становится все более требовательным в части определения норм этого поведения. Его жесткость в данном вопросе сохранится до тех пор, пока Россия, слабо упираясь, будет идти в тот угол, в который ее весьма дружно стараются загнать партнеры из "дальнего" и "ближнего" зарубежья. Они уже не скрывают своего раздражения по поводу заявлений Москвы о намерении действовать в соответствии со статусом России как великой державы. Попытки же практически действовать в духе этих заявлений или презрительно игнорируются или встречают открытый и жесткий отпор, квалифицируются как "новоимперские" поползновения. В частности, в ходе визита Б.Н.Ельцина в США (сентябрь 1994 г.) вашингтонская администрация дала ясно понять, что американские стратегические интересы абсолютно несовместимы с военным и политическим доминированием России даже в рамках СНГ, не говоря уже о каких-либо регионах за его пределами⁴. На традиционные для Москвы призывы российского президента "углубить" ракетно-ядерный разоруженческий процесс за счет подключения к нему Англии, Франции и Китая Лондон уже ответил жестким "нет" и по сути от лица этой тройки. Вообще внешний мир (как это ни парадоксально с точки зрения российских адептов "нового политического мышления") отнюдь не стремится реализовать благородные идеи о всеобщем и полном разоружении. Он теперь даже не склонен к кардинальному сокращению вооружений. Судя по опубликованному в июле 1994 г. ежегодному докладу "Стратегия национальной обороны США" Вашингтон будет стремиться сохранить свои уникальные по мощи вооруженные силы, по-прежнему рассматривая их в качестве наиглавнейшего фактора обеспечения безопасности страны, ее влияния в мире⁵. Региональные державы держат равнение на единственную сверхдержаву. В частности, ни одна из стран СВА не последовала примеру России, в течение 1989-1994 гг. сократившей свою дальневосточную группировку войск примерно вдвое и, согласно заявлению П.Грачева, намеревающейся продолжать этот процесс. Более того, почти во всех странах Восточной Азии продолжается рост военных приготовлений. Это не может не настораживать, ибо является верным симптомом тенденции к возрождению военно-силовых отношений между государствами региона.

Если иметь в виду ближайшую и более отдаленную перспективу, то есть все основания утверждать, что нынешнее конкретное положение с безопасностью в СВА менее всего выгод принесло именно России. Новое соотношение сил в регионе, сложившееся в результате фактически одностороннего уменьшения военного потенциала последней, отнюдь не облегчило ей достижение рационального баланса интересов с государствами СВА, а скорее осложнило ее положение и в узком и особенно в широком смысле термина "безопасность". Как объект политики держав региона Россия стала более уязвимой, утратив здесь единственный реальный источник своего авторитета и влияния в

региональной политике - мощный оборонительный щит, а также и своего единственного официального военного союзника - КНДР.

Говоря о безопасности в узком значении, следует подчеркнуть, что линия обороны на Тихом океане практически оказалась сдвинутой к границе территориальных вод России. Возможно, это было бы благом, поступи ее партнеры аналогичным образом. Но они воздержались от такого шага. А это, помимо всего прочего, не может не вызывать сомнений в их намерениях, в их реальной готовности строить безопасность в СВА в духе сотрудничества. Похоже, что они вполне искренне желают сотрудничать лишь в деле дальнейшего сокращения военного потенциала России на Дальнем Востоке, а также ограничения сферы активной деятельности российских сил обороны в АТР.

Эти сомнения у нас обычно отменяются заявлениями о том, что-де новая оборонная политика Москвы уменьшила бремя военных расходов и что сокращение военного потенциала на ДВ с лихвой компенсировано коренным улучшением отношений с Соединенными Штатами, Китаем, Южной Кореей и в какой-то мере с Японией. Все это так лишь на первый взгляд. При ином, более внимательном и осмотрительном подходе возможны существенно другие оценки. Во-первых, материально обеспеченная безопасность страны отнюдь не равноценна ее безопасности, основанной на доброй воле, миролюбивых и добрососедских заверениях партнеров, которые к тому же собственную безопасность продолжают строить, исходя из постулата о том, что сила, в первую очередь ее военный компонент, продолжает править миром, надежно гарантирует защиту национально-государственных интересов (См. упомянутый выше документ "Стратегия национальной безопасности США"). Во-вторых, международно-политический климат в АТР, в том числе в СВА, крайне неустойчив, чреват осложнениями и поворотами в отношениях России с различными партнерами. У последних возрастает (и вполне естественно) соблазн наращивать всевозможное давление на ослабевшего гиганта, а у него неизбежно растет решимость воспрепятствовать этому давлению. В результате в еще не достроенном здании регионального политического сотрудничества возникают опасные трещины. Вполне законная твердость России в отстаивании своих интересов изображается партнерами как проявление "новоимперских" поползновений Москвы. Последние могут использоваться как предлог для взаимодействия наших весьма разных региональных партнеров на российском направлении. Все это - потенциальный источник осложнений политической ситуации в регионе. В-третьих, чтобы надежно гарантировать благоприятный для себя баланс интересов в СВА, Россия в конце концов вынуждена будет провести дорогостоящий ремонт своего военного потенциала на Дальнем Востоке, который она несообразно резко и фактически в одностороннем порядке сократила в последние годы. Очевидно, она не сможет также долго мириться и с чрезмерным ограничением сферы своей оборонной активности в Тихом океане. Исправление этой очевидной политико-стратегической ошибки может быть воспринято странами СВА как провоцирование Россией нового тура гонки вооружений в регионе.

Таким образом, становление военной безопасности России в СВА в новых конкретно-исторических условиях и частично новыми путями - далеко не закончившийся процесс с пока неясными ближайшими, а тем более отдаленными последствиями для развития международно-политической обстановки в регионе. Пока достаточно очевидно лишь то, что баланс сил здесь не благоприятствует успешному продвижению и реализации ближайших и особенно долгосрочных российских интересов в сфере собственно военной

безопасности и в еще большей мере в деле нейтрализации серьезных невоенных угроз суверенитету России.

Действительно, ослабленная на обозримую перспективу оборона российского Дальнего Востока создает в условиях продолжающейся гонки вооружений в Восточной Азии обстановку неуверенности среди местного населения, причем такую, какой не было даже в самые острые периоды советско-китайского конфликта и конфронтации СССР с Соединенными Штатами и их дальневосточными союзниками. Соответственно осложняется организация крайне необходимого ныне переселенческого движения в этот российский край, всегда находившийся, а теперь тем более, под угрозой демографического давления со стороны перенаселенных сопредельных государств. Пospешные шаги по глубокой демилитаризации Дальнего Востока, усугубленные скудным финансированием оставшихся вооруженных сил, особенно военно-морского флота, беспрецедентно снизили возможности защиты российских интересов в морских экономических зонах, на океанских транспортных коммуникациях, в приграничных районах⁶. Указанные шаги существенно подорвали и без того не очень мощную экономику этой части России, где армия играла крупную роль в хозяйственной жизни, была к тому же важным демографическим фактором⁷. Наконец, эти шаги вовсе не способствовали притоку материальных и финансовых ресурсов в гражданский сектор экономики дальневосточного региона.

Конечно, российская политика в целом, в том числе в области безопасности, находится в процессе поиска стратегических и тактических подходов к развитию международных связей страны, отвечающих новому состоянию нашего государства и общества, а также изменившейся глобальной и региональной обстановке. И тем не менее при всем этом не следовало бы забывать правило: "семь раз отмерь, один - отрежь".

Дальнейшее пренебрежение данным правилом может еще больше снизить существующий уровень безопасности России в СВА и в узком, и особенно в широком смысле этого термина. Нужно, наконец, понять и признать, что страна, находящаяся в состоянии внутривнутриполитического кризиса и экономического упадка, не может себе позволить шаги, которые с успехом делает благополучное в плане внутренней стабильности государство. Имеются в виду наши попытки как можно быстрее включиться в экономическое сотрудничество в СВА, широко открыв двери для внешнего мира в Сибири и на Дальний Восток. Такая открытость полезна и эффективна лишь в случае, когда "открывающееся" государство в состоянии определять, устанавливать и жестко контролировать условия сотрудничества как для местных участников, так и для иностранных партнеров. Такой случай можно видеть и изучать на примере Китая. Но даже и ему политика открытости помимо блага создала немало сложных проблем. А в плохо управляемой и переживающей кризисный спад производства стране она скорее всего может породить главным образом проблемы.

Уже сейчас очевидно, что открытость, не ограниченная реальными властными возможностями федерального правительства, будет усиливать региональный эгоизм и сепаратистские тенденции в Сибири и на Дальнем Востоке, причем не только в тамошних национальных автономиях, но и в административных областях и краях⁸. Эта опасность тем более реальна и велика потому, что раздробление, дезинтеграция России - давно и открыто объявленная цель мощных глобальных сил, которые все более активизируются на этом направлении. Во всяком случае психологическая и идеологическая обработка населения Сибири и Дальнего Востока в духе регионального эгоизма ведется с нарастающей интенсивностью и практически беспрепятственно. Ее

эффективности в немалой степени способствует усиливающаяся под влиянием экономических причин небывалая бытовая изолированность сибиряков и дальневосточников от европейской части России. Им теперь порой легче съездить в Китай или Японию, чем в Москву. Ощущение изолированности в еще большей мере укрепляется из-за ограниченных возможностей федерального центра своевременно и действительно помогать им в ликвидации последствий стихийных бедствий, не говоря уже о решении стародавних и новых проблем экономической жизни Сибири и Дальнего Востока, особенно их арктической части.

Отсюда готовность местных властей и хозяйственников, а в конечном счете и всего населения этих районов, на любых условиях развивать торговлю и экономическое сотрудничество со странами СВА. К чему ведет эта готовность, хорошо видно на примере ситуации с лесопромышленностью Дальнего Востока. Ее весьма красочно обрисовал корреспондент "Франкфуртер рундшау", материал которого перепечатала "Советская Россия" 25 октября 1994 г. В материале подчеркивается, что Москва отменила все ограничения на экспорт древесины и изделия из нее. В результате началось хищническое истребление дальневосточной тайги. По словам корреспондента, в Сибири хозяйничают иностранные монополии - гиганты по заготовке и переработке древесины. "Их притязания таковы, что фактически сибирский лес идет "за бутерброды" - за бесценок". К примеру, южнокорейский концерн "Хендаи" платит 6 долларов за кубометр, а продает у себя в стране в 10 раз дороже. "Уже явились сюда и западные фирмы - под благовидным предлогом оказания экономической помощи". В 1993 г. в общем экспорте из Хабаровского края древесины и продукция из нее занимали более 50%. Ожидалось, что после снятия экспортных ограничений вывоз древесины из края уже во второй половине 1994 г. возрастет "и при том существенно".

Возможно, дешевая распродажа тайги и всевозможного сырья - это какой-то выход из тяжелого положения, в котором оказалась экономика регионов и России в целом. Но нельзя не понимать, что чрезмерная, слабо контролируемая федеральным центром обращенность экономических инициатив регионов во внешний мир создает наибольшую угрозу суверенитету и единству Российского государства.

Накапливаются и другие невоенные угрозы его целостности. В частности, происходит довольно интенсивная и, возможно, поощряемая Пекином инфильтрация китайцев в Сибирь и в районы российского Дальнего Востока.² Это может стать в будущем, причем не очень далеко, источником острых трений с КНР, не говоря уже о том, что, достигнув какой-то критической массы, "инфильтранты" будут способны играть роль дополнительного дестабилизирующего фактора в тех или иных, особенно в приграничных, точках азатской части России.

Опасность массового проникновения и оседания китайцев особенно велика потому, что "инфильтранты" убеждены, что они внедряются не на земли чужого государства, а на исторические территории Китая, всего лишь 150 лет назад утраченные им. Вообще о "территориальном реестре" к России (примерно в миллион с лишним кв. км) без других стран (СНГ) китаец узнает еще на школьной скамье и верит в него, как в непреложный исторический факт. В нынешнем, добрососедском нам Китае, к сожалению, продолжается интенсивная работа по "научному" обоснованию упомянутого реестра. Имея в виду, что проблему китайских "инфильтрантов" легче урегулировать в момент ее зарождения, чем тогда, когда она приобретет масштабность и остроту, а также учитывая чрезвычайную важность партнерства с КНР для безопасности и экономического развития российского Дальнего Востока, необходимо самым

срочным образом ввести в правовые, законные рамки, поставить под неослабный и жесткий контроль движение китайских (и вообще иностранных) граждан на нашу территорию и обратно. Разумеется, нужно так или иначе считаться с фактом оттока рабочих рук из этого региона. Однако проблемы иммиграции, равно как и проблемы регионального сепаратизма, прямо касаются суверенитета и территориальной целостности Российского государства. Поэтому решать их вправе только федеральный центр. Это его и ничья более прерогатива.

Потенциальные вызовы или угрозы (военные и особенно невоенные) российскому суверенитету в СВА, пожалуй, наиболее опасны. Здесь для наших партнеров искушение слабостью России наиболее велико. Широкая открытость страны с Востока явно преждевременна. Она создает благоприятные условия не столько для взаимовыгодного международного сотрудничества, сколько для экономической агрессии со стороны партнеров по региону. К тому же ослабление оборонного щита России в СВА оказалось недостаточно компенсированным, поскольку организационная структура региональной безопасности не претерпела каких-либо существенных изменений. Фактически сохраняются все прежние двусторонние военные союзы между нашими партнерами. Не возникло никаких структур коллективной безопасности, подобных СБСЕ.

В нынешнем ее положении Россия глубоко заинтересована в любых эффективных формах институализации системы безопасности в СВА и должна проявлять настойчивость и постоянную активность в этом направлении, прежде всего в выработке действенных коллективных механизмов предотвращения и урегулирования возможных международных конфликтов. Такая активность тем более целесообразна, что наши партнеры в регионе склонны вести разговоры о создании системы региональной безопасности в духе партнерства. Концепция такой безопасности, хотя и не очень спешно, прорабатывается на уровне академических и политических кругов. Помимо этого, разумеется, полезны неустанные поиски путей улучшения двусторонних отношений со странами региона, в особенности с Японией и КНДР, умелое использование конкурирующих интересов наших партнеров в освоении ими рынка сырья на востоке России и т.д.

Однако если трезво смотреть на тенденции развития современных геополитических реалий, на фактические возможности России эффективно вписаться в политические и экономические процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе, прежде всего в СВА, то магистральный путь возрождения и укрепления комплексной безопасности России здесь - это восстановление управленности Сибири и Дальнего Востока из федерального центра, в том числе в экономической сфере, включая внешнеэкономические связи. Это вовсе не возврат к старому положению, к нерациональному ограничению прав субъектов федерации, а совершенно неодолимое требование жизни, способное придать "новому федерализму" подлинно объединительный характер. В конце концов все самые "образцовые" демократические федерации с развитой рыночной экономикой выступают на международной арене как единые государства во всем, что касается их безопасности, понимаемой в самом широком смысле, их суверенных прав и территориальной целостности.

В свете этого, а также учитывая особенности государственного устройства России, пора, наконец, признать, что уважительное и бережное отношение к правам различных субъектов РФ, прежде всего к правам национальных автономий, будет продуктивным и полезным для единства федерации лишь при совершенно таком же отношении к правам русского народа, составляющего около 85% населения страны и уже в силу этого, а также благодаря его исторической роли в строительстве Российского государства, объективно являющегося титульной нацией на территории всей России. Именно это

обстоятельство более всего служит источником и гарантом властных прерогатив федерального центра. Без ясного понимания и признания данного факта "новый федерализм" будет отдавать духом откровенного лицемерия и содействовать не столько укреплению, сколько ослаблению единства и целостности Российского государства.

И именно потому, что его единство ныне находится под опасно возросшей угрозой изнутри и извне, крайне важно подкрепить конституционное положение о неделимости РФ официальным признанием русского народа в качестве титульной нации на всей территории федерации. Такое признание отнюдь не отменяет особые права других народов в районах их компактного проживания. По сути дела именно так решен в Китае вопрос о соотношении прав ханьцев, составляющих 95% населения страны, и других национальностей. Ханьцы - ядро, титульная нация страны в целом, та или иная малая национальность - ядро, титульная нация в пределах автономного образования (район, округ, уезд и даже волость). В результате сняты все основания для дезинтеграции страны, в том числе связанные с правом наций на самоопределение¹⁰.

"Новый федерализм" может решить генеральную задачу переживаемого Россией времени - задачу нейтрализации обозначившихся угроз ее суверенитету и территориальной целостности - лишь в случае, если Москва решительно преодолеет влияние идеи относительно якобы совместимости политически сильного центра и политически сильных мест. Достаточно того, что эта идея, коварный смысл которой высвечен историей многих крупных государств, привела к развалу СССР. В своем нынешнем поистине чрезвычайном внутривластном и экономическом положении Россия, чтобы выжить как великое государство, обязана самым решительным образом укреплять федеральную властную вертикаль, в том числе, и может быть в первую очередь, с помощью политико-административных методов. И не следует в данном случае бояться упреков в ретроградстве. Жизнь всегда возвращается на круги своя. Она неизбежно восстанавливает в какой-то обновленной форме те государственные институты и структуры, которые рушатся во время политических смут, но объективно совершенно необходимы для ее дальнейшего нормального течения.

Чтобы не рисковать целостностью державы, ее единством, которому ныне более всего угрожает день ото дня растущее взаимное экономическое притяжение окраинных районов России и сопредельных ей государств, нужно, прежде чем начать активно интегрироваться в мощный и динамичный организм экономики США и вообще в мировое рыночное хозяйство, обеспечить внутреннюю стабильность и подъем производства в стране, опираясь преимущественно на собственные силы, стремясь в максимальной степени к освоению собственного внутреннего рынка, а не ломясь в закрытые двери рынка Японии и других членов "большой семерки". Курс опоры на собственные силы отнюдь не исключает, а предполагает оптимальное использование выгод международного разделения труда и сотрудничества. При таком подходе скорее удастся нейтрализовать внутренние и внешние источники опасности для единства России, для ее независимости и самостоятельности как субъекта мировой и региональной политики.

Следует безотлагательно приступить к реализации этого курса именно в Сибири и на Дальнем Востоке - районах, наиболее уязвимых с точки зрения безопасности и единства России. В рамках данного курса самыми актуальными, на наш взгляд, являются следующие шаги:

- принятие на уровне федерального центра и местных властей комплекса мер по прекращению оттока населения из районов Дальнего Востока и создание

привлекательных условий для персориентации потока беженцев из стран "ближнего зарубежья" с европейской на восточную часть России;

- исключение из программы перестройки оборонного комплекса на Дальнем Востоке тех элементов, которые ведут к свертыванию экономической роли армии, а одновременное увеличение содействия со стороны федерального центра хозяйственной деятельности соответствующих военных округов, что подразумевает прежде всего предельно полное укомплектование личным составом дислоцированных там войск и их надлежащее финансирование;

- упорядочение процесса конверсии предприятий ВПК на Дальнем Востоке с учетом особой ранимости экономики этого края из-за ее прежней чрезвычайно тесной увязанности с оборонными задачами; упорядочение, которое могло бы выразиться в более щедром финансировании этого процесса, а также в отказе от его форсирования на всех предприятиях, продукция которых все еще перспективна в смысле сбыта на внутреннем и внешнем рынках;

- предоставление федеральным центром действительных транспортных льгот для наиболее отдаленных районов российской Азии, включая грузовые и особенно пассажирские перевозки;

- принятие мер для прекращения все более широко практикуемого дальневосточными административными и хозяйственными структурами экспорта сырьевых ресурсов по необоснованно заниженным, по сути бросовым ценам;

- эффективное правовое обеспечение со стороны федеральных властей развития тех направлений внешней торговли и прямой производственной кооперации с зарубежными партнерами, которые создают новые рабочие места или формируют новые перспективные отрасли производства на крайнем севере и востоке страны;

- установление федеральным центром регламентаций, создающих условия для строго контролируемого притока рабочей силы из-за рубежа на контрактной основе исключительно в производственную сферу экономики районов Дальнего Востока и Сибири;

- совершенствование правовых и иных условий для поддержания и дальнейшего развития приграничной торговли, особенно с КНР.

Конечно, федеральный центр ныне находится в крайне трудном положении. Но он существует прежде всего для того, чтобы максимально надежно обеспечивать безопасность, защиту суверенитета и территориальной целостности России. Этим и только этим должны определяться приоритеты внутри- и внешнеполитической активности федерального центра. В рамках данных приоритетов в настоящее время и на обозримую перспективу на первое место совершенно определенно выдвигаются задачи укрепления безопасности восточных районов страны, с которыми связано будущее процветание России, но которые все более становятся теперь первоочередными объектами наступательной политики глобальных и региональных держав. Из всего этого следует, что федеральный центр должен соотносить свой подход к проблемам Дальнего Востока и Сибири не с так называемой экономической целесообразностью, а с более высокими, с точки зрения государственных интересов, политическими мотивами. Только так и можно преодолеть сугубо рыночную зашоренность, ныне, к сожалению, определяющую стиль государственно-политического мышления властных элит в федеральном центре и в субъектах федерации.

Помимо корректировки внутреннего аспекта политики в области обеспечения безопасности восточных районов страны ныне очевидна необходимость соответствующих новаций и в ее внешнем аспекте. Во всяком случае для России уже явно пришла пора взвешенно, "не зарываясь", не игнорируя международные и свои внутренние реалии, но вполне

недвусмысленно, отреагировать на определившиеся неблагоприятные для нее тенденции в российской политике наших партнеров в СВА.

Во-первых, на их неадекватный ответ на ее в значительной мере односторонние разоруженческие акции на Дальнем Востоке, особенно на ее меры по ограничению сферы оборонной активности своего тихоокеанского военного флота.

Во-вторых, на факт открытого антироссийского взаимодействия наших, наиболее предпочитаемых Москвой, партнеров в СВА - США и Японии, в частности по вопросу японских территориальных претензий.

В-третьих, на достаточно реальную опасность неформального сговора США, Японии, Китая, Южной Кореи с целью расшатывания и подрыва суверенитета России в отношении районов Сибири и Дальнего Востока.

В-четвертых, на совершенно очевидный теперь жесткий геополитический эгоизм наших западных партнеров, что делает абсолютно необходимым принципиальный поворот Москвы от прозападной к пророссийской ориентации, которая и должна определять суть стратегических и тактических действий российской дипломатии по всем азимутам как на глобальном, так и на региональном уровнях.

В совокупности коррективы внутреннего и внешнего аспектов политики обеспечения безопасности России в СВА отвечают интересам ее выживания в качестве великой державы независимо от того, какой в конце концов социальный облик приобретет российское общество.

1. См. Шахрай.С.М. Калининградский ракурс // Независимая газета. - 1994. - 26 октября.
2. Безопасность страны в узком смысле - отсутствие реальной вероятности применения военной силы или угрозы ее применения извне в данный момент или в течение какого-то периода. Безопасность в широком смысле выражает способность государства нейтрализовать разного рода невоенные (экономические, идеологические, политические, демографические и др.) факторы, которые в конечном счете стимулируют применение насилия в отношениях между государствами или непосредственно подрывают суверенитет, территориальную целостность, политическую стабильность государства. К ним относятся, например, экономическая агрессия или блокада, идеологическая интервенция, психологическое давление, неконтролируемый массовый наплыв беженцев или иммигрантов и т.д.
3. Эдвард Оксен. Американское восприятие безопасности в Азиатско-тихоокеанском регионе // Информационные материалы ИДВ РАН. Экспресс-информация. - 1993. - N 9. М. - С. 42.
4. Давний партнер США по НАТО - Турция поспешила поддержать эту позицию Вашингтона применительно к своим геополитическим интересам, заявив, что было бы ошибкой оставлять Кавказ России. (См.: Правда. - 1994. - 1 ноября). Возможны и аналогичные конкретные заявления со стороны сопредельных России союзников и партнеров США.
5. См.: Независимая газета. 1994. - 26 октября.
6. Российский "ВМФ ныне прекратил свою деятельность в мировом океане, причем не только в удаленных районах, но и в прибрежных морях... За последние 10 лет флот количественно сократился в 2 раза, а по подводным лодкам в 2,5, в том числе по дизельным - в 5 раз... В 1993 г. весь флот пополнился лишь 14 кораблями, в 1994 г. - одним. При такой тенденции до полного исчезновения флота осталось не более 10 лет" (академик РАН К.Панферов. Угол заката. // Советская Россия. 1994. - 3 ноября.). Между тем наши важнейшие партнеры в СВА - Китай и США - ведут себя

иначе. Первый форсирует программу военно-морского строительства, а США расширяют свое традиционно доминирующее присутствие и активность в Мировом океане. Япония, несколько урезавшая в последнее время военный бюджет, отнюдь не демонстрирует своего намерения сократить ВМФ.

7. Эта роль резко снизилась не только из-за сокращения армии, но и из-за огромной недоукомплектованности оставшихся воинских формирований. Причем, если по России в целом они укомплектованы примерно на 53%, то по Дальневосточному и Забайкальскому округам - лишь на 30-40%. (Независимая газета. 1994. - 1 ноября.).
8. Нельзя не обратить внимания на то, что в некоторых случаях эти тенденции проявляются в виде попыток интернационализировать проблемы, например, народов российского Севера путем "создания единого Арктического и Северного сообщества, свободного от идеологических противопоставлений, готового к широкомасштабному и многоуровневому сотрудничеству" (Президент Республики Саха (Якутия) М.Николаев. Арктика взывает к мировому сообществу // Независимая газета. - 1994. - 20 октября.).

И хотя все это подается как общероссийская инициатива, такой подход в конечном счете неизбежно обернется ударом по жизненным интересам России как единого государства. В планируемом сообществе и экономически и политически править бал будут мощные арктические страны - США и Канада, а также скандинавские страны, приглашаемые к "обустройству" российского Севера. Между тем он составляет большую часть территории Арктики. На него приходится 80% ее населения. А главное и сейчас и особенно в перспективе он - главная сырьевая база России. Здесь сконцентрировано 65% федеральных запасов нефти, 85% газа, 63% угля, 90% никеля, 87% рыбы, 80% апатитов, более 95% алмазов, основные запасы золота, серебра, олова, редкоземельных металлов. Имея 8% населения страны, российский Север производит 20% ее национального дохода, дает 75% добычи нефти, 92% газа, 15% производства электроэнергии и 50% древесины. (См.: Независимая газета. - 1994. - 20 октября.).

9. По оценкам МВД, в Сибири и на Дальнем Востоке без законных оснований проживает около 1 млн. граждан КНР, в том числе в Приморском крае - более 100 тысяч (Российский вестник. - 1994. - N 36-44. - С. 13.
10. Примечательна диалектическая трансформация роли права на самоопределение в борьбе коммунизма и антикоммунизма. Известный в Европе писатель и политолог Джон Ле-Карре недавно откровенничал: "Самоопределение угнетенных народов было краеугольным камнем нашей старой доктрины антикоммунизма. В течение полувека проповедовали ее во все горло... Независимость была самым драгоценным бриллиантом в риторике свободного мира. Сегодня эта идея, как слово "либерал", означает мятеж и беспорядок (Советская Россия. - 14 февраля 1995 г.).

Проблемы эксплуатации рыбных ресурсов России на Дальнем Востоке

© 1995

Ю.Минаков

В середине 1994 г. страницы печати стран АТР были заполнены материалами о событиях, происходящих в восточной части Тихого океана, в районе континентального шельфа России. В российских военных и пограничных кругах она получила кодовое название "Путина 94", по существу же она больше связана с проблемой эксплуатации рыбных ресурсов России и отношениями между странами АТР по вопросам экологической безопасности Тихого океана.

Участие в начале 90-х годов китайского и японского рыболовецких флотов в эксплуатации морских ресурсов в районах Охотского и Берингового морей в 200-мильной зоне России значительно осложнило ситуацию.

В результате проведения операции "Путина-94" пограничными судами России было задержано более 60 судов, в основном японских, арестовано 65 рыбаков, три капитана были подвергнуты тюремному заключению. В результате японская и китайская стороны в значительной степени сократили свои попытки проникновения в российские территориальные воды¹.

Огромное впечатление в Японии произвели два инцидента, во время которых российские пограничники открывали предупредительный огонь по не желающим подчиняться браконьерам².

Почувствовав опасность, японские промысловики практически к концу августа 1994 г. ушли из зоны Охотского моря и несут заметные экономические потери. Доходы ряда крупных рыболовецких кооперативов о.Хоккайдо упали более чем на 10%, а поставки палтуса на рынок этого района - на 80%.

Проблема экологического кризиса, нерационального использования природных ресурсов Океана - составная часть общего экологического кризиса ресурсов в крупнейших странах АТР - Китае, России, США, Японии. Общественность региона озабочена созданием нового миропорядка в районе Тихого Океана. Чрезмерная эксплуатация ряда важнейших рыбных запасов Тихого океана (трески, минтая, сайры, камчатского краба, тунца, креветки и т.д.) за пределами 200-мильных экономических зон в 80-е - 90-е годы, особенно на знаменитом "пятачке" Охотского моря, вдоль побережья Камчатки, в Беринговом море привела к снижению запасов в этих зонах, что в свою очередь вызвало тяжелые социально-экономические последствия как для ряда районов Дальневосточного экономического центра России³, так и для ряда государств

Восточной Азии - Китая, КНДР, Республики Корея, Японии, США, Канады.

Как указывал зам. председателя Комитета РФ по рыболовству В.Зиланов, тяжелые последствия в начале 90-х годов для рыбаков России и США были вызваны истощением запасов минтая в результате бесконтрольного лова Японией, Польшей, Китаем и Республикой Корея в анклав Берингова и Охотского морей за пределами 200-мильных зон России и США.

Эти проблемы являются производными ряда политических, военных, экономических и экологических тенденций 80-х - 90-х годов некоторых стран и районов АТР. По мнению американских ученых, важность экономической силы и изменения экологической ситуации по отношению к военной мощи в последние годы возросла и будет впредь расти. В то же время экономическая взаимозависимость стран Восточной Азии во все возрастающей степени ослабляет автономию государств и уменьшает выгоды военной силы⁴.

Тем не менее отсутствие многосторонней системы экономической и экологической безопасности, чрезмерная эксплуатация природных ресурсов, рост загрязнения Океана и прибрежных районов, сокращение производства и качества продуктов питания, особенно богатых белком, в странах региона приводит ко все более жесткой конкуренции ведущих рыболовных держав и экономических группировок.

Для России рациональное использование морских рыбных ресурсов приобрело в последние годы исключительно важное значение ввиду обострения проблемы обеспечения белками животного происхождения населения. В балансе потребления белков животного происхождения населением рыба занимает 20%. Рыболовный флот ежегодно способен вылавливать всего от 3,5 до 5 млн. т рыбы и морепродуктов (40% общего улова страны). Россия занимает 6-е место в мире среди ведущих рыболовных стран. Главная проблема, таким образом, состоит в сохранении и рациональном использовании перемещающихся рыбных трансграничных запасов (сайды, минтая, лососевых, палтуса, тунца) прежде всего в пределах зоны России.

Основные районы, где ведут промысел рыбаки Приморского и Хабаровского краев, Камчатки и Чукотки - это Берингово и Охотское моря. Эти моря имеют 200-мильные зоны со стороны России и США. Центральная часть Берингова моря (8% общей площади моря) - пространство между этими зонами, в котором можно вести рыболовство на условиях норм международного права, утвержденного на конференции ООН по рыболовству в открытом море в 1982 г. (так называемая "Повестка 21"). В Охотском море такая площадь меньше и составляет всего 3% общей площади моря. Бесконтрольный лов постоянно мигрирующих рыб в этих свободных районах создает угрозу уничтожения ряда рыбных популяций в восточной части Тихого Океана. Именно такая ситуация сложилась в анклав Берингова моря, где косяки минтая совершали сезонные миграции в центральную международную часть моря за пределы юрисдикции прибрежных государств - России и США. С конца 80-х здесь ведется нерегулируемый крупномасштабный промысел, который вместе с традиционным российским промыслом значительно превысил допустимый улов (до 80-100%), что привело к истощению запасов минтая. Такая же ситуация сложилась и в центральной части Охотского моря, где промысел минтая, мигрирующего из России, с 1991 г. ведут Польша, Республика Корея, Китай и даже суда под флагом Панамы. Их общий улов составил в 1992 г. 600 тыс. т, что вместе с традиционным российским уловом вдвое превышает допустимые нормы. Российские научные учреждения пришли к выводу, что в этих морях осталось столь мало рыбы, что невозможно поддерживать ее нерест. 3 млн. судов, ведущих промысел в Мировом Океане, "просто проели свой капитал"⁵. Без рациональной системы регулирования того, кто и где может вести рыбный

промысел, а также с помощью какого оборудования, популяции рыбы будут катастрофически исчезать, обостряя конкуренцию за сокращающиеся ресурсы. Это окажет не только разрушительное воздействие на экономику и ресурсы прибрежных государств, но может вызвать столкновения в открытых морях наподобие так называемой тресковой войны 70-х годов"⁶.

Эти проблемы подтвердило и руководство Кампании по морской экологии организации "Гринпис Россия", которая заявила, что дальневосточный район России в области рыболовства близок к критическому. В то же время российские ресурсы страдают от несовершенства управления и коррупции в существующей системе организации рыбного промысла. Сегодня мы видим уже реально существующую экологическую трагедию: снижаются объемы выловов в Дальневосточных морях, 70% охотноморского минтая в уловах являются молодняком, не способным к репродуктивности, уменьшается промысловый стандарт на длину и вес рыбы⁷.

Такие государства, как Китай, Япония, Тайвань, опираясь на значительную финансовую и производственную помощь государства, пользуясь распадом СССР, сворачиванием производственной активности рыболовецкого флота России, пассивностью ряда международных организаций ООН (ФАО, отсутствием международного механизма организации жесткого режима рыболовства под эгидой ООН), отсутствием научно установленных квот на основе международных стандартов, настолько увеличили улов минтая, что его промысел становится все более трудным и неустойчивым.

Особое значение в настоящий момент приобретает развитие научно-технического сотрудничества в этой области между странами Восточной Азии.

В начале 90-х годов проблема охраны среды и рационального использования природных ресурсов Океана уже рассматривалась в комплексе общей стратегии безопасности и прав человека с учетом их влияния на характер экономических и социальных отношений в АТР. Так, на коллоквиуме по вопросам организации Северотихоокеанского диалога по вопросам безопасности на основе сотрудничества (НПКСД)⁸ в 1992 г. и на встрече стран АТЭС в 1993 г. северо-тихоокеанские разработчики политики и экономики согласились с тем, что существуют экологические вопросы, которые в перспективе могут стать угрозой региональной стабильности. Выделены три основных направления экологических исследований в бассейне Тихого океана - рыболовство, переносимые по воздуху загрязнения и глобальное потепление климата. Подчеркивалась необходимость сохранения природных ресурсов, не только рыбных, но и прибрежных районов, ограничения выловов минтая, сайды, вплоть до полного запрещения лова на определенный срок, как это было сделано в конце 70-х годов по вылову тихоокеанской сельди, что позволило к началу 80-х годов восстановить поголовье на 80%. В 90-е годы Канада была вынуждена прекратить лов трески в своей 200-мильной зоне.

Рабочие программы АТЭС показывают, что в 1992-93 гг. выделился ряд областей функционального сотрудничества: различные формы контроля миграции рыбы, аквакультура и управление приморскими ресурсами, не признающее границ загрязнение воздуха и воды, международное сотрудничество в преодолении стихийных бедствий (тайфунов, землетрясений). Почти треть из 5,5 млрд. населения Земли живет в пределах 60 км от моря, загрязняя воды стоками промышленного и сельскохозяйственного производства⁹.

Экономическое развитие Китая, Республики Корея, Японии и Тайваня сопровождается резким увеличением добычи рыбы и морепродуктов. Особенно возросла роль КНР, которая в 1993 г. вышла на первое место по добыче креветок, рыбы, морских гребешков, устриц и съедобных водорослей. Если в 1992 г. Китай добыл 15,57 млн. т рыбы и морепродуктов (из них 9,33 млн. т

океанических видов), то в 1993 г. произошел резкий скачок - 18,23 млн. т (морепродукты - 10,76 млн т)¹⁰, из них более 40% (из 12 млн т производимых в мире) аквакультуры разводится на морских фермах и прудовых хозяйствах Китая.

Уничтожение ряда природных рыбных запасов китайскими рыбаками в районе Японского моря, Бохайского залива, Восточного и Южно-Китайского морей привело к тому, что в центральной части Охотского моря с 1991 г. Китай вышел на второе место после Японии по несанкционированному лову в зоне России. Еще в начале 90-х годов Россия, учитывая ряд проблем, связанных с бесконтрольным ловом, предложила странам Японского и Охотского морей ряд совместных проектов, касающихся рационального использования и совместной разработки рыбных ресурсов и морепродуктов странам АТР в Восточной Азии. Это такие вопросы, как закрепление особой роли прибрежных государств в поддержании производительности единых рыбных запасов; установление обязательств государств, ведущих промысел в открытых морях, вступать по требованию прибрежных государств в переговоры с целью заключения соглашений о мерах по сохранению таких запасов; признание права прибрежных государств вводить в одностороннем порядке меры для сохранения запасов открытого моря; осуществление регулирования промысла за пределами экономических зон путем создания международных рыбохозяйственных организаций открытого типа; достижение договоренности о том, чтобы контроль за промыслом в открытом море осуществлялся путем соглашения между прибрежным государством и государством флага.

Необходимо, чтобы на международных региональных конференциях стран Восточной Азии были выработаны практические меры по рыболовству. Российские специалисты подготовили свыше 10 документов по рациональному использованию прибрежных вод и правовому режиму рыболовства в мировом Океане.

Первая практическая проблема для России - оградить свою 200-мильную зону от браконьерства других стран.

Вторая проблема заключается в том, чтобы регламентировать лов в узких пространствах морей между 200-мильными экономическими зонами. Российская делегация на конференции ООН по рыболовству в 1993 г. настаивала, чтобы ООН разработала основной режим рыболовства в таких анклавах и открытых участках Мирового Океана. Для защиты рыбохозяйственных интересов России в прибрежных водах, важно, чтобы Конференция ООН по миграции рыбных ресурсов приняла конвенцию, в которой были бы отражены российские интересы в отношении открытых морей, а также интересы сохранения наших уникальных видов рыб, которые выходят на короткое время за пределы 200-мильной экономической зоны.

Ряд стран АТР в конце 90-х годов выразил мнение, что безопасность стала многомерной, ее обеспечение требует общего вклада всех сторон. Экологические проблемы, которые в 50-е - 70-е годы в условиях быстрого экономического роста часто смазывались определенными успехами в промышленности и сельском хозяйстве, встали в последнее время на первый план. Особое внимание предполагается уделить проблеме негативного влияния на экологию прибрежных районов Китая в результате бурного экономического развития этой страны в 90-е годы¹¹.

Возможности функционального сотрудничества в АТР в целом будут увеличиваться. Роль и место России будут определяться социально-экономическим уровнем развития приморских районов, степенью рационального использования здесь природных и морских ресурсов.

БИОЛОГИЧЕСКО
ОТДЕЛЕНИЕ
КННЕСН АН СССР

Активизация и расширение международного сотрудничества в области охраны окружающей среды в Восточной Азии все больше происходят под влиянием Японии. В сентябре 1994 г. состоялась конференция в японской префектуре Киото, где участвовали представители правительств и ученые из России, Китая, Монголии, Республики Корея, Японии, а также эксперты ООН. Главной задачей участников третьей Международной конференции по защите экологии бассейна Японского моря стал обмен мнениями о возможных конкретных формах научно-технического сотрудничества.

Кстати, в Токийском университете в 90-е годы активно работают над проблемой создания научно обоснованной системы "третьей водной стихии" - сочетания пресноводного и морского рыболовства. Стараниями японских ученых была создана уникальная вода, где могут обитать совместно морские и речные рыбы.

Другой научный центр, в городе Кавасаки, вывел универсальную формулу "взаимоприемлемой водной среды обитания". Неожиданным "побочным эффектом" третьей водной стихии стали ее бактерицидные свойства, позволяющие без риска разводить рыбу в искусственных условиях практически в любом, даже самом проблемном, с точки зрения экологии, районе. При этом рыбы не испытывают никаких неудобств от смены привычного местообитания и появления нового соседства.

Важное значение в области охраны окружающей среды и рыбных запасов в АТР приобретает позиция США. Администрация Клинтон рассматривает в качестве "стержневой" проблему "сохранения биологического разнообразия" на Земле. Об этом заявил 12 июля 1994 г. заместитель государственного секретаря США по глобальным вопросам Тимоти Уирт.

Выступая в Вашингтонском Национальном клубе печати, он подчеркнул, что при решении этой проблемы в мире должен быть создан такой "устойчивый биологический баланс", при котором будет возможно удовлетворять продовольственные потребности нынешнего населения планеты без ущерба для жизни будущих поколений.

Уирт также подчеркнул, что перед страной стоит важная задача: "интегрировать на национальном уровне экологические и экономические императивы".

"Глобальное изменение климата, озоновые дыры, угроза биологическому разнообразию, проблема беженцев, торговля наркотиками - все эти проблемы становятся предметом озабоченности для всех стран, отметил Т.Уирт, мы начинаем осознавать тесную взаимосвязь между бедностью, ростом населения, окружающей средой, экономикой и безопасностью и продовольственными ресурсами". В условиях, когда "мировая экологическая система напряжена до предела," продолжил он, США выступают за развитие международного сотрудничества в решении глобальных проблем и для предотвращения экологических и демографических кризисов, кризиса в энергетике, "как в рамках более широких международных союзов, так и через растущую сеть частных, неправительственных, добровольных организаций".

Вашингтон будет продолжать оказывать помощь другим странам в решении этих проблем на двустороннем уровне. Он напомнил, что США "при нынешней администрации значительно увеличили фонды, предназначенные для этих целей, и стали крупнейшим в мире государством-донором, ежегодно выделяющим на это 600 млн. долларов".

По его словам, слишком долго угроза окружающей среде рассматривалась как "периферийная проблема". Упускалось из виду то, что мировая экономика полностью зависит от экологического состояния планеты. Именно из биосистем суши и моря человечество черпает все свои богатства, продукты питания и воду,

и только природа даст возможности для экономической деятельности и труда. "Экономика - это 100-процентное дочернее предприятие окружающей среды, - сказал он. - Если окружающая среда в конечном счете будет вынуждена объявить себя банкротом... вместе с ней разорится и экономика".

Заместитель Госсекретаря особо остановился на ситуации в Китае, в котором живет одна пятая населения Земли и где "серьезный дефицит воды и эрозия почвы, обострение продовольственной проблемы, создают угрозу для способности этой страны обеспечивать свое население". Потери пахотной земли, которые составили в Китае с 1957 по 1990 г. площадь, превышающую сельхозугодья Франции, Германии, Дании и Голландии вместе взятых, приводят к "массовому исходу" населения из внутренних районов страны в бурно развивающиеся города, что вместе с быстрой индустриализацией приведет к возникновению "экологической стены, с которой на полной скорости встретится китайская экономика"¹².

США в вопросах рационального использования рыбных ресурсов Баренцова моря выступает за рост сотрудничества с Россией. Американские специалисты считают, что в условиях быстрого экономического роста в случае нерационального использования рыбных ресурсов и демографического взрыва резко возрастет потребность в белках для нормального функционирования человеческого организма, резко обострится конкуренция между ведущими державами АТР за обладание рыбными ресурсами.

Россия, Япония, Китай и Южная Корея также выступают за установление "нового порядка" разработки морских ресурсов Северо-Восточной Азии, в первую очередь в зоне Японского моря, что должно проявиться в более жестком взаимном регулировании рыболовного промысла. Нынешние масштабы промысла полезных видов рыб в регионе, итоговый протокол встречи, подписанный всеми участниками, определяет как "неумеренные". В этой связи основой для придания более цивилизованного характера лову в пределах 200-мильных экономических зон друг друга должна стать Конвенция ООН по морскому праву, которая вступала в действие с 16 ноября 1994 г.

Однако с учетом того, что в Японском море режим 200-мильных зон не применяется в полной мере, на встрече было высказано пожелание не только подходить к регулированию лова на двусторонней основе между странами региона, но и охватить такой системой все рыболовные суда, ведущие промысел в этой акватории.

Участники отметили, что в регионе есть поле для плодотворного сотрудничества, поскольку существуют запасы недоосвоенных морских ресурсов в прибрежной зоне России, которая не имеет возможности из-за слабого технического оснащения рационально их разрабатывать.

В этой связи как представители Приморского края РФ, так и делегации Японии и Республики Корея высказались за полезность и взаимную выгоду варианта, по которому российская сторона, получая от них современные рыболовные суда и перерабатывающее оборудование, а также техническую помощь в виде предоставления технологий и "ноу-хау", компенсировала бы долей улова или экспортом готовой продукции.

Такие встречи четырех ведущих рыболовных держав Северо-Восточной Азии в рамках Международного форума по рыбному хозяйству в зоне Японского моря начались в 1990 г., и нынешняя была третьей.

В кулуарах конференции высказывалась мысль и о возможном привлечении к ней в будущем Северной Кореи, которая также активно занимается рыболовством в Японском море. Однако вопрос об этом может возникнуть только в случае установления официальных отношений между

Токио и Пхеньяном. Пока же участники договорились провести следующую встречу снова в Японии в нынешнем четырехстороннем составе.

По мнению многих экспертов и представителей властей как в России, так и в Японии, оптимальной формулой для решения проблемы, отравляющей и без того непросто складывающиеся отношения между двумя странами, может стать российское предложение о заключении двустороннего соглашения, предусматривающего ведение японскими рыбаками промысла на двусторонней компенсационной основе. С этим предложением согласна и администрация префектуры о. Хоккайдо.

Тем не менее японские власти не дают окончательного ответа на эти предложения. Это в значительной степени объясняется тем, что против "курильского соглашения" решительно выступает МИД Японии, что коммерческий промысел морепродуктов в районе Южных Курил может поставить под сомнение решимость Токио добиваться возвращения "северных территорий". Япония, желая обойти этот вопрос, предлагает заключение соглашения о научно-техническом сотрудничестве в перестройке инфраструктуры рыбоперерабатывающей промышленности, совместного изучения запасов рыбных ресурсов, оказания помощи научным учреждениям Дальневосточного региона¹³.

Таким образом, формирование системы экологической безопасности в бассейне Тихого океана будет связано с комплексным рациональным использованием странами АТР богатых рыбных ресурсов, их воспроизводством, что устранил экономические и экологические противоречия и будет способствовать росту сотрудничества в этом динамичном районе мира.

Однако события в районе Южных Курил (попытка десяти японских сейнеров ловить рыбу в 200-мильной зоне в ноябре 1994 г.) показывают, что в отношениях между двумя странами предстоит пройти трудный путь, определять который должен учет всей специфики экологической ситуации в АТР.

1. Сегодня. - 22 апреля. - 1994; Зеленый мир. - 1994. - N 21. - С. 14-15.
2. Проблемы Дальнего Востока. - 1991. - N 6. - С. 21-22.
3. Зеленый мир. - 1994. - N 21. - С. 14.
4. The Asia Foundation's Center for Asian Pacific Affairs, CAPA Report 7, - July 1992.
5. Зеленый мир. - 1994. - N 21. - С. 15.
6. New York Times. - 1994. - July 25.
7. Процессы, проблемы, анализ. - ИТАР-ТАСС. - 1993. - 19 августа. - N 33. - С. 30.
8. York University, North Pacific Cooperative Security Dialogue, Working Paper Number 12, May 1992.
9. Зеленый мир. - 1994. - N 21. - С. 15.
10. Синьхуа. - 1994. - 25 февраля; Чжунго тунци чжайяо, 1994. - Пекин, 1994. - С. 63.
11. ИТАР-ТАСС. - 1994. - 12 сентября.
12. ИТАР-ТАСС. - 1994. - 13 сентября.
13. Peter Weber. Net Loss: Fish, Gobs, and Marine Environment. - N 120. - July 1994. Worldwatch Paper. - P. 33, 53.

Наши рефераты

Китай после Дэна

1. ДИ ГУАНЛУ. Далу шэхуй маодунь юй Дэн хоу чжэнцзюй юйцзэ// Цзюши няндай. - Сянган, 1994. - N 3. - С. 49-57. - Кит. яз.

Общественные противоречия на континенте и прогноз политической ситуации после Дэна.

2. HEILMANN S. Beijing unter Druck: Die Nachfolgefrage und die Erosion der Parteiherrschaft// China aktuell. - Hamburg, 1993. - N 1 - S. 35-44.

Пекин под нажимом: проблема наследования и эрозия партийного господства.

Автор статьи (1), по утверждению журнала, доцент Центральной партийной школы при ЦК КПК, выступающий под псевдонимом, выделяет три взаимозависимые группы факторов, которые определяют возможность крупных потрясений в Китае после смерти Дэна Сяопина: 1) социально-политические противоречия, накапливающиеся при жизни Дэна, 2) степень согласия в структурах китайской компартии после смерти Дэна и 3) экономическую ситуацию. В первую группу входят прежде всего противоречия социальные - между неорганизованными социальными силами: крестьянами и горожанами, трудовым народом, с одной стороны, и коррумпированным чиновничеством и теневыми дельцами - с другой. Сюда же относятся и противоречия политические - между организованными (или пока еще слабо организованными, как общественные движения) политическими силами.

Социальные противоречия после 1984 г. непрерывно возрастали. До 1989 г. общенародное достояние продажные чиновники грабили в основном путем мздоимства, вымогательства, присвоения общественных фондов, путешествий за казенный счет и т.п. В последние же годы грабеж принял полулегальный характер. Для этой цели используются и подрядное хозяйствование, и акционирование, и объединение предприятий.

В ноябре 1993 г. Центральное телевидение сообщило, что бесследная утечка имущества составила 200 млрд. юаней. По оценкам же некоторых специалистов, эта сумма не меньше 300 млрд. (1, с.50). Продажные чиновники, их дети и жены составили новый класс буржуазии. В то же время простой народ с трудом выносит тяготы инфляции.

Народное недовольство продажными чиновниками и богатеями неизбежно перерастает в недовольство коммунистами и правительством, ибо прямо или косвенно оно вызвано проводимой компартией политической распределения или слабостью правительства. В условиях, когда индекс цен в деревне впервые оказался выше, чем в городе, крестьяне не могут не предъявлять счет правительству, которое всеми правдами и неправдами облагает их непосильными

налогами, поборами и штрафами. Не случайно, когда Цзян Цзэминь во время своей поездки в Хубэй спросил одного крестьянина: "Что сейчас нужно больше всего?", - ответ был: "Больше всего нужны Чэнь Шэн и У Гуан" (вожди крестьянского восстания в 203-208 гг. до н.э. - прим. реф.).

Обострение социальных противоречий неизбежно порождает революционную ситуацию. Будет ли революция носить, благой (конструктивный) или пагубный (чисто разрушительный) характер зависит от того, удастся ли сформировать идеальную политическую организацию, ориентированную на реформы и модернизацию.

Правительство, потакающее коррупционерам, никогда не проявляло слабости в борьбе с народным движением - начиная с 1979 г, не говоря уже о жестоком подавлении народного протеста 4 июня 1989 г. С 1979 г., когда Вэй Цзиншэн был приговорен к 15-летнему тюремному заключению, этой судьбы не избежал почти никто из тех, кто пытался издавать народные органы печати в различных уголках страны.

Благодаря предпринятой в 1983 г. борьбе с "духовным загрязнением", двум кампаниям по борьбе с "буржуазной либерализацией", проведенным в 1981 и 1987 гг., а также массовым преследованиям, чисткам и резне 1989 г., китайские коммунисты своими руками создали себе широкую оппозицию. Эта оппозиция включает не только активистов периода "Стены демократии" и выборной кампании, но и сторонников Ху Яобана и Чжао Цзыяна. События "4 июня" сплотили их и способствовали созданию объединенного фронта за рубежом.

Подвергшиеся давлению и суровым репрессиям участники народного движения внутри страны были вынуждены замолчать, но некоторые из них создали подпольные организации, продолжившие сопротивление. В 1991 г. китайские коммунисты нанесли удар по таким организациям, как "Либерально-демократическая партия Китая" ("Чжунго цзыю миньчжу дан"), "Подготовительный комитет свободных профсоюзов Китая" ("Чжунго цзыю гунхуй чоубэй вэйюаньхуй") и "Прогрессивная лига Китая" ("Чжунхуа цзиньбу тунмэн"), которые готовились 4 июня разбросать на площади Тяньаньмэнь с самолета листовки с призывом к народу никогда не забывать эту дату. Несколько десятков людей были арестованы. В июне 1992 г. китайские коммунистические власти арестовали двух студентов Китайского Народного университета Ван Шэнли и Ляо Цзианя за организацию студенческого "Общества чтения книг" ("Ду шу шэ") и издание журнала "Дацзя" ("Все"), обвинив их в распространении "контрреволюционной пропаганды".

Новый подъем народного движения на континенте наметился после поездки Дэн Сяопина на юг в начале 1992 г. Выражением этой тенденции стала "Хартия мира" ("Хэпин сяньчжан"), опубликованная в ноябре 1993 г.. В числе ее девяти авторов были главный редактор уханьского журнала "Чжун шэн" ("Голос колокола") Цинь Юнмин, Ян Чжоу и др. Хартия, призывая китайских коммунистов освободить политзаключенных, отменить наказание за контрреволюционные преступления и ускорить преобразования политической системы, вместе с тем выступала за осуществление мирных реформ. Коммунисты ответили на эти призывы арестом Циня и Яна, тем самым отказавшись от соединения усилий народного движения и реформаторов в деле мирного перехода к современному обществу.

Противоречия между малочисленными народами и китайцами в Синьцзяне, Внутренней Монголии, Тибете стали уже не только социальными, но и политическими. В течение многих лет организованные сепаратистские силы раскола ведут прямую борьбу за независимость Синьцзяна и Тибета. Несмотря на строгие цензурные ограничения стало известно о кровавых стычках в южном

Синьцзян и Лхасе. 22 ноября 1985 г. в Пекине прошла демонстрация 340 студентов уйгурской национальности из различных вузов столицы. Они протестовали против превращения Синьцзяна в ядерный полигон и резервацию для преступников.

Во Внутренней Монголии подобных столкновений не отмечено, но антикитайские и изоляционистские настроения столь же сильны, как среди уйгур и тибетцев. Их истоки восходят к "Народно-революционной партии Внутренней Монголии" времен "культурной революции". Изначально эта партия была организацией монголов, боровшихся против японских оккупантов. Затем она волилась в КПК. Во время же "культурной революции" первый секретарь комитета КПК Внутренней Монголии, председатель ревкома и командующий военным округом Тэн Хайцин, выражая позицию "центра", заявил, что эта партия по-прежнему существует и добивается объединения Внешней и Внутренней Монголии. С того момента началась мощная кампания чистки, в ходе которой пострадали 100 тыс. членов КПК и кадровых работников монгольской национальности, а более 10 тыс. чел. было уничтожено (1, с.52). Преследователи в большинстве случаев были ханьцами. С помощью варварских средневековых орудий и методов они жестоко пытали свои жертвы: раскаленными железными прутьями выжигали глаза, подвешивали людей над котлами с закипающей водой. Многие монголы не забыли эти пытки до сих пор.

Что касается факторов, определяющих степень внутреннего единства политической системы, то здесь выделяются четыре структурных компонента: 1) внутрипартийные группировки, 2) местные элиты, 3) силы народного движения и силы национального раскола, 4) общественные блоки и общественные силы. Внутри партии вычленяются следующие основные группы: 1. Основное течение, формирующееся в настоящее время вокруг Цзян Цзэминя, с неясными пока очертаниями. После перехода на пост генсека ЦК Цзян Цзэминь в идейно-теоретическом плане пока не утвердил себя на пути модернизации, но потратил немало времени для накопления сил и обретения власти, в частности, установившая контакты с военными. Его старый сподвижник, командующий Шанхайским военным округом Ба Чжунтань был переведен в Пекин и повышен в должности. Также из Шанхая он привез с собой своего секретаря Цзэн Цинхуна, получившего пост начальника Канцелярии ЦК. Выходцы из Шанхая заняли также важные посты заместителя заведующего отделом пропаганды ЦК, вице-президента АОН Китая, заместителя главного редактора газеты "Жэньминь жибао".

Отсюда видно, что Цзян Цзэминь боится повторить судьбу "банды четырех". До 1992 г. он был занят в основном борьбой с правыми и предотвращением "мирной эволюции". После выступлений Дэна на юге Цзян изменил позицию, заняв место в авангарде реформы. Свое положение будущего "ядра" руководства он упрочивает выпуском третьего тома избранных произведений Дэн Сяопина. Однако, пока Дэн жив, свобода действий Цзяна ограничена. Если Цзяну и его группе не удастся предпринять какие-то устрашающие действия сразу после смерти Дэна, их слабость довольно скоро станет очевидной.

2. Левое течение, группирующееся вокруг Дэн Лицуня. Левая тенденция традиционно сильна в компартии. Даже в период реформ ее сторонникам трижды - в 1981, 1983 и 1987 гг. - удалось организовать контрнаступление. Особенно укрепились левые после событий "4 июня". Они не только свели счеты с реформаторами и отобрали у них многие важные позиции в центре и на местах, в партийном и правительственном аппарате, но и использовали находящиеся в их распоряжении средства контроля над общественным мнением для пропаганды своих взглядов. Дело дошло до оправданий похода против

"идущих по капиталистическому пути" в период "культурной революции" (выступление Дэн Лицюня на собрании, посвященном 70-летию КПК), до утверждений, что теория продолжения революции при диктатуре пролетариата по-прежнему служит пробным камнем при определении истинного и ложного марксизма. Левые готовятся после смерти Дэна расчитаться с реформаторами, обвинив Дэна в правом уклоне.

3. Реформисты. К ним относятся нынешние члены Политбюро Цяо Ши, Ли Жуйхуань, Чжу Жунцзи, Тянь Цзюнь, прежние члены Политбюро Чжао Цзыян, Вань Ли, Ху Цили и др. Их позиции не полностью совпадают. Так, Чжао Цзыян выступает не только за рыночные экономические реформы, но также и за большую степень открытости, демократии и свободы. Другие, возможно, считают, что сначала нужно построить рыночную экономику, а со свободой и демократией можно не спешить. Третьи согласны только создавать рыночную экономику, но не принимают демократию и свободу. В связи с этим реформаторы готовы противостоять нападкам левых на политику реформ и открытости, но расходятся между собой в подходе к проблемам политической реформы. После смерти Дэна возглавляемые Цяо Ши, Тянь Цзюнем и Ли Жуйхуанем органы - ВСНП и НПКСК станут главной опорой реформистов в их противостоянии наступлению левых.

Независимо от того, кто выступит первым после смерти Дэна, - реформаторы, добивающиеся политических преобразований, или левые столкновение правых и левых неизбежно. Роль, которую сыграют в этом столкновении такие геронтократы, как Чэнь Юнь и Бо Ибо, трудно оценить. Китайская компартия для обеспечения своей сплоченности в принципе может использовать харизму лидера, организацию и идеологию. Во времена Мао одновременно действовали все эти средства, что и обеспечивало высокую степень сплоченности партии. С началом политики открытости и реформ единые формы сознания практически почти утратили сплачивающую функцию. Не реализовано до сих пор и организационное единство, которого добивался Дэн. Остается, таким образом, только способность лидера сплотить вокруг себя партию. Цзян Цзэминь такой способностью не обладает.

За период реформ значительно выросли права и финансовая мощь регионов и региональных элит. Некоторые из них в последние годы осмеливаются вести против центра войну законов. Некоторые установки центра, доходя до мест, либо не выполняются, либо перетолковываются.

До 1982 г. из 28 членов и кандидатов в члены Политбюро не было ни одного представителя местных кадровых работников. Среди 18 членов и кандидатов в члены Политбюро, избранного в 1987 г., были 4 представителя мест. А в числе 22 членов и кандидатов в члены Политбюро, избранного в 1992 г., представительство местных кадров возросло до 6 человек.

3-й пленум ЦК КПК (14-го созыва) принял решение с 1994 г. ввести налоговую систему, призванную укрепить финансовую мощь центра и его способность поддерживать единство регионов. В этой системе таможенные сборы, доходы от страхования финансовых операций банков, почтово-телеграфные и железнодорожные тарифы идут центру, а налоговые поступления от обычных предприятий - местам. Соответственно налоговые службы имеют центральные и местные подразделения, которые ведают каждая своей сферой деятельности. Пока неясно, насколько успешно сможет функционировать эта схема.

Любая политическая система, обладающая способностью к сплочению, должна непрерывно интегрировать вновь возникающие социальные силы и политические организации, т.е. создавать институционализованные каналы участия. КПК, однако, проводит противоречивый курс. За последнее десятилетие она непрерывно способствует дифференциации общественных и

политических структур, что неизбежно влечет за собой рост многообразия общественных интересов и общественных организаций. Но КПК неизменно отвергает и подавляет стремление вновь нарождающихся социально-политических сил принимать участие в политике. Сталкиваясь с кризисом участия, коммунисты не только не корректируют свой курс, но, напротив, используют насилие для подавления недовольных и тем самым способствуют накоплению и обострению противоречий. Коммунисты видят в гражданском обществе, возникающем вследствие политики дифференциации, и в политических представителях этого общества враждебные себе силы, хотя дело не обязательно обстоит именно таким образом: организации народного движения вполне способны играть роль честных оппонентов компартии внутри системы.

Коммунисты считают, что диалог и иные формы равноправия не пригодны в отношениях с силами народного движения, и стремятся силой уничтожить их. Однако эта политика терпит крах. Народное движение в 80-е годы развилось и укрепилось до такой степени, что приходится использовать регулярные войска и танки, чтобы справиться с ним. Но принудить армию против ее воли к исполнению карательных функций мог только Дэн. Выполнят ли войска подобный приказ Председателя Военной комиссии ЦК КПК после смерти Дэна?

Для сплочения общества коммунисты помимо харизмы лидера, марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэдуна и насилия опирались также на партийные организации и иные подобные организационные структуры: в деревне - коммуны, в городе - предприятия и учреждения. Некоторые даже считают, что в Китае нет общества, ибо оно поглощено коллективами предприятий и учреждений. Коммуны и эти "единицы" и были малыми обществами. В таком суждении немало правды, поскольку коммуны и "единицы" выполняли функции социального обеспечения и социального контроля и, таким образом, сплачивали общество. Однако после принятия курса на реформы и открытость отделение функций администрации от коммуны и предприятия способствовало началу разделения общества и государства. Развитие рыночной экономики еще более ускоряет эту тенденцию, содействует увеличению многообразия интересов и группировок в обществе. Однако новые общественные структуры, которые могли бы взять на себя функции сплочения общества после развала коммун и "единиц", жестоко подавляются коммунистами. Силы общественного самоуправления очень слабы. В условиях роста преступности и нестабильности общественного порядка это может послужить залогом серьезных беспорядков в будущем.

В зависимости от соотношения основных социальных, политических и экономических факторов выделяются 8 сценариев возможного развития событий после смерти Дэна. Первый из них - идеальный, второй - четвертый - переходные, пятый - восьмой - революционные.

1. Стабильность. Промышленность и сельское хозяйство продолжают устойчиво развиваться. Одновременно оптимизируется структура производства, углубляется экономическая реформа, создается рыночная система. В компартии формируется и укрепляется основное течение, возглавляемое Цзян Цзэминем, который продолжает курс Дэна на реформы и открытость, пользуясь поддержкой большинства в партии. Столкновения между правыми и левыми имеют место, но не сотрясают общую обстановку. Армия остается стабильной, продолжая играть роль гаранта курса на реформы и открытость. Успешная реализация системы раздельного взимания налогов укрепляет объединяющую роль центра, местничество сдерживается. Социально-политические противоречия сохраняются и продолжают возникать, но не приводят к крупным общественным потрясениям, не угрожают политической власти компартии. Рост

сельскохозяйственного производства и повышение цен на зерно и хлопок способствуют повышению доходов крестьян. Развитие предприятий волостей и поселков позволяет поглотить большую часть избыточной рабочей силы, снизить давление миграции на город. Рост промышленности вкупе со стабильностью цен и опережающим ростом доходов горожан сравнительно с темпами инфляции стабилизируют настроение городского населения. Удары по коррупции упрочат социальную справедливость, повысят легитимность власти. Все это укрепит стабильность общества. Несмотря на непрекращающиеся призывы немногочисленных организаций народного движения и отдельных лиц освободить политических заключенных, пересмотреть дела, связанные с событиями "4 июня" и ускорить политическую реформу, коммунисты проводят лишь политику ограниченной открытости.

Реализация данного сценария возможна лишь в том случае, если Дэн Сяопин проживет еще несколько лет, и, опираясь на его авторитет, удастся завершить создание рыночной экономики, что позволит Цзян Цзэминю сформировать свое основное течение и обрести возможность спланировать армию и регионы.

2. Переход к беспорядкам (второй и третий сценарии в статье названы одинаково, хотя содержание их различно; возможно, они отражают разные стадии одного процесса - реф.) Основное течение Цзян Цзэминя сформировалось и укрепило свою власть. В партии преобладает согласие. КПК способна сплотить регионы, а правительство консолидирует общество. Несмотря на довольно серьезные общественные противоречия и столкновения коммунистов с внесистемной оппозицией, народные волнения сравнительно быстро умиротворяются, а народное движение подавляется или включается в систему.

3. Переход к беспорядкам. Экономический рост сохраняется, жизнь народа относительно стабильна, общественные и политические противоречия не носят серьезного характера. Однако при жизни Дэна не удастся завершить формирование основного течения Цзян Цзэминя и консолидировать под его эгидой различные внутрипартийные группировки, что мешает признать авторитет Цзян Цзэминя. Временная стабилизация длится недолго. В любой момент возможны конфликты между внутрипартийными группировками, между центром и местами, между компартией и внесистемными силами. Сценарий носит краткосрочный характер.

4. Переход к стабильности. Основное течение в партии сформировано, власть Цзян Цзэминя укрепились, в партии достигнута сравнительно высокая степень сплочения, система обладает довольно большой объединяющей силой. Социально-политические противоречия время от времени возникают, но не угрожают системе. В экономике существуют некоторые проблемы, но у компартии и правительства есть ресурсы и время для их разрешения и возможность реализовать первый сценарий. Такая перспектива не исключает две другие возможности: а) ухудшение положения в экономике из-за ошибочного курса чреват возникновением социальных волнений, б) обострение политических противоречий с внесистемными силами может привести к пятому сценарию. Если экономический фактор и социально-политические противоречия приведут далее к внутрипартийным столкновениям, то компартия утратит изначальную способность консолидировать, и страна будет ввергнута в ситуацию беспорядков по седьмому сценарию и столкнется с революционной ситуацией.

5. Конфликты и противостояние. Основное течение в партии сформировано, власть Цзян Цзэминя укрепились, в партии достигнута высокая степень сплочения, что оказывает довольно сильное консолидирующее воздействие и на внесистемные силы. В экономике возникает спад, сельскохозяйственное производство сокращается. В промышленности создается

недостаточно рабочих мест, что ведет к увеличению миграции и безработицы, сокращению доходов, инфляции, росту цен, падению юаня. Все это вызывает народное недовольство. Коммунистической партии и всей системе бросают серьезный вызов общество и силы народного движения. Такое противостояние может продолжаться довольно долго и привести к расколу партии. Завершиться это может двояким образом. Либо одержит верх реформаторское течение в партии, которое, достигнув согласия с силами народного движения, поведет Китай по пути политических реформ. Либо же победу в партии одержат консерваторы, которые силой подавят народное движение и народные возмущения, и Китай отступит к закрытости и консерватизму. Решающее значение здесь будет иметь позиция армии.

6. Благоприятная революция. Экономический рост сохраняется. Крупномасштабные нерациональные и разрушительные народные волнения еще не возникают. Внутрисистемная степень единения, как и способность системы консолидировать общество, невелики. Внутрипартийные группировки противоборствуют, борьба за власть ожесточается. Местные "князья" возвышаются. Коррупция не обуздана. Массы негодуют. Усиливаются центробежные (от компартии) силы. Одновременно возникает новый подъем народного движения, которое становится организованным и сплоченным. Создается обстановка благоприятной революции, наиболее вероятным конечным исходом которой станет ссоединение внутрипартийных реформаторов с силами народного движения для совместного сокрушения консерваторов и завоевания власти с целью поставить Китай на путь демократических реформ.

7. Революция - благоприятная или неблагоприятная. Внутрисистемная степень консолидации и способность системы сплачивать общество крайне слабы. Социально-политические противоречия очень остры. Их усиливает экономический спад, который ставит Китай перед лицом революции. Ключевым фактором в этой ситуации становится степень организованности реформаторских сил (внутрипартийных реформаторов и сил народного движения), от которой зависит, пойдет революция благоприятным или неблагоприятным путем.

8. Переход к революции. Это ситуация крайней слабости государства и общества. Внутрипартийные группировки множатся и ведут борьбу за власть. Местные "князья" возвышаются и создают самостоятельные царства. Экономика неустойчива. Социальные и политические конфликты находятся в латентном состоянии. Но такая ситуация не может длиться долго, ибо спад в экономике неизбежно усиливает социальные противоречия, а раскол в партии создает возможность развития сил народного движения. Перспектива очень близка к седьмому сценарию.

В целом из трех воздействующих на политическое будущее Китая групп факторов ключевое значение имеет степень сплоченности высшего эшелона китайской компартии. Обострение прочих противоречий и их способность вызвать кризис зависят от возможности достичь согласия между различными группировками в китайской компартии, их консенсуса и готовности к консолидации. Если конфликт между ультралевыми и реформаторами в партии не обострится, если высший эшелон руководства не будет расколот, местным "князьям" очень трудно будет возвыситься и расколоть нацию. В этой обстановке даже экономический кризис может быть преодолен, а народные волнения, если таковые возникнут, могут быть очень скоро умиротворены.

Вопрос о том, какое направление может принять китайская политика после смерти Дэн Сяопина, главного архитектора реформ, отмечает автор (2), занимал специалистов по Китаю начиная с 80-х годов. Особенно актуальным он стал в последние годы в связи с ухудшением здоровья Дэна. Проблема наследования власти не раз в истории КНР вела к дестабилизации политической

системы. Эта проблема стала исходной точкой политического кризиса, связанного с борьбой за наследие Мао Цзэдуна между Лю Шаоци, Линь Бяо и Хуа Гофэном. Печальная участь постигла Ху Яобана и Чжао Цзыяна, двух первых кандидатов в наследники, избранных Дэн Сяопином, когда они попытались войти в контакт с движением протеста против ортодоксальной идеологии.

В Китае отсутствует формализованная процедура, посредством которой старшее поколение руководителей может передать власть более молодому. Трудности усугубляются доминированием ветеранов революции, которые определяют политику, даже не занимая сколько-нибудь значительных постов. Нестабильность партийной верхушки обостряется в связи с тем, что смена власти, неизбежная по биологическим причинам, происходит на фоне гигантских перемен в экономике и обществе. Никому из претендентов на наследие Дэна, занимающих ныне те или иные важные посты, не гарантировано их сохранение после смерти политического патрона. Об этом свидетельствует судьба Хуа Гофэна, который после кончины Мао, назначившего его своим преемником, утратил верховенство в партии и государстве.

Факторы, которые оказывают решающее воздействие на ход борьбы за наследие, характеризуются формулой "5п + х". Под "пятью п" имеются в виду: положение, протекция, политические союзы, персональные связи и программа. Фактор "х" - реальные обстоятельства, при которых произойдет смена власти.

С официальной точки зрения, проблема наследования сегодня на повестке дня не стоит. Цзян Цзэминь находится на вершине руководства государством, партией и армией. Дэн и другие ветераны определили его в качестве "ядра" ("хэсинь") центрального руководства, которое призвано обеспечить стабильность политической системы после смерти Дэна.

В состав "коллективного руководства" входят также шесть других членов Постоянного комитета Политбюро. Из них вряд ли будет играть ведущую роль самый молодой (51 год) - Ху Цзиньгао, хотя недавно он был назначен на влиятельный пост руководителя Центральной партийной школы - важнейшего инструмента для установления связей. Вряд ли можно причислить к разряду главных претендентов на верховную власть и председателя мало-влиятельного Политического консультативного совета Ли Жуйхуаня (59 лет), ответственного в ЦК за культуру и пропаганду. Адмирал Лю Хуацин должен быть исключен из числа соискателей высшей власти по причине своего почтенного возраста (77 лет), хотя, возможно, ему и доведется сыграть определяющую роль в развитии событий ближайших лет в связи с тем значением, которое имеет армия.

Таким образом, анализ сосредоточивается на четырех ведущих фигурах партийного руководства, которые, благодаря своей относительной молодости (65-69 лет), могут иметь политическое будущее. Все четверо представляют новый тип кадров высшего звена: они получили техническое образование, знакомы с опытом бывшего Советского Союза и начинали свою карьеру как инженеры или в сходной профессии.

Число постов, занимаемых Цзян Цзэминем, служит показателем скорее его слабости, чем силы. На вершину власти эта бесцветная личность была вознесена как следствие компромисса между влиятельными ветеранами партии. Он обладает лишь небольшим влиянием в партийном аппарате Шанхая и пользуется очень слабым престижем у бюрократии центра. Его воздействие на экономический курс, который в последние годы стал важнейшей сферой политики, очень невелико: здесь доминируют Чжу Жунци и Ли Пэн. Не имеет Цзян Цзэминь и сколько-нибудь серьезной опоры среди военных, несмотря на выражения преданности со стороны генералитета. При политических контактах и в частных беседах Цзян предстает как негибкий и отчасти даже

несинформированный человек. Своим возвышением Цзян обязан прежде всего тому, что у него пока сравнительно мало противников в центральном руководстве, но в политической борьбе он остается легковесом такого же плана, как в свое время Хуа Гофэн.

Ли Пэн (род. в 1928 г.) вылеплен из другого теста. Он в течение многих лет создавал мощную базу власти в центральном госаппарате и, как никто другой в политическом руководстве, обладает хорошими связями с многими ветеранами. Ли до сих пор находится в ореоле Чжоу Эньлая, своего приемного отца, который оказывал ему протекцию вплоть до смерти в 1976 г.

В своем восхождении на вершину Госсовета Ли в 80-е годы пользовался поддержкой многих ветеранов, но прежде всего - Чэнь Юня, который по влиянию на китайскую политику уступает лишь Дэну Сяопину. При поддержке ветеранов он организовал в 1989 г. подавление движения протеста.

Из четырех рассматриваемых здесь претендентов Ли стоит ближе всех к ортодоксальной позиции. В период кризиса ему выпала участь ковать союзы (он часто действовал в сотрудничестве с Цяо Ши) и проводить жесткие политические решения.

Самой большой сложностью для Ли остается та роль, которую он сыграл в подавлении протеста 1989 г., она делает его непримлемой фигурой в глазах широких слоев населения и за границей. Ожидаемая после смерти Дэна критика в его адрес заставляет сомневаться в том, что Ли сможет надолго остаться у кормила власти. На дальнейшую карьеру Ли может оказать влияние и состояние его здоровья: в 1993 г. Ли на несколько недель был выведен из строя болезнью сердца.

Цяо Ши (род. в 1924 г.) - самый загадочный человек в партийном руководстве. Он занимает третью позицию в Политбюро и в марте 1993 г. был назначен Председателем Постоянного комитета ВСНП - маловлиятельного китайского парламента. В годы "культурной революции" Цяо преследовали как "предателя-ревизиониста". С 1985 по 1992 г. он возглавлял одну из самых важных "руководящих групп" в ЦК - политико-правовую, которая по своему статусу уступает только Политбюро. В этой функции он отвечал за координацию деятельности органов юстиции, полиции и секретных служб также в период карательных акций в 1989 г. По неофициальным данным, Цяо пытался в то время смягчить политические преследования. Кроме того, с 1987 г. по 1992 г. Цяо унаследовал от Чэнь Юня пост секретаря Центральной дисциплинарной комиссии, в обязанности которой входит борьба с коррупцией.

Став руководителем парламента, Цяо старается поднять его значение как контрольного и законодательного органа, противостоящего правительственной бюрократии. Не исключено, что он сумеет превратить его во вторую опору власти и источник престижа наряду со своими связями с аппаратом государственной безопасности. Вместе с Ли Пэном Цяо является самой мощной фигурой среди членов Постоянного комитета Политбюро.

В прошлом Цяо часто занимал оппортунистическую позицию между умеренностью и ортодоксией, в кризисной ситуации он до сих пор принимал сторону ортодоксов, но в последние годы неизменно выступал за реформы экономической и правовой систем. В 1993 г. Цяо работал в тесном контакте с Чжу Жунци, поддерживая попытки модернизировать экономическую политику государства. Если эти политические лидеры и дальше будут сотрудничать, они могут составить в пекинском руководстве после смерти Дэна мощную ориентированную на реформы ось.

Чжу Жунци (род. в 1928 г.) занимает пост первого вице-премьера (второе лицо в правительстве после Ли Пэна) и президента Центрального банка и одновременно возглавляет в ЦК руководящую группу по сельскому хозяйству.

Став самым значительным и склонным к новаторству политическим деятелем в сфере народного хозяйства, он, однако, потерпел явную неудачу в попытке вновь поставить финансовую систему под контроль центра и умерить амбиции регионов.

Бегло говорящий по-английски Чжу выступает за контролируемый, но последовательный переход к рыночному хозяйству и открытости мировому рынку. Эта позиция делает его фаворитом предпринимателей в частном и "коллективном" секторах китайской экономики и любимцем иностранных инвесторов. Чжу, однако, сталкивается с сильным противодействием части партийной и государственной бюрократии, чья компетенция уже существенно сокращена, благодаря допущению свободного рынка.

Между китайскими лидерами, однако, нет разногласий по поводу сохранения руководящей роли коммунистической партии. Разногласия касаются хозяйственных проблем, включая политику открытости внешнему миру. Политическая либерализация на повестке дня не стоит.

Ни один из перечисленных выше лидеров не представляет собой самостоятельную силу, не зависящую от протекции ветеранов, особенно Дэн Сяопина, Чэнь Юня и Пэн Чжэня. Последние обладают далеко идущим правом вето на основополагающие политические или персональные решения. Без их согласия мало что может быть достигнуто.

Смерть патрона неизбежно приведет к утрате влияния протее. Если Дэн умрет раньше Чэнь Юня и Пэн Чжэня, осложнится положение Цзян Цзэминя и прежде всего Чжу Жунци. Если первыми уйдут из жизни Чэнь Юнь и Пэн Чжэнь, покачнутся позиции Ли Пэна и Цяо Ши.

Огромную роль играет поддержка армии. XIУ съезд КПК (1992 г.) усилил влияние армейского руководства на политическое развитие. Возросло армейское присутствие в руководящих органах. В ЦК удельный вес военных увеличился с одной шестой (1987 г.) до одной четверти, что составляет самую большую величину с 1977 г. В результате реформистский блок в руководстве состоит из гражданских и военных сил. В центре этого блока находится ряд влиятельных ветеранов армии, чей военный престиж восходит к периоду гражданской войны 1945-1950 гг. В их числе адмирал Лю Хуацин (77 лет) - член Постоянного комитета Политбюро и генерал Чжан Чжэнь, который стал летом 1993 г. членом Политбюро и участвует, хотя и без права голоса, в заседаниях Постоянного комитета.

Поддерживаемая военными правящая коалиция призвана обеспечить стабильность режима и после кончины Дэна и Чэнь Юня. Это могло бы создать основу для перехода к деидеологизированному, милитаризованному авторитарному режиму, напоминающему структуры власти, существовавшие в Южной Корее и на Тайване в 50-х и 60-х годах, но обладающему значительно большим военным и экономическим потенциалом.

Значение НОАК ни в коей мере не ограничено чисто военной сферой. Армия включает в себя империю предприятий, занятых производством потребительских товаров, торговлей, экспортом. Они только отчасти связаны с производством вооружений и обеспечением тыла. Интересы части офицерского корпуса существенно коммерциализованы. Военные играют важную роль в китайской экономике. Армейское руководство, участвующее в предпринимательской деятельности, столь же сильно заинтересовано в продвижении экономической реформы и политике открытости, как и в социальной и политической стабильности. Поэтому армия может выступать не только в качестве фактора закона и порядка, но и в качестве движущей силы далеко идущих реформ.

За годы реформы в составе руководства значительно возросла численность технократов. В 1982 г. к этой категории относилось всего 12% членов ЦК, а после XIV съезда - примерно 70%. Еще более разительной эта перемена оказывается на уровне министров, глав провинций и секретарей региональных партийных организаций. Это люди, которые своей карьерой обязаны не идеологической беспорочности и слепой лояльности, а деловым качествам и успехам в решении практических проблем. И в армии за последние годы значительно вырос удельный вес профессионально подготовленных офицеров. Их сотрудничество со штатскими может создать широкую коалицию, ориентированную на реформы.

Образцом для китайских технократов от Ли Пэна до Чжу Жунци служат страны экономического чуда - Южная Корея и Тайвань в их авторитарной, экономически необычайно успешной фазе. Демократия и права человека представляются им химерой параноидального Запада.

Кто бы ни принял наследие Дэн Сяопина, он определенно не будет обладать его статусом, престижем и базой власти. И сам Дэн не принадлежит к тому типу руководителя, как Мао, он скорее должен ограничиваться ролью "первого среди равных", "маклера". Следующее поколение руководителей при их ограниченных контактах с различными функциональными системами (партийного, государственного и военного аппарата) и перед лицом растущих региональных требований будет отличаться склонностью к компромиссу, осмотрительным, трезвым и ровным стилем политики. Только таким образом они могут сохранить стабильную коалицию в партийном руководстве.

Возврату к экономике командного типа противостоит не столько решимость неоднородного лагеря приверженцев реформы, сколько та изобретательность, с которой население и местные власти используют свою свободу и проистекающий отсюда "дикий", но здоровый рост китайской экономики. Этот рост не смогла прервать надолго даже ортодоксальная реакция 1989-1991 гг. Он обрел не зависящую от "дворцовой политики" Пекина динамику, которая еще более усилилась с новым ускорением реформы в 1992 г.

Наследникам Дэна вряд ли остается что-либо иное, чем продолжать экономические реформы, готовиться к вступлению в ГАТТ и проводить в жизнь стратегию развития, ориентированного на экспорт. Подавление негосударственных секторов, которые дают почти две трети общественного продукта в Китае, представляется невероятным. Оно было бы равносильно политическому и экономическому самоубийству, привело бы к тяжкому упадку, волне безработицы, резкому сокращению иностранных инвестиций и внешней торговли. Чтобы справиться с социальными аспектами пока еще недостаточно ограниченного роста народонаселения и гигантского избытка рабочей силы и их последствиями (неконтролируемая миграция, бурная урбанизация и т.п.), рост в Китае должен в течение длительного времени ежегодно составлять минимум 5-6%.

Стремлению вернуться после смерти Дэна к нормам и практике маоистской партийной диктатуры препятствуют также организационные слабости коммунистической партии, прежде всего на базисном уровне. Изначально КПК обрела свою силу благодаря организационному проникновению в сельские районы. Сегодня партийные организации во многих сельских местностях больше не функционируют, собрания и политическая учеба не проводятся. Партийные комитеты существуют лишь номинально. Членские взносы не платят, партийные документы и газеты не читают. Партийное руководство выпустило по этому поводу множество директив, тем не менее "организационная жизнь" КПК, по-видимому, разрушена необратимо. В негосударственных секторах экономики партийных организаций практически

больше не существует. На государственных предприятиях реформы также ослабили влияние партии.

Режим, без сомнения, в кризисных ситуациях может использовать мощный репрессивный аппарат. Однако политическая система Китая переживает далеко идущие перемены. Ее разрушают экономические реформы. КПК не обладает более рычагами прежней власти, включавшими харизматическое лидерство, всепроникающую официальную идеологию, мобилизацию масс на достижение целей политического руководства, эффективную организацию партии и власти вплоть до самых нижних уровней.

Коррупция и частная хозяйственная деятельность подточили политический контроль партии. Устаревшая идеология сохраняет лишь символическое, поверхностное значение.

Ослабление организационного и идеологического контроля ведет к подрыву влияния ортодоксально-марксистских сил в партии, которые могли бы попытаться реставрировать централизованную командную систему и задушить реформы. Они сегодня в меньшинстве. Многие партийные и армейские руководители и их семьи непосредственно заинтересованы в тех возможностях обогащения, которые предоставляет реформа.

Ортодоксальные силы могут, пожалуй, затормозить реформы (как это им не раз удавалось в 80-е годы) или, используя националистические мотивы, развязать кампанию против Запада или Тайваня, чтобы таким путем добиться своих внутренних целей. Однако вряд ли им удастся добиться этого в масштабах всей страны и надолго.

Важнейший результат политики реформ - падение влияния центра и чрезвычайно разнообразное социально-экономическое развитие регионов. Основной водораздел конфликтов сегодня проходит не между группировками в центре, а между центром и регионами и между отдельными регионами.

Проводившаяся с начала 80-х годов децентрализация принятия решений и распорядительных прав в фискальной и административной областях привела к перемещению компетенции и финансовых средств на провинциальный и местный уровни. Южные провинции использовали предоставленную им реформой свободу, чтобы обходить торговые и налоговые предписания центра и при помощи нередко жесткого протекционизма защитить местные рынки от товаров из других регионов. В этой связи говорят даже о "феодальной экономике" ("чжухоу цзинци"), при которой центральное правительство вынуждено постоянно идти на переговоры и компромиссы с региональным руководством.

Специфические интересы регионов обнаруживают себя в деятельности собраний народных представителей различных уровней, на пленумах ЦК, в принятии самостоятельных законодательных мер и персональных решениях. Собственная политическая жизнь в регионах представляет собой не только вызов унитарной партийной и государственной системе. В некоторых случаях она ведет также к большей общественной свободе. Исходя преимущественно из коммерческих соображений, южные провинции допустили, по крайней мере временно, большую свободу печати и представительство интересов различных групп предпринимателей. Эти вновь обретенные свободы во всяком случае ограничивают произвол органов цензуры и безопасности.

Важнейшим инструментом центрального руководства в его противостоянии тенденциям к региональному обособлению служит система номенклатуры. После XIV съезда КПК (1992 г.) более 1000 армейских командиров ниже высшего ранга получили новые назначения. Существуют планы еще до смерти Дэна провести массовую персональную ротацию кадров в

южных провинциях, военных округах и больших городах, чтобы помешать упрочению базы власти в регионах.

Глубокие изменения происходят в китайском обществе. В свою очередь они воздействуют на политику, несмотря на стремление коммунистического руководства ограничить такое воздействие. Возникают новые, "современные" социальные силы и слои и одновременно возрождаются архаичные элементы (кланы, тайные общества и т.п.), приобретающие в изменившихся социальных условиях новые функции. Экономическая реформа и возможности обогащения порождают драматическую революцию растущих ожиданий и далеко идущие социальные сдвиги. Меняются ценностные представления и стиль жизни. Распространяются свойственные Западу пороки: гедонизм, преступность, наркомания, коррупция.

Многие выиграли от реформы. Многие вначале были в числе выигравших, но затем проиграли. В большинстве своем это крестьяне. За первые годы реформы их доходы росли быстрее, чем в городе. Но с середины 80-х годов положение изменилось, и в последние годы оно все более становится неравноправным - в пользу города. Избыточная рабочая сила в деревне превышает 140 млн. человек. Местные власти облагают крестьян произвольными оброками и используют государственные средства, которые должны расходоваться в интересах крестьян, для личного обогащения или для создания промышленных предприятий и инфраструктуры. Вспышки насилия, которые стали происходить все чаще с 1991 г. и достигли своего пика летом 1993 г., рассматриваются некоторыми членами центрального руководства как самая большая угроза их господству. Но положить конец беспорядкам в деревне они не могут. К числу проигравших можно будет вскоре причислить и около 100 млн. занятых на городских предприятиях, когда руководство будет вынуждено всерьез заняться структурными реформами в этой сфере. Свыше 30% коллективов государственных предприятий в ближайшие годы могут пасть жертвой попыток повысить производительность и конкурентоспособность. Предприниматели и политическое руководство пытались избежать социального взрыва путем создания альтернативной занятости (прежде всего в сфере услуг). Сомнительно, однако, что такой подход сработает перед лицом предстоящих массовых сокращений.

К числу выигравших от реформы относится находящийся в стадии становления и приобретающий все больший вес слой предпринимателей. Формируется новая местная элита, которая рекрутируется особенно из числа добившихся за последние 14 лет успеха предпринимателей в промышленной и аграрной областях. Среди них часто встречаются бывшие функционеры (в этой связи иногда говорят о "кадровом капитализме") и в любом случае люди, обладающие хорошими связями с местной властью.

Политическое влияние больше не определяется исключительно членством в партии и не обусловлено идеологически. Оно все более связано с экономическим потенциалом. Частная экономическая инициатива быстро растет в городах процветающего восточного приморья, что и служит основой сильной заинтересованности в дальнейшем продвижении экономической реформы. В Шанхае из примерно 13 млн. жителей 2 млн. стали владельцами акций (2, с.41). Возможность приватизировать участие в экономическом строительстве служит важнейшим залогом того, что попытки удушить реформу найдут поддержку лишь меньшинства населения. В дальней перспективе китайский городской средний класс, сформулировав собственные экономические интересы, может выдвинуть и политические требования. Подобное развитие на Тайване стало решающей предпосылкой серьезной демократизации политической системы. Социальная дифференциация и плюрализация китайского общества

станет, вероятно, в ближайшие десятилетия движущей силой экономического и политического развития Китая.

Социальные перемены в Китае протекают столь быстро, что опасения по поводу всеобщей дестабилизации политической системы не выглядят пустой фразой. Помимо беспоконья крестьян и работников государственных предприятий тревожит драматический рост миграции (70-100 млн. человек).

Среди специалистов по Китаю обсуждаются три основных сценария дальнейшего политического развития страны после ухода со сцены ветеранов революции.

Сценарий 1: авторитарный капитализм и поступательный переход к демократии.

Этот оптимистический сценарий предполагает сохранение политического единства под центральным руководством и поступательную модернизацию экономики и политики по примеру Тайваня и других восточноазиатских стран экономического чуда.

По этому сценарию коалиция технократов в руководстве партии и армии еще до конца десятилетия вытеснит с вершины власти своих ортодоксальных оппонентов. Консолидированное таким образом руководство будет движимо не поддержкой отдельных мощных лидеров, но общей целью модернизации и будет продолжать политику рыночных реформ и открытости внешнему миру. Ему удастся в сотрудничестве с региональными властями справиться с насущными проблемами инфляции, инфраструктуры, безработицы и противоречивого развития регионов.

Социальные изменения постепенно приведут к переменам в политической сфере. Тяга к политической либерализации и демократическому участию будет нарастать, даже если политическая оппозиция в условиях экономических успехов и мощной тайной полиции сможет играть лишь маргинальную роль. Политическое руководство по-прежнему будет использовать жесткие репрессивные меры и допустит существование лишь отдельных независимых общественных организаций. Будут разрешены местные выборы, в которых смогут конкурировать несколько кандидатов. В конечном счете это приведет к созданию многопартийной системы и постепенному строительству институтов правового государства.

Западные и восточноазиатские государства будут сотрудничать с ориентированным на экономические достижения, рационально действующим китайским руководством, учитывая сокращающееся ущемление прав человека. Через одно-два десятилетия Китай, приобретший глобальный экономический, военный и политический вес, потребует себе статус сверхдержавы. Если к тому времени Китай будет связан серией глобальных многосторонних соглашений, он будет сохранять статус-кво. В ином варианте китайский колосс может при случае использовать свою мощь, чтобы реализовать китайские интересы против воли других стран, если потребуется - и военным путем.

Сценарий 2: медленная федерализация и вертикальное разделение власти.

Второй сценарий отвергает предположение о политически контролируемой модернизации и исходит из того, что Китай уже сегодня представляет собой мозаику, состоящую из чрезвычайно разных экономических и социальных элементов. Тенденция к противоречивому развитию и самостоятельности регионов в ближайшие годы еще более возрастет. Конкретно сценарий может разворачиваться следующим образом.

Практикуемая в настоящее время система постоянных переговоров между центром и регионами будет все больше подтачивать формально существующий унитарный порядок правления. Сохранится лишь видимость управления

регионами из Пекина. Молчаливый уговор будет вуалировать истинные отношения власти, особенно на юге и востоке страны. Регионы тем самым смогут добиться еще большей независимости в сфере экономической политики вопреки всем попыткам вернуться к централизации финансовой и налоговой систем. Между отдельными регионами и между регионами и центром будут сохраняться напряженные отношения. В постоянном клинче с центром регионы будут пытаться удовлетворить свои растущие аппетиты.

Это ведет к совершенно иному типу отношений между центром и регионами. Иерархическая подчиненность больше не действует. Нахождение решений напоминает западное федеральное устройство (например, как в Канаде).

Не исключено, что коммунистическая партия в случае дестабилизации центрального руководства (например, в связи с кризисом наследования после смерти Дэна) может быть расколота на многочисленные региональные ответвления. Возможно возникновение региональных однопартийных систем или систем с партией-гегемоном неидеологического характера, чьей важнейшей целью, как в Сингапуре, будет проведение экономической модернизации и поддержание власти, поделенной между региональными группами политиков, военных и предпринимателей. Китай станет союзом государств при символическом центре. Глобальный вес и военно-политические возможности Китая будут ограничиваться приоритетом специфических региональных интересов.

Сценарий 3: дезинтеграция.

Третий сценарий исходит из того, что возрастающий региональный и социальный распад страны несет с собой огромный политический риск для Китая и его соседей.

Наблюдатели в Китае и за рубежом предупреждают, что альтернатива коммунистическому господству в Китае - политический и общественный "хаос". Наихудший сценарий, как показывают два независимых исследования, проведенных АОН Китая и лондонским Институтом стратегических исследований, исходит из того, что экономические и социальные противоречия способны расколоть страну. Провинция Гуандун, обладающая одной из самых динамичных экономик в мире (свыше 20% прироста в год) и тесными связями с Гонконгом, Тайванем и ЮВА, может при сохранении нынешнего притока иностранных инвестиций еще более обособиться, тогда как бесперспективные внутренние регионы не имеют уже с ней практически ничего общего, не считая языка и истории.

Региональные и социальные противоречия могут привести к массовым миграциям, крестьянским восстаниям, этническим конфликтам и обособлению региональных военно-политических клик. Доклад АОН предупреждает, что Китай после смерти Дэна распадется, если центральное правительство не сумеет противопоставить высшие интересы страны эгоистическим интересам региональных сил.

В случае общего развала, чреватого гражданскими войнами, соседи Китая (прежде всего такие страны ЮВА, как Тайвань, Корея и Япония) должны считаться с возможностью неконтролируемого наплыва китайцев, который, по оценкам, может составить 200 млн. человек, Тайваня вплавь могут достичь несколько миллионов. К счастью, вероятность последнего сценария невелика.

Первый из рассмотренных сценариев имеет немало сторонников (среди них - Ли Куан Ю, ряд ведущих политиков на Тайване). Но основные посылки его также вызывают сомнения: трудно себе представить, что центральное правительство в среднесрочной перспективе будет в состоянии столь успешно контролировать экономические и политические процессы.

Пекинское руководство до сих пор не было способно проводить стабильный, последовательный курс на модернизацию и вряд ли сможет это сделать в будущем. В этом состоит весомое отклонение от восточноазиатской модели модернизации, основанной на централизованном управлении.

Слабость системы управления в Китае можно рассматривать и как благоприятное обстоятельство, поскольку оно делает возможными естественные социально-экономические перемены "снизу". Но такой процесс чреват непредвидимым риском и ни в коем случае не отождествляется со сценарием самоконтролируемого и смягчающего ситуацию авторитаризма.

Определенная доля непредсказуемости, нестабильности и "хаоса" есть неизбежная плата за модернизацию. Некоторые члены китайского руководства знают об этом и при постановке целей отказываются от полного контроля над процессом перемен. Но они не предлагают ничего, что было бы способно уменьшить политический риск модернизации. Мощные центробежные силы в китайских провинциях могли бы нести конструктивную энергию только в том случае, если бы регионы были прочно связаны поиском решений и ответственностью перед центром путем введения в политическую систему элементов федерализма. Пекин, однако, видит свою роль в качестве традиционного центра, который способен принимать объединяющие нацию решения. Пекинское руководство ошибочно убеждено в том, что его власть и суверенитет неделимы. В этих условиях противоположные интересы очень трудно регулировать.

Неоднородность Китая делает его будущее развитие труднообозримым. Но оно ни в коем случае не будет единообразным и ровным. Восточные приморские регионы могут, повторяя ранние стадии развития на Тайване, преодолеть прошлое, тогда как бедные внутренние и периферийные районы в большей или меньшей мере останутся в прежней системе. С течением времени региональные различия могут сгладиться, но мало кто ожидает этого в обозримой перспективе. Рост общественных ожиданий и напряженности способен опередить рост экономики. В этой связи всесторонний переход к рыночному хозяйству и децентрализованному управлению без крупных структурных перемен и конвульсий представляется невероятным.

Опыт экономических реформ

Хозяйственный механизм КНР

© 1995

М. Баранов

1. Общая характеристика хозяйственного механизма

Хозяйственный механизм КНР - сложная, динамично меняющаяся структура. Его элементы неодинаковы в различных районах страны. Из общих черт можно обозначить следующие:

- децентрализация управления, передача многих прерогатив центра провинциям;
- внедрение рыночных отношений: прежние рычаги регулирования демонтируются, а новый целостный хозяйственный механизм пока не сложился;
- двойственность ряда экономических нормативов: сосуществование высоких рыночных и низких государственных цен, кредитных ставок и т.п.;
- допущение негосударственных секторов, включая создание частных предприятий с неограниченным числом наемных работников и предприятий, частично или полностью принадлежащих иностранному капиталу;
- широкое распространение принципа подряда, применяющегося в сельском хозяйстве, промышленности, бюджетно-финансовой системе, внешней торговле, работе банков (этот принцип признан не соответствующим рыночной системе. Поставлена задача отказа от подряда);

- приоритетность сохранения социальной стабильности: соразмерение темпов реформ с психологической готовностью населения, политика доходов, направленная на сглаживание их дифференциации, государственная поддержка убыточных предприятий, стремление к принятию хозяйственных решений методом компромиссов и консенсуса, а не навязывания установок "сверху вниз".

Текущая хозяйственная политика основана на осторожных подходах. В середине 1993 г. ясно обозначились тенденции экономического "перегрева" (быстрый рост инвестиций в основные фонды, кредитной и денежной эмиссии, показателей инфляции). Для борьбы с ним правительство приняло программу "урегулирования", резко отличающуюся по своей идеологии от ряда "урегулирований" прежнего периода реформ:

- основным направлением стало структурное, а не сплошное, как ранее, ужесточение кредитной политики: банкам было предложено отзываться кредиты,

предоставленные в нарушение существующих правил чисто спекулятивные цели (на операции с недвижимостью, ценными бумагами, фьючерсные торговые сделки); но общий объем кредитной эмиссии, предусмотренный на год, не сокращался;

- не было выборочного введения рестрикций против наиболее маркетизированных негосударственных укладов, произошел практический отказ от политики протекционизма в отношении госсектора;

- на первых порах правительство пыталось стабилизировать макроэкономическую ситуацию, не прибегая к восстановлению прямого госрегулирования цен, хотя на местах уже с конца лета 1993 г. стали вводиться "потолки" цен. В январе-феврале 1994 г. Госсовет КНР был вынужден восстановить административное воздействие на ценообразование практически по всем основным товарам.

В целом "урегулирование" 1993 г. планировалось как стабилизация рыночного типа. Административные меры применялись лишь для нейтрализации отрицательных последствий произвола ведомств и местных властей, остающегося основным источником дисбалансов в экономике Китая. Вместе с тем реализация установок урегулирования на практике во многом пошла по привычному, не совместимому с рыночной реформой, руслу. Лозунг "урегулирования" был снят с повестки дня уже в октябре 1993 г., но фактически эта политика продолжалась.

2. В сельском хозяйстве в 1993 г. была сделана попытка перейти к рыночной закупке государством сельхозпродукции при отказе от обязательных госпоставок. К началу кампании по закупкам зерна нового урожая эта система была внедрена примерно в 1/3 сельскохозяйственных районов страны. Крестьяне получили возможность выбора между продажей продукции государству или коммерческим структурам. Для защиты интересов сельских товаропроизводителей практикуется установление минимальных протекционистских цен (вступают в действие, если рыночные цены ниже их уровня), а также создание резервных фондов стабилизации рынка (они пополняются при большом урожае и падении цен и служат источником дополнительной товарной массы при неурожае). Однако неотработанность системы закупок в госфонды через рынок, конкуренция со стороны коммерческих структур, нехватка у госорганизаций наличности привели к срыву закупочной кампании. Обязательность выполнения госзаданий по закупкам зерна и хлопка была повсеместно восстановлена. Госзакупки составляют 50 млн. т зерна при общем сборе в 410 млн. т (456 млн. т, включая батат и картофель в пересчете 1:4).

Развитие материально-технической базы аграрного производства происходит за счет капиталовложений коллективных хозяйственных организаций и средств крестьян (их объемы примерно равны).

Бюджетные инвестиции направляются лишь на развитие относительно крупных объектов инфраструктуры в сельской местности. Доля их в бюджете 1994 г. - 39%, а в общих вложениях в основные фонды на селе - около 10%. За счет банковского кредита финансируется около 20% инвестиций (их доля в 1992 г. упала на 14 процентных пунктов).

Важным элементом хозяйственного уклада в деревне стали сельские предприятия ("предприятия волостей и поселков", их число достигает 20 млн.), решающие ряд задач:

- поглощение избытка рабочей силы (насчитывается около 200 млн. чел., из которых 112 млн. уже трудятся на таких предприятиях);

- финансирование материально-технической базы села (до 1/3 всех инвестиций в деревне за последние 10 лет), часть прибыли идет на дотации производителям зерна для выравнивания его низкой рентабельности;

- повышение доходов крестьян (около 50% их доходов в среднем обеспечивают сельские предприятия).

75% валового производства этих предприятий приходится на промышленность, 13 - строительство, 7% - транспорт, остальная часть - на торговлю, обслуживание, общественное питание. Доля сельских предприятий в производстве валового общественного продукта в деревне превышает 60%, а в его приросте (1993 г.) - 73%.

В долгосрочном плане развитие сельхозпроизводства сталкивается с рядом проблем.

Соотношение цен делает для крестьян невыгодным увеличение производства основных продуктов (рыночные цены на ряд сельхозпродуктов уже приближаются к мировым). В 1989-1992 гг. "ножницы цен" на продукцию сельского хозяйства и средства производства для него "расхотелись" на 20,1%. Лишь в 1993 г. соотношение улучшилось для крестьян на 1,4%. Но повышение закупочных цен за счет дефицитного бюджета невозможно, за счет потребителя - подстегнет инфляцию.

Низкая эффективность сельхозпроизводства по сравнению с промышленностью делает невыгодными инвестиции в аграрный сектор, вызывает утечку средств в несельскохозяйственные отрасли, особенно в города (размер этой утечки в 1993 г. превысил 100 млрд. юаней - около 50% всех инвестиций в село).

Увеличивается дифференциация доходов населения в деревне и в городе, достигшая в 1993 г. 1 : 2,52, что соответствует уровню конца 70-х годов и заметно больше середины 80-х годов (в 1993 г. реальные доходы горожан возросли на 10%, крестьян - на 3%).

Малый единичный размер подрядного участка (0,5 га в среднем на семью) сдерживает интенсификацию. Лишь 10% земель обрабатывается с помощью техники. Укрупнение невозможно, пока не решена проблема избыточной рабочей силы (до 40% трудоспособных в деревне); степень урбанизации в КНР составляет лишь 28%.

Правительство пока не нашло адекватных путей решения аграрной проблемы. В небольших масштабах ведутся эксперименты по созданию крупных семейных ферм, возрождению на новой основе кооперативного хозяйства. Руководство также стремится увеличивать инвестиции в растениеводство, внедрять достижения НТП. Сегодня 30% прироста производства сельхозпродуктов обеспечивается НТП, но эти усилия не подкреплены переменами в области хозяйственной системы.

3. Механизм управления государственными предприятиями

Реформа в данной сфере положила начало перестройке в городе и остается ее центральным звеном.

Промышленные предприятия Китая формально обладают достаточной широкой самостоятельностью. Они имеют право:

- распоряжаться продукцией, произведенной сверх государственного директивного плана (свыше 90% всего объема промышленного производства), и 50% (в 1994 г. эта доля была доведена до 80%) плановой продукции;

- приобретать на рынке сырье и материалы;

- в определенном государством порядке устанавливать цены на внеплановую продукцию;

- создавать горизонтальные объединения (прямые связи) с другими предприятиями;
- решать вопросы внутренней оргструктуры;
- устанавливать в рамках утвержденного фонда зарплаты размеры оплаты труда и премий работникам. Директор предприятия назначается вышестоящим ведомством (большая часть крупных и средних предприятий - провинциального подчинения, мелких - уездного, волостного и деревенского). Допускаются выборы директора с обязательным утверждением ведомством. Директор назначает руководителей среднего звена. Формально он обладает правами единоначальника, но на практике подчиняется парткому. На 30% предприятий должности директора и секретаря парткома совмещены.

Основным направлением реформы госпредприятий на перспективу объявлено преобразование их в компании. Закон о компаниях принят в декабре 1993 г. и введен в действие с 1 апреля 1994 г. Закон предусматривает создание компаний с ограниченной ответственностью (товариществ закрытого типа с количеством пайщиков от 2 до 50 юридических или физических лиц) или акционерных компаний с ограниченной ответственностью (открытого и закрытого типа с количеством пайщиков не менее пяти). КОО должны стать основной формой, их создание по закону не требует специального решения правительства. АКОО создаются только по решению правительств уровня провинции или Госсовета КНР. Эта форма предусматривается в основном для высокорентабельных предприятий. В 1994 г. было запланировано преобразовать в компании всех типов около 100 существующих госпредприятий (хотя на местах имеются более смелые планы).

Доля государственного участия в компаниях остается предметом дискуссий. В стопроцентной госответственности по решению 3-го пленума ЦК КПК 14-го созыва планируется сохранить лишь чисто оборонные и некоторые иные "особые" предприятия. в отношении других объектов установок пока нет, хотя в дискуссиях называют цифры от 51 до всего лишь 15-20% госучастия. В практических экспериментах на местах заметна тенденция к повышению этой доли до 100%.

На 70% госпредприятий действуют собрания представителей рабочих и служащих. Их решения по социальным вопросам (распределение премий, жилья и т.д.) обязательны для администрации, в остальных случаях они имеют права совещательного органа.

Предприятию в директивном порядке устанавливаются численность рабочих и служащих и порядок расчета фонда заработной платы. На многих предприятиях директивный показатель фонда зарплаты заменяется установлением ее базиса и темпов прироста в зависимости от увеличения прибыли и отчислений в госбюджет (обычно 0,7:1).

В распоряжении рентабельных предприятий (около 30% всех госпредприятий) остается до 25% всей прибыли, которые делятся по трем фондам: развития производства, социального развития и премиальному. На практике, однако, вышестоящие ведомства и местные власти под различными предлогами изымают от половины до двух третей собственных средств предприятий. Последние же стремятся пустить их прежде всего на потребление. В результате на развитие производства часто остается лишь 2-3% валовой прибыли, что не обеспечивает расширенного воспроизводства.

Внутри предприятий применяется цеховой и бригадный подряд, ведутся эксперименты с чекowymi расчетами между отдельными подразделениями, внедряются системы научной организации труда на базе нормативов затрат ресурсов и труда.

Вышестоящие ведомства сохраняют широкие возможности для вмешательства в работу своих предприятий. Помимо утверждения должности директора, определения условий подряда и фонда зарплаты, они также утверждают размеры капиталовложений в основные фонды, организуют снабжение по льготным расценкам, могут содействовать в получении банковского кредита на льготных условиях, выделению дотации на покрытие убытков предприятий (выплачивается местными финансовыми органами), а также "согласуют" повышение предприятиями цен на свою продукцию. Ведомство контролирует использование важнейшего оборудования, санкционирует его продажу. В результате права предприятий присваиваются ведомствами и реализуются не более чем наполовину в большей мере - у мелких предприятий, в меньшей - у крупных и средних.

Законодательство допускает банкротство госпредприятий (Закон о банкротствах 1987 г.). Зафиксировано более 70 банкротств. При угрозе банкротства предприятие выносится предупреждение. Его убытки могут в течение 2 лет покрываться вышестоящим ведомством. Окончательное решение о банкротстве принимается судом по заявлению кредиторов. Для распоряжения имуществом и погашения долгов создается ликвидационная комиссия. Один из вариантов выхода из банкротства - слияние, закупка слабого сильным.

4. Механизм планирования

Основным является годовой план социально-экономического развития. Составляются и пятилетние планы, носящие более общий характер. В настоящее время реализуется 8-й пятилетний план (1991-1995), Кроме того, введен новый вид планирования - программа развития на 10 лет (1991-2000), служащая базой пятилетних планов.

Существуют директивные и направляющие планы. Последние представляют собой информацию предприятию о том, производство какой продукции в данный момент наиболее отвечает общественным потребностям. Выполнение направляющего плана обеспечивается частичными поставками сырья, лимитами капитальных вложений, льготами при получении кредитов и т.д. Часто направляющие планы становятся обязательными.

Планирование осуществляется на трех уровнях - центральном, провинциальном и местном. Провинциальные плановые органы имеют право устанавливать директивные показатели по объему и номенклатуре производства в дополнение к центральному плану. Местные органы могут добавлять лишь направляющие показатели. Непосредственно до предприятий планы доводятся вышестоящими ведомствами. Государственный план составляется на основании предложений снизу, поступающих от предприятий в плановые органы своего уровня и обобщающихся там для передачи наверх.

Центральное директивное планирование охватывает 19 укрупненных товарных групп (уголь, нефть и нефтепродукты, металлы, древесина, стройматериалы, удобрения, электроэнергия и т.д.). Объем центрального директивного плана - 5-7% валового промышленного производства.

В рамках реформы системы планирования Госплан переходит к установлению общих параметров народного хозяйства, выполнение которых обеспечивается функциональными ведомствами. Госплан устанавливает в качестве директивных или "направляющих" показателей годовые объемы инвестиций, кредитной эмиссии, экспорта и импорта, валютных доходов и расходов, привлечения иностранных кредитов и т.п. (совместно с Министерством внешней торговли и экономического сотрудничества, финансов, центральным банком и др.). Кроме того, Госплан разрабатывает приоритеты государственной отраслевой политики, которой обязаны руководствоваться все

ведомства, банки, региональные органы власти при утверждении объектов капиталовложений и инвестиционных кредитов. Госплан утверждает крупные объекты инвестиций, а также распределяет инвестиции из бюджета.

5. Торговля и материально-техническое снабжение

Реформа механизма материально-технического снабжения тесно связана с перестройкой планирования. Сокращение объема и номенклатуры директивного плана повлекло уменьшение объема распределяемых ресурсов. Сейчас в ведении Минторга КНР находится 27 видов материальных ресурсов (в 1994 г. осталось 10 видов продукции: стальной прокат, уголь, медь, мазут, свинец, кабель и электропровод, грузовые автомобили и др.). Значительная часть ресурсов сконцентрирована в руках местных хозяйственных органов.

Предприятие должно быть обеспечено ресурсами в объеме, необходимом для выполнения директивного и частично направляющего плана. На практике даже под директивные задания выделяется не более 60-80% необходимых материалов, остальное закупается по рыночным ценам.

Организацию оптовой торговли средствами производства и предметами потребления осуществляют торговые центры (более 400). Они выступают посредниками между производителями и потребителями или ведут куплю-продажу от своего имени, изучают конъюнктуру рынка, организуют рекламу. Клиентами центров могут быть любые предприятия независимо от местоположения и формы собственности. Возможны также прямые рыночные связи между производителями и потребителями.

Сравнительно новой формой рыночной торговли средствами производства стали в Китае товарные биржи, число которых превысило 20. Операции на них ведут более 300 брокерских контор. Активно развиваются фьючерсные операции с зерном, черными и цветными металлами, нефтью и нефтепродуктами и т.п.

Практически все магазины розничной торговли (кроме наиболее крупных) преобразованы из государственных в коллективные, сданы в аренду или проданы частным лицам. Розничным организациям предоставлено право самим искать поставщика, устанавливать прямые связи, определять цену (в рамках госрегулирования). Их расчеты с бюджетом осуществляются в форме налогов или подрядных платежей.

Важное место в торговле занимают сельскохозяйственные рынки (около 80 тыс.). Их оборот достигает 25% розничной торговли. Горожане приобретают на них 60-70% потребляемых ими мяса, рыбы, яиц, овощей. В качестве промежуточного звена функционирует около 1 тыс. оптовых рынков. Имеется свыше 5 тыс. промтоварных рынков.

6. Ценообразование

За период реформ цены неоднократно повышались в директивном порядке, и с 1984 г. реформа перешла к этапу ослабления централизованного контроля над ценами. В результате административного пересмотра и ослабления регулирования цен за 1978-1993 гг. они возросли, по официальным данным, на сельхозпродукты на 220, продукцию добывающих отраслей, сырье и полуфабрикаты на 200-220, обрабатывающих отраслей - на 150-200%.

Рыночные цены составляют по закупкам сельхозпродуктов 90, по розничной торговле - 95, по реализации средств производства - около 85%.

Твердые цены сохранены на продукцию следующих категорий:

- ресурсы, влияющие на социально-политическую стабильность и стратегию экономического развития (сырая нефть, природный газ, некоторые редкоземельные металлы);

- товары и услуги, производимые "естественными" монополистами (тарифы на транспортные перевозки, бытовое электро-, водо- и теплоснабжение, услуги связи);

- жилье, предоставляемое госслужащим и лицам с низкими доходами;

- некоторые специфические товары (лекарства, оружие и т.п.);

- тарифы в социально-культурной сфере (на образование, медицинские услуги и т.п.).

Всего государство устанавливает цены на 88 видов товаров и услуг.

Вместе с тем на большинство товаров из этих категорий наряду с директивными существуют и рыночные цены. В 1993 г. по госценам было реализовано лишь 25% всего угля; в 1994 г. закуплено по рыночным ценам около 15% всей нефти. Для привлечения иностранных инвесторов разрешено сбывать по рыночным тарифам электроэнергию с построенных при их участии электростанций. Такие же условия намечено распространить и на инвесторов в развитие транспорта.

На остальные товары и услуги действуют направляющие (т.е. предусматривающие возможность гибкого изменения) или свободные цены. Направляющая цена регулируется несколькими способами:

- задается твердая цена и допустимые границы отклонения от нее;

- устанавливается формула расчета цены, исходя из издержек производства и нормативной прибыли;

- вводится лимитная цена, которую нельзя превышать. В разное время лимитные цены вводились на стальной прокат, некоторые цветные металлы, химические товары и т.д. Во многих городах лимитные цены действуют на сельскохозяйственных рынках. На ряд продуктов сельского хозяйства устанавливается минимальная протекционистская цена.

Рыночная цена формально не регулируется госорганами, но на практике предприятия обычно согласуют ее с местными отделами цен.

Для ограничения инфляции Центр устанавливает местным органам нормативы общего повышения цен за год. Создана разветвленная система контроля за ценами, включающая государственные и общественные органы. Вместе с тем сохраняется немало лазеек для повышения цен.

В марте 1994 г. Госсовет КНР в целях борьбы с инфляцией ввел особый порядок контроля за ценами (фактически - директивные цены) на 20 видов товаров и услуг, включая муку, некоторые виды зерна, растительное масло, мясо и птицу, яйца, молоко, соль, сахар, моющие средства, топливо для бытовых нужд, квартплату и стоимость коммунальных услуг, тарифы медицинских учреждений, школ и детских садов. Госпредприятиям запрещено повышать любые цены под предлогом введения новых налогов, роста валютного курса, а также реформы цен. На местах действуют свои, значительно более обширные списки директивных цен. Так, в Шанхае городские власти устанавливают даже тарифы на вход в дискотеки.

Возможность сбыта одного и того же вида продукции как по твердым, так и по плавающим или рыночным ценам в рамках "двухколейной" системы цен открыла путь для спекуляции. Ведомства на местах стремятся сосредоточить у себя распределение дефицитных товаров, подрывая самостоятельность предприятий. Последние несут убытки из-за того, что приобретают сырье для выполнения директивного плана по рыночным ценам, поэтому они стремятся часть продукции, подлежащей государственному распределению, сбывать на рынке. По мере либерализации цен проблема их двойственности постепенно отмирает.

7. Налоговая система

После налоговой реформы с 1 января 1994 г. действуют следующие налоги.

Подоходный налог. Подоходный налог с предприятий с китайским капиталом составляет 33% их валовой прибыли, с частных предприятий (с числом наемных работников свыше 7 человек) 35% (с них он не взимается с реинвестированной части прибыли; всего частные предприятия платят 17 видов налогов). Инвестиции, включая расчеты по банковским кредитам, предприятия производят из прибыли после уплаты подоходного налога.

Предприятия с участием иностранного капитала платят подоходный налог в размере 30% прибыли (в центральный бюджет) плюс 3% (в местный), в специальных экономических зонах (СЭЗ) - 15 (в бюджет зон), в зонах технико-экономического развития - от 15 до 24%.

Существуют льготы по подоходному налогу. Например, китайские компании, разрабатывающие и применяющие передовую технологию, платят его лишь с 4-го года в размере 7,5, а с 7-го года - 15%. Совместные предприятия, свыше 70% продукции которых идет на экспорт или применяющие передовую технологию, платят 15% (в СЭЗ - 10%). Существует разветвленная система льгот для СП, действующих в приоритетных отраслях (создание инфраструктуры, строительство портовых сооружений и т.д.). Особые льготы - у предприятий армии.

Налог на добавленную стоимость. Установлены две ставки НДС - общая (17) и льготная (13%) - для производителей зерна, растительного масла, коммунальных услуг, печатных изданий, кормов, удобрений, сельхозтехники и химикатов для сельского хозяйства. Товары, экспортируемые за рубеж, сельхозпродукция нетоварного назначения, импортные научные приборы, товары, получаемые из-за рубежа в порядке безвозмездной помощи, а также противозачаточные средства от уплаты НДС освобождаются. НДС уплачивается и при импорте товаров. Для "малых налогоплательщиков" ставка НДС составляет 6%.

Налог с коммерческих операций. Аналог НДС в сфере услуг. Его ставки составляют от 3 (транспортные перевозки, строительство, услуги связи и т.п.) до 5% (финансовое и страховое дело, посредничество, туризм, лизинг, торговля, реклама, доходы от передачи интеллектуальной собственности, операции с недвижимостью). На предприятия сферы развлечений (дискотеки, гольф-клубы, залы игровых автоматов и т.п.) ставка налога по усмотрению местных властей может повышаться до 20%.

Налог на операции с землей. Взимается с общего дохода, полученного от продажи объектов недвижимости за вычетом расходов на ее приобретение, застройку и содержание. В зависимости от размера чистого дохода по отношению к затратам ставки налога составляют от 30 (если доход менее 50% от затрат) до 60% (если доход в 2 и более раз превышает затраты).

Акцизы. Предназначены для регулирования потребления. Взимаются как с производителей, так и с импортеров ряда товаров по ставкам от 3-5 (на автомобили), до 10 (мотоциклы), 15-25 (спиртные напитки) и 40-45% (сигареты). От акцизов освобождаются товары, предназначенные для экспорта и для собственного потребления.

Налог на ресурсы. Взимается практически по всем видам минеральных ресурсов, включая и их добычу для собственного потребления. Носит характер рентного платежа. Конкретная ставка определяется местными властями (налоговыми и отраслевыми) индивидуально для каждого налогоплательщика, исходя из установленного Центром широкого диапазона ставок (например, 8-30 юаней за тонну нефти, 0,3-5 юаней за тонну угля, (2-30 юаней за тонну железной руды и т.п. с учетом условий добычи).

Индивидуальный подоходный налог. Необлагаемый налогом минимум доходов (независимо от их источника) составляет 800 юаней в месяц. Сверх этого налог взимается по прогрессивной шкале по ставкам от 5% (с дохода до 500 юаней сверх минимума) до 45% (с части дохода, превышающей 100 тыс. юаней). Несколько иная шкала, включая иные условия расчета необлагаемого минимума, установлены для лиц, занятых индивидуальной трудовой деятельностью (максимальная ставка - 35%). Иностранцы служащие СП платят данный налог в половинном размере.

Регулирующие налоги. К этой категории можно отнести целый ряд налогов. В их числе:

- сельхозналог на особые виды продукции, который взимается со всей суммы выручки от продажи крестьянами ряда высокодоходных продуктов по ставкам от 5-8 до 10-12% на фрукты, 16 на чайный лист и 31% на табак;

- налоги на особые виды деятельности (на транспортные средства, гербовый сбор и др.);

- специальные регулирующие налоги служат для ограничения экономической активности в некоторых областях. К ним относится, например, строительный налог (с плановых объектов не взимается, с внеплановых составляет 10 в энергосырьевых отраслях, 20 - в обрабатывающих и 30 - с конторских сооружений, залов, гостиниц и т.д.). Система регулирующих налогов унаследована от 80-х годов и постепенно пересматривается в сторону упрощения, сокращения числа налогов.

Широко распространено уклонение от уплаты налогов, встречающееся на 50% государственных и 85% частных предприятий.

Основной задачей налоговой реформы, проводимой с 1 января 1994 г., является ликвидация системы финансового подряда, при которой платежи предприятий в бюджет определялись соглашением между предприятием и местными властями. При этом налоги номинально сохранялись, но если сумма их превысила согласованные отчисления в бюджет, разница возмещалась налогоплательщику. Переход от подряда к налоговой системе, по прогнозам, займет 3-5 лет. В настоящее время новые налоговые ставки часто носят номинальный характер, а платежи, как и прежде, устанавливаются на основе подряда.

8. Бюджетная система

Бюджетная система Китая находится на этапе перехода от подряда к системе раздельного внесения налогов.

Согласно Закону КНР о бюджетной системе (принят в марте 1994 г.), единая бюджетная система страны состоит из бюджетов пяти уровней: центрального, провинциальных, региональных (включая города, имеющие

районное деление), уездных и волостных. Бюджеты вышестоящих уровней включают в себя бюджеты следующего нижестоящего уровня (например, центральный бюджет включает в себя бюджеты отдельных министерств и ведомств и бюджеты провинций и приравненных к ним административных единиц).

Бюджеты всех уровней делятся на две части: постоянный и бюджет развития. Постоянный бюджет включает в себя расходы на содержание и развитие предприятий непродуцированной сферы, социальное обеспечение, административное управление, оборону и т.п. Основным источником доходов постоянного бюджета являются налоги. Дефицит в нем не допускается, а положительное сальдо преечисляется в бюджет развития. Последний предназначен для финансирования капитального строительства и реконструкции объектов производственного назначения, включая сельское хозяйство, городское строительство, помощь бедным районам. Помимо сальдо постоянного бюджета он формируется за счет доходов от использования госимущества, а также займов.

Отрицательное сальдо допускается только для центрального бюджета. Закон запрещает покрытие его при помощи онкольных банковских ссуд, обязывая правительство выпускать для этой цели облигационные займы и привлекать зарубежные кредиты. Местные бюджеты должны сводиться без дефицита. Выпуск облигационных займов местными администрациями допускается лишь по специальному разрешению Госсовета КНР.

Ответственность за составление и исполнение госбюджета несут правительства соответствующих уровней в лице Минфина и местных финансовых управлений. Утверждаются бююжеты Всекитайским собранием народных представителей (центральный) и местными СНП. Без их согласия внесение изменений в бюджет не допускается. Реальный парламентский контроль за бюджетом ослаблен. Закон обязывает Госсовет КНР представлять "Основное содержание проекта бюджета" в финансово-экономическую комиссию ВСНП за 1 месяц до ежегодной сессии парламента. Перевод средств из одной статьи расходов в другую не требует утверждения ВСНП. Бюджет обычно утверждается через 3 месяца после начала очередного финансового года. Текущий контроль за исполнением бюджета возложен на правительственные органы, а доклад в Постоянный комитет ВСНП о ходе исполнения бюджета должен представляться лишь 2 раза в год.

Взаимоотношения бюджетов различных уровней. С 1 января 1994 г. система территориального финансового подряда, при которой доходы бюджетов вышестоящих уровней формировались за счет отчислений нижестоящих бюджетов (одноканальная система) заменена системой раздельного внесения налогов (двухканальной системой). Центральный бюджет получает 75% от сумм НДС, налога на коммерческие операции и налога на ресурсы; кроме того, ему перечисляется вся сумма акцизов, подоходного налога с предприятий центрального подчинения и таможенных сборов. Местные бюджеты получают 25% НДС и других налогов, делящихся между Центром и местными бюджетами (для слаборазвитых районов пропорция составляет 50:50), прочие подоходные налоги, налоги на сельхозпродукцию и ряд специальных регулирующих налогов. Для функционирования двухканальной системы налогов должна быть создана раздельная система налоговых органов.

В 1994 г. пропорция доходов центрального и местных бюджетов составила 1:1,25 (333 млрд. юаней - доходы центрального бюджета и 417,5 млрд. юаней - доходы местных бюджетов). Более половины последних составили субвенции центрального бюджета. Столь большой удельный вес субвенций объясняется тем, что между бюджетами различных уровней на ближайшие 3-5 лет де-факто сохранены подрядные взаимоотношения, и сумма налоговых поступлений в центр из данной провинции, превышающая согласованный ранее уровень отчислений, возвращается в провинциальный бюджет.

Структура расходов центрального и местных бюджетов такова, что на последние ложится основная тяжесть расходов по развитию непромышленной сферы, на социально-культурные нужды, на развитие сельского хозяйства, а также по выплате разного рода дотаций. Центральный бюджет финансирует содержание госаппарата, оборонные расходы, около 60% бюджетных капитальных вложений в производственную сферу, часть расходов на научные исследования и т.п.

Переход от территориального финансового подряда к двухканальной системе налогообложения вызван снижением доли центрального бюджета в общих финансовых доходах и сокращением возможностей центра по перераспределению ресурсов в интересах проведения единой экономической политики, выравнивания уровней развития различных регионов и т.п.

Кроме того, подряд привел к созданию в регионах "экономики удельных княжеств". Местные власти заинтересованы в развитии "своих" предприятий часто в ущерб предприятиям центрального подчинения. Упор делается на отрасли, быстро дающие высокую прибыль. Развитие транспорта, энергетики, добывающих и иных капиталосмких отраслей с медленной окупаемостью ложится на центр, средств которого для этого недостаточно. Это стало одной из основных причин постоянного роста бюджетного дефицита, усиления отраслевых диспропорций в экономике, неконтролируемого роста инвестиционных кредитов, подстегивающего инфляцию. Кроме того, местные власти опекают свои предприятия, покрывают их убытки и т.д. Несмотря на решения правительства о самостоятельности предприятий, их зависимость от административных органов сохраняется и нередко усиливается. Региональный протекционизм препятствует образованию единого общекитайского рынка.

(Окончание следует)

Опыт акционирования в КНР

© 1995

Э.Пивоварова

Возможностью использования акционерных форм хозяйственной деятельности в КНР заинтересовались уже с первых шагов хозяйственной реформы. Первым и главным доводом в пользу этих форм послужила нужда в аккумуляции дополнительных средств для осуществления долгосрочной программы "четырёх модернизаций" (сельского хозяйства, промышленности, обороны, науки и техники). Далее процесс уже в немалой степени продвигался самостоятельно: успешное функционирование пасвых (акционерных) предприятий, созданных в ходе реформы, послужило убедительным мотивом в пользу обращения к акционированию для преобразования государственной собственности, ибо предприятия, охватываемые ею, функционировали весьма неэффективно и в их деятельности, несмотря на все реформационные усилия, мало что менялось.

Несмотря на то что разные формы организации пасвых, в том числе акционерных, предприятий в условиях реформы экономической системы КНР стали появляться уже в 1979 г., первое официально зарегистрированное акционерное предприятие возникло в 1984 г., а первый нормативный акт, касающийся непосредственно акционирования, опубликован в 1987 г. Бум в развитии акционерных хозяйств начался после принятия 3-м пленумом ЦК КПК двенадцатого созыва (октябрь 1984 г.). Решения о реформе экономической системы КНР, поставившего задачу создания в стране "социалистической плановой товарной экономики", что предполагало более решительное продвижение к рынку. С 1984 по 1988 г. в КНР в среднем ежегодно создавалось примерно по 1500 акционерных компаний¹. Стала быстро расширяться география акционерной деятельности, все большее число отраслей входило в ее круг, образовывались корпорации, ориентирующиеся на общекитайский и даже внешний рынок, начали создаваться фондовые биржи. По неполным данным, на начало 1989 г. в КНР насчитывалось свыше 6000 акционерных компаний с капиталом свыше 6 млрд. юаней².

Однако абсолютное большинство акционерных предприятий, созданных во время этого бума, не отвечало требованиям нормативных акционерных предприятий по очень многим параметрам. Это закономерно в условиях неразвитости рынка капиталов и ценных бумаг, сказывалось и отсутствие разработанных правовых актов или нормативов. Правда, последнее обстоятельство сыграло и определенную положительную роль: в ходе динамичного развития практических дел без конкретных законодательных

ограничений не только быстро проявились плюсы, но и обнажились минусы, которые возникают в специфических для акционирования условиях господства не частной, а общественной собственности на средства производства и которые были учтены при подготовке соответствующих законов и норм.

Основные плюсы акционирования, выявленные в практике китайской реформы, можно свести к трем группам факторов. Во-первых, в результате преобразования государственной собственности в многосубъектную возросла заинтересованность рабочих и служащих в повышении рентабельности своих предприятий. Во-вторых, это помогло смягчить финансовый дефицит в обществе и снизить нагрузку на государственный бюджет; в-третьих, способствовало улучшению баланса между спросом и предложением, переориентации части средств населения с потребления на инвестирование.

Основные минусы связаны с неподготовленностью внешних условий развития, излишней поспешностью, шаблонностью и хаотичностью в создании акционерных компаний, имевшими своим следствием отсутствие или сознательное занижение оценки государственного имущества на преобразуемых предприятиях, нечеткость пасвых прав, чрезмерные выплаты по дивидендам и тантьеме без учета прибыльности предприятий, не обеспеченный фондами выпуск акций, возвратность их, концентрация слишком большого числа акций в одних руках, использование должностных прав для участия в различных акционерных компаниях с целью личного обогащения и т.п.

Важный общий вывод из опыта КНР по акционированию в 80-х годах таков: мобилизовать свободные средства можно любыми, даже фиктивными формами акционерных компаний; для действительного достижения эффективности государственных предприятий требуется обеспеченное правовыми нормами преобразование государственной собственности путем превращения в пайщиков именно рабочих и служащих самих предприятий.

На анализ всех обозначившихся проблем и выработку нормативных правил по созданию акционерных компаний были направлены усилия в период "акционерного затишья" (1989-1991). Оно наступило, во-первых, в результате принятия осенью 1988 г. курса на урегулирование народного хозяйства, вынужденного непомерным разбуханием потребительского и производственного спроса, а также ростом инфляции. Увеличение ставок процента по банковским вкладам и кредитам, ужесточение контроля за расходованием финансовых и материальных средств, а также налоговой политики объективно снижали акционерную активность. Во-вторых, по причине разразившегося в стране в 1989 г. политического кризиса, после которого тема акционирования как один из пунктов подвергшейся резкой критике идеи приватизации общественной собственности почти исчезла из средств пропаганды. Однако эксперимент не был приостановлен. Просто он вступил в период накопления качества. Акцент был сделан не на расширение масштабов эксперимента, а на то, чтобы одновременно с упорядочением экономики в целом и развитием товарного хозяйства (т.е. созданием необходимой внешней среды) помочь уже имеющимся акционерным предприятиям развиваться в нормативном русле, а также проводить новый эксперимент по нормативной модели, т.е. без тех явных отклонений, которые были зафиксированы в предшествующей практике.

Насколько удалось такое упорядочение, в самом общем плане можно судить по тому, что к концу 1990 г. лишь о 3800 предприятиях говорилось как об акционерных (более 90% - закрытого типа). Однако 85% из них занимались только дополнительным сбором капитала, даже не выпуская акции. Из остальных, выпускавших акции, действительно нормативными акционерными являлись только 15, из них успешно функционировали лишь 12, созданных в наиболее развитых районах страны (Шэньчжэне и Шанхае)³.

Крупные и средние предприятия государственной собственности по-прежнему остались самым неэффективным сектором экономики: среди 11 тыс. таких предприятий более 30% убыточны и существуют за счет государственных субсидий, столько же - на грани убыточности и с очень низкой рентабельностью. Возможность с помощью акционирования напрямую заинтересовать в результатах деятельности тех, кто трудится на государственных предприятиях, воссоздав посредством паевого участия их индивидуальное право собственности, выдвигало акционерные формы хозяйствования на наиболее перспективные позиции. Поскольку с помощью акционирования через воссоздание индивидуальных прав собственности можно не только возродить интерес к труду, но и обеспечить единство индивидуальных прав собственности и общественное владение средствами производства, оно становится возможной альтернативой приватизации в том ее узком смысле, который подразумевает передачу общественных фондов в частную собственность, а потому отвергается в Китае. Именно с акционированием связывают некоторые китайские ученые надежды на замену административно-командной системы регулирования экономики, построенной на монополии чиновничьей власти, должностных правах, на более эффективную систему, базирующуюся на правах собственности.

В 1992 г. в связи с выдвиганием курса на ускорение экономического развития, углубление хозяйственной реформы и расширение открытости внешнему миру в КНР было принято решение об интенсификации акционирования государственных предприятий с целью, как говорил премьер Госсовета КНР Ли Пэн, "постановки акционерного сектора экономики на службу социалистическому строительству". Публикация пакета документов по акционерной деятельности свидетельствует, что за 3 года урегулирования экономики был проделан анализ уже имевшегося опыта и учтены многие минусы практики 80-х годов.

Считается, что по нынешним возможностям различных регионов страны наиболее широко может распространяться эксперимент по созданию акционерных компаний, образуемых на основе паев юридических лиц, а также паев рабочих и служащих самих предприятий. Эксперимент с компаниями, открыто выпускающими акции в общество, но не торгующими ими на рынке, предложено вначале ограничить более готовыми к этому тремя южными провинциями - Гуандун, Фуцзянь, Хайнань. Что касается компаний, не только выпускающих акции в общество, но и осуществляющих их торговлю на фондовых биржах, то они должны действовать пока только в Шэньчжэне и Шанхае. Именно в этих двух местах сохранены фондовые биржи и число их не предполагается увеличивать в ближайшее время. Те же компании, которые окажутся готовыми к обращению акций, на данном этапе должны обращаться к услугам любой из этих двух бирж, имея специальное разрешение соответствующей канцелярии Госсовета.

В ходе широкомасштабного экспериментирования с акционерной системой предполагается осуществлять дифференцированный подход. Не подлежат акционированию отрасли, имеющие прямое отношение к безопасности страны, новейшим технологиям оборонной промышленности, добыче редких металлов стратегического назначения, а также сферы, в которых осуществляется государственная монополия (в частности, банки). На предприятиях энергетики, связи и транспорта эксперимент допускается проводить при условии, что контрольный пакет акций остается в руках государства. В отношении остальных государственных предприятий проведение акционирования должно стимулироваться при наличии трех условий: возможности каждого из таких

претендентов на акционирование непосредственно выходить на рынок, быть конкурентоспособным и полностью нести ответственность за свои прибыли и убытки.

Поскольку условием регистрации юридических лиц стало наличие у субъекта подготовленной производственной базы и сформировавшегося спроса в обществе на товар, появились гарантии предотвращения обвального характера акционирования, когда за короткие сроки, без предварительной санации, чуть ли не все предприятия вступают на путь разгосударствления. Предприятиям рекомендовано, руководствуясь собственной конкретной ситуацией, выбирать более подходящий для себя метод хозяйствования, чтобы наряду с акционированием продолжалось совершенствование системы подрядно-хозяйственной ответственности, использование аренды и смешанных форм. При этом общим требованием для всех этих видов деятельности было улучшение внешней рыночной среды, производство товаров и услуг для общества, сбалансированность спроса и предложения.

В качестве субъектов акционерной деятельности могут выступать государство, юридические лица, физические лица, иностранные вкладчики. При этом важнейшим принципом является приоритет государственных и коллективных интересов перед индивидуальными. Указывается на недопустимость уже имевшей место практики фактического дележа (под предлогом реализации паев) государственного имущества, превращением его сначала в коллективное, а затем в личное. Величина государственного пая варьируется чуть ли не в каждом конкретном случае, но предполагается, что вкупе с коллективными паями она всегда будет обеспечивать ведущее место общественной собственности. По данным на 1992 г., в общем объеме выпущенных предприятиями акций доля государства составила 60, юридических лиц - 26, физических лиц - 14%⁴. Если учесть, что пай предприятий - юридических лиц, как правило, тоже являющиеся государственной собственностью, роль последней в акционировании остается решающей.

Предложены две основные организационные формы акционирования: компании с ограниченной ответственностью (КОО) и акционерные компании с ограниченной ответственностью (АКОО). Общим для них является несение ответственности пайщиков за имущество компании лишь в рамках размеров своего вклада и точно такой же принцип участия в прибыли. Различия состоят в целом ряде положений.

Особенностями КОО является то, что число акционеров здесь невелико (от 2 до не более 50 человек), размеры уставного капитала также невелики (нижний предел установлен для сферы в основном производственной деятельности и оптовой торговли 500 тыс. юаней, розничной торговли - 300 тыс. юаней, научно-технической деятельности, услуг и консалтинговых служб - 100 тыс. юаней), акции не выпускаются, а сертификаты могут передаваться (но не обращаться на рынке) лишь с разрешения более половины всех пайщиков, наконец, обязательное предоставление отчетности пайщикам, но не обществу, что позволяет хранить секреты фирмы. Различаются два типа компаний (обществ) с ограниченной ответственностью:

1. Компании с ограниченной ответственностью, имеющие единственного "акционера", в качестве которого выступает государство. Считается, что это сугубо китайская специфика и вырастает она из того, что крупные и средние государственные предприятия, будучи единственным субъектом инвестирования, могут образовать компании с единственным владельцем.

2. Компании с многими акционерами. Их много по всей стране и это, в первую очередь, совместные предприятия китайско-иностранного капитала.

Особенности АКОО в КНР следующие: число акционеров должно быть не менее 5, верхний предел не установлен; размер уставного капитала достаточно велик (нижний предел - 10 млн. юаней); выпускаются акции с разрешением их передачи другому лицу, а также продажи на рынке; деятельность таких компаний контролируется, поскольку они обязаны давать сведения о себе обществу.

Акционерные компании с ограниченной ответственностью на современном этапе могут быть двух типов: 1) закрытые, исключаящие внешнее долевое участие, продажу акций на рынке и самостоятельную передачу пайщикам своих прав; 2) открытые, в которых предполагается внешнее долевое участие, выпуск акций в общество, ее акционерами могут стать как юридические, так и физические лица. Для открытого выпуска акций в общество необходимо, по закону, получить разрешение специальных государственных органов, а также соответствовать ряду условий: иметь сумму акционерного капитала не менее 50 млн. юаней, в течение последних 3 лет получать непрерывно прибыль, вести полную отчетность. Акционерных компаний, открыто выпускающих акции в общество, пока очень мало, а обращающих акции на рынке - еще меньше.

В свою очередь открытые акционерные компании различаются по типу выпускаемых ими акций: 1) выпускающие акции только для отечественных вкладчиков, или акции "А", покупаемые только за юани, 2) выпускающие акции типа "А" и "В", имеющие юаневый номинал и хождение лишь в КНР, но подлежащие продаже только иностранным вкладчикам за валюту. В 1993 г. на Шанхайской и Шэньчжэньской фондовых биржах было зарегистрировано 30 предприятий, осуществляющих выпуск таких акций (в 1994 г. их стало уже 38). В настоящее время в КНР все шире дискутируется вопрос о разрешении покупки за валюту акций "В" и отечественными вкладчиками; 3) непосредственно выходящие на мировой рынок или выпускающие акции за рубежом, в частности акции типа "Н" для продажи в Гонконге (в 1993 г. девять крупнейших предприятий страны осуществляли эти операции), акции типа "S" для продажи в Сингапуре, акции типа "N" для продажи в Нью-Йорке. В 1994 г. было выбрано небольшое число высокорентабельных предприятий для выпуска акций в Гонконге, США, Европе (в 1994 г. более 10 китайских компаний были зарегистрированы на Нью-Йоркской бирже)⁵.

По данным на 1993 г., номинальная стоимость акций всех видов составляла около 50 млрд. юаней, а их оборот превысил 400 млрд. юаней. Доля акций "В" в общем выпуске составляет примерно 30%, по ряду оценок, сумма оборота акций всех видов, продаваемых за валюту, составила более 20 млрд. амер. долларов. Число компаний, выходящих на фондовые биржи, быстро увеличивается: в 1994 г. их стало уже 270 (по некоторым данным, 300), в то время как еще в 1991 г. было всего 13. В то же время ставится задача строгого контроля за открытым выпуском акций в общество, чтобы сохранять его примерно на уровне 1993 г. - 5 млрд. юаней⁶.

Реально в практике хозяйственной реформы КНР в 90-е годы складываются акционерные предприятия четырех типов.

1. Акционерно-кооперативные, которые в строгом смысле слова не являются акционерными, так как в них акционерные (паевые) принципы формирования средств и распределения доходов переплетаются с кооперативными формами управления (здесь права не зависят от размера вклада). Эта форма широко используется на волостных, поселковых, коллективных предприятиях, а также все больше рекомендуется в последнее время для мелких городских государственных предприятий.

2. Предприятия, где держателями акций являются лишь рабочие и служащие самого предприятия. Вначале доля участия самих работников предполагалась в размере не более 20% от уставного капитала, но практика быстрого разбазаривания средств заставила снизить ее примерно до 2,5%.

3. Акционерные предприятия, образуемые путем взаимного участия в держании паев предприятий - юридических лиц. Такая форма всячески поощряется и для создания акционерных компаний с ограниченной ответственностью и для создания обычных компаний (обществ) с ограниченной ответственностью. В то же время в нормативных актах оговаривается, что если одна компания овладевает 10% пая другой компании, то последняя уже не может покупать акции первой⁷.

4. Компании, открыто выпускающие акции в общество. Предполагается, что такая компания должна выпускать в общество не менее 25% общей суммы пая фонда, причем сами работники компании не могут приобрести более 10% от доли, идущей в открытую продажу, а пай одного физического лица не должен превышать 5% общей суммы пая (исключение может быть сделано для иностранных вкладчиков).

По неполным статистическим данным, в 1994 г. в КНР насчитывалось более 50 тысяч акционерных предприятий всех этих типов (включая предприятия совместного китайско-иностранного капитала и акционерно-кооперативные), но собственно акционерных предприятий пока немного. На начало 1992 г., когда стал инициироваться эксперимент с акционированием государственных предприятий, в КНР насчитывалось 3220 предприятий, осуществляющих акционерный эксперимент, среди которых 80% составляли предприятия закрытого типа, 12 - юридические лица, 2 - открыто выпускающие акции в общество, 1% - обращающие акции на рынке. В 1993 г. речь шла уже о 3700 акционерных предприятиях с соответствующей разбивкой 86 - 12 - 2 - 1%. В 1994 г. сообщалось о наличии в стране уже 4000 акционерных компаний, а это немного, если учесть, что только в государственной промышленности насчитывается свыше 100 тыс. предприятий. По ряду оценок, только 10% крупных и средних предприятий КНР осуществляют эксперимент с акционерной системой⁸.

Больше всего сложностей создает сам процесс акционирования. Наиболее просто он проходит при учреждении предприятия заново: с самого начала здесь четко разграничены имущественные права и соответствующим образом определяются обязанности. Но преобразование в акционерные уже давно функционирующих предприятий сопряжено с немалыми трудностями. В практике китайской реформы используются для этого главным образом три способа.

1. Путем акционирования уже накопленного имущества, а также его прироста. Этот способ используется многими предприятиями при осуществлении технической реконструкции: собранный из различных источников капитал превращается в акционерный, а прежнее имущество после его оценки и разграничения долевого участия государства и коллективного пая предприятия также становится акционерным.

2. Путем поглощения сильными предприятиями слабых. Такое поглощение может происходить: а) посредством привлечения имущества слабого предприятия в качестве собственного пая, после чего слабое предприятие исчезает как юридическое лицо; б) путем различных форм инвестирования слабого предприятия (наличными, оборудованием, технологией и т.п.) и достижения тем самым на нем контрольного пакета и превращения его в акционерное.

3. Путем создания концернов на основе совместного участия (теми или иными факторами производства) нескольких предприятий. Здесь возможны две формы: а) через развитие отношений держателей акций по вертикали (дочерние компании); б) через развитие отношений держателей акций по горизонтали (посредством взаимного инвестирования). На сегодняшний день в КНР преобладает первая форма, но по мере углубления реформы все больше появляется горизонтальных объединений.

Кроме указанных способов, предлагается и такой путь, как продажа части имущества государственных предприятий по свободным ценам. Главное - не занижать цену реализации, а, получив за это хорошие денежные суммы, вложить их в отрасли, требующие первоочередного развития, или в техническую реконструкцию старых нерентабельных предприятий. Указывается, что в данном случае будет происходить не утечка, а лишь движение государственного имущества и посредством такого обращения можно достичь более благоприятного размещения государственных ресурсов.

Котировка акций происходит в настоящее время на двух фондовых биржах КНР - в Шанхае и Шэньчжэне, причем доля акций в общей стоимости ценных бумаг, находящихся в обращении (облигации предприятий, банков и других кредитных учреждений), невелика - 6-7%.

Прослеживается общность в становлении рынков акций в Шанхае и Шэньчжэне: осторожное начало при отсутствии каких-либо нормативов; явный бум; переход к деятельности по нормативам. В частности, в Шанхае в 1984-1986 гг. объем выпуска акций был небольшим, акции и облигации не были строго разделены, образец их не был установлен, единственной формой распространения был сбыт на комиссионных началах, ценой акции была первоначальная номинальная цена выпуска; в 1987-1988 гг. масштаб выпуска заметно увеличился, появилось разделение на акции и облигации, были установлены нормативы внешней формы акций; с 1989 г. стали создаваться специальные организации, осуществляющие сбыт акций и нотариально заверяющие их покупку, были усилены требования к предприятиям, выпускающим акции, установлены нормативы, сделаны подробные разъяснения к инструкциям по акционерной деятельности; наконец, в ноябре 1990 г. была официально открыта Шанхайская фондовая биржа, начавшая операции с ценными бумагами в декабре того же года.

В Шэньчжэне в 1987 г. на основе кредитных кооперативов был создан Шэньчжэньский банк развития акционерной системы, а вскоре начат свободный выпуск акций в продажу. Вначале объем операций на рынке был небольшим, но к 1990 г. начался бум на фондовой бирже, а операции вне биржи приняли лихорадочный характер. Со второй половины 1990 г. наступил период урегулирования. Правительство Шэньчжэня выпустило документ, запрещающий операции с акциями вне биржи, акции подлежали переоформлению, в противном случае они считались недействительными. С конца 1990 г. сделки на фондовой бирже Шэньчжэня вошли в нормативное русло.

Создание фондовых бирж Шанхая и Шэньчжэня поставило сильный заслон для операции на черном рынке. Для сдерживания спекуляций на биржах вначале осуществлялось ограничение цен, а именно: в течение дня рост цены акции ограничивался 5%, потом этот показатель ужесточился до 1%, применялись другие ограничения по сделкам. Но с 1992 г. цены на биржах были полностью освобождены, сняты дебитовые ограничения, в результате чего рыночный механизм на фондовой бирже заработал в полную силу. Установлению первоначальной цены при продаже акций уделяется серьезное внимание. Оно происходит: по номинальной стоимости; ниже стоимости, когда с цены акции делается определенная скидка по договоренности с акционерной

компанией, выставяющей акции на продажу (как правило, чем выше рентабельность предприятия, тем меньше скидка); по цене выше стоимости - рыночной, приближающейся к ней или средней цене между стоимостью акции и ее рыночной ценой. Наиболее актуальной на сегодняшний день считается проблема чрезмерного завышения первоначальной цены акций, стимулирующая спекулятивные процессы на рынках ценных бумаг. В результате стремительный рост объема сделок по акциям (1990 г. - 1,8, 1991 г. - 4,4, середина 1992 г. - 8,4, 1993 г. - 418,7 млрд. юаней)⁹ не имеет очевидной прямой связи с количеством выпускаемых акций, а в значительной мере объясняется ростом их цен. В то же время существование спекуляции приводит к беспорядочному колебанию цен акций, что особенно отражается на интересах средних и мелких акционеров. Причины этих явлений в КНР видятся как в отсутствии постоянных инвесторов, так и в своеобразии психологии инвестирования.

При анализе ситуации на рынке ценных бумаг и перспектив его развития предлагается четко различать цели вложения средств в акции. Первый случай - когда вложения делаются на длительный срок, вкладчик покупает акции с целью длительное время получать дивиденд. Риск такого рода вложений заключается в том, что если инвестиционная компания обанкротится, то капитал полностью или частично утрачивается. Поэтому вкладчики на длительный срок очень заботятся о ситуации управления производством в компании и своевременно выбрасывают акции на рынок, как только чувствуют ее ухудшение. Таким образом они стимулируют хозяйственную деятельность предприятий. Поэтому охрана интересов вкладчиков на длительный срок, поощрение подобного рода инвестиций - основная и очень важная задача фондовых бирж.

Вложения второго рода называются вложениями на короткий срок, суть их - получение прибыли на колебании цен акций, спекуляция ими. Доход по таким акциям часто намного превосходит доход по акциям на длительный срок. Поскольку чрезмерная спекуляция угрожает нормальному развитию фондового рынка, в мировой практике обычно в таких случаях прибегают к законодательным ограничениям. Так как фондовый рынок КНР еще не окреп, уже вскоре после открытия его многие в течение короткого времени сумели колоссально обогатиться. Однако вкладчиков на короткий срок беспокоит лишь колебание цен, они обычно не очень заботятся о производственно-хозяйственной деятельности компаний, а лишь "подогревают" спекуляцию на фондовых биржах. Поэтому задача на современном этапе видится в том, чтобы, стимулируя вкладчиков на длительный срок, всеми способами сдерживать рост спекуляции.

В настоящее время фондовые биржи в Шанхае и Шэньчжэне модернизированы, компьютеризированы, действуют по международным стандартам. 60% всего биржевого оборота ценных бумаг происходит в Шанхае, 40% - в Шэньчжэне. При этом акционерные компании, зарегистрированные на одной бирже, не могут быть зарегистрированы на другой. Участниками биржевых торгов, как правило, являются специализированные компании по операциям с ценными бумагами, а также фондовые отделы трастово-инвестиционных компаний. В целом, как сообщалось, ситуация на биржах в последнее время достаточно стабильна, хотя объем продаж со времени официального благословления политики акционирования в 1992 г. растет очень быстро, а в "критические" политические моменты бывают и невероятные всплески. Например, в августе 1994 г. (слухи о возможной смерти Дэн Сяопина) ежедневный объем продаж на биржах Шанхая и Шэньчжэня достигал 10 и даже 20 млрд. юаней (были побиты рекорды Гонконгской биржи).

В том, что из двух основных целей акционирования - поиск дополнительных средств и преобразование хозяйственного механизма - многие компании гипертрафируют первую и забывают о главной - второй, видится большая скрытая опасность свести акционерный эксперимент к нулю. Чтобы этого не произошло, предлагается:

1) всерьез взяться за налаживание действенной системы управления внутри самих компаний (на деле проводить собрания акционеров, иметь правление, ревизионную комиссию, избранного президента, квалифицированных управляющих на всех участках); избавиться наконец от идеологии иждивенчества, обращаясь при принятии тех или иных решений за помощью и советом в вышестоящие органы; самим заботиться о снижении риска обанкротиться путем создания многопрофильного хозяйства; урегулировать отношения "трех старых комитетов" (партком, профком, собрание представителей рабочих и служащих) с "тремя новыми комитетами" (правление, ревизионная комиссия, собрание акционеров), а поскольку функции этих органов различны, то не следует, чтобы они подменяли друг друга, следует вводить "перекрестную ответственность", делегируя представителей из прежних комитетов в новые;

2) изменить функции правительственных министерств и формы управления их предприятиями. Чтобы правительство действительно могло создавать условия для преобразования хозяйственного механизма акционерных предприятий, необходимо осуществлять управление имуществом, посылая на правах пайщика своего представителя в правление для выражения там интересов государства и принятия к исполнению решений, принятых компанией. Пока же представители государственного пая в компаниях по-настоящему делом не занимаются, по сути являясь фиктивными. Главным способом управления компаниями со стороны правительственных органов должен быть макроконтроль путем использования в первую очередь экономических и правовых рычагов, дополняемых административным воздействием;

3) усилить контролируемую роль посреднических организаций в отношении акционерных предприятий; создать соответствующие международным стандартам бухгалтерские конторы, несущие юридическую ответственность за проверку финансовой отчетности акционерных компаний; требовать, чтобы эта отчетность была открытой; готовить кадры, обладающие необходимой для этого квалификацией, т.е. создать "экономическую милицию" как необходимое условие нормативного акционирования.

Характеризуя своеобразие китайского опыта по акционированию предприятий, следует остановиться на следующих моментах:

1) изначальная стихийность процессов акционирования, начатых не в связи с установками правительства и разработкой правовых норм, а ввиду острой экономической потребности по сбору дополнительных средств и эффективности хозяйствования. Этим объясняются и многообразие используемых форм и методов акционирования, и их нестандартность;

2) наличие периодов подъема и спадов в развитии акционерной деятельности ввиду как экономических трудностей (усиление в ходе реформы дисбаланса между спросом и предложением), так и политической дестабилизации (кризис 1989 г.) и груза идеологических штампов. Влияние всех этих факторов сохраняется и в настоящее время, причем на волне политического одобрения акционирования в самые последние годы как раз труднее будет сохранить баланс между объективной потребностью и субъективными устремлениями. А потому и впредь периоды излишнего "подогрева" будут сменяться периодами "охлаждения";

3) безусловное преобразование в акционерном капитале государственной собственности. Акционирование началось в максимально обобществленной экономике путем разрыхления монолита прежнего единого собственника. Характеризуя возможности и целесообразность тех или иных форм акционирования в КНР, следует осознавать всю разность условий становления акционерных хозяйств в развитом товарном хозяйстве капиталистического общества и в формально обобществленном хозяйстве при социализме. Для капитализма акционерные общества - результат высшего развития капиталистического производства, когда происходит отделение "капитала как функции" от "капитала как собственности". Для социалистических же стран, где до недавнего времени вообще отсутствовали самостоятельные товаропроизводители (ибо права собственности и права хозяйствования были монополизированы государством), путь к обретению общественной (особенно государственной) собственности хозяйина предполагает целую серию последовательных шагов. После первого шага, когда происходит отделение права собственности (оно остается у государства) от права хозяйствования (оно передается предприятию), дальнейшие шаги прогресса могут быть обеспечены развитием акционерных форм деятельности. Для начального этапа их становления (актуального для современного Китая), когда создаваемые акционерные компании по своей сути скорее паевые, а далеко не нормативные акционерные предприятия (последние могут существовать только в условиях уже развившегося рыночного хозяйства), прогрессивность этих форм заключается в превращении хозяйствующего субъекта одновременно и в собственника (наряду с государством) имущества, т.е., для КНР, начавшей в ходе реформы экономической системы движение в направлении развития рыночного хозяйства, сегодня актуален и прогрессивен тот шаг по созданию заинтересованного производителя с помощью акционирования, который в развитом рыночном хозяйстве при капитализме является предварительным условием образования акционерных обществ. Ввиду этого государственный пай объективно доминирует при создании акционерных компаний различного типа. Более того, то обстоятельство, что сохранение ведущего места за общественной (а для крупных и средних предприятий - государственной) собственностью называется в КНР важнейшим условием углубления реформы экономической системы, свидетельствует о достаточно реальной оценке китайским руководством существующей ситуации, понимании необходимости естественного вызревания рыночной среды как условия успешного функционирования акционерных предприятий, о стремлении не допустить разрушения производительных сил страны;

4) повсеместное вовлечение в процесс акционирования рабочих и служащих самих акционируемых предприятий. Как показано выше, в разные периоды от 80 до более 90% акционерных предприятий КНР создавались по типу закрытых. Это считается лучшим путем достижения цели - повышения заинтересованности тех, кто трудится, в результатах деятельности своих предприятий и одновременно гарантией лучшей сохранности созданного предшествующим трудом имущества. Как правило, акции рабочим и служащим продаются по самой низкой или льготной цене, нередко при этом учитывается и качество работы. Одновременно не снимается проблема, как добиться того, чтобы степень участия трудящихся в общем пае была достаточной для того, чтобы они действительно могли влиять на работу компании. Практически на всех акционируемых предприятиях сохраняются собрания представителей рабочих и служащих, их деятельности придается особое значение в охране социальных интересов трудящихся. Как правило, сохраняются и парткомы, руководители

которых нередко становятся заместителями председателей правления компании. На практике это помогает лучшему урегулированию конфликтных ситуаций;

5) неслаженность системы оценки имущества акционерных предприятий. Здесь сталкиваются две противоположные тенденции: покушение акционеров на государственное имущество, с одной стороны, и стремление организаций, представляющих государство в компании, добиться максимальной его оценки - с другой. Проблема ясности и четкого разграничения имущественных прав остается центральной в преобразовании государственных, особенно крупных и средних, предприятий;

6) нарушение нормативных требований в процессе создания и функционирования акционерных предприятий. Наиболее характерны нарушения принципа невозвратности акционерного пая и досрочные выплаты по дивидендам. Характерно, что многие предприятия даже в своем уставе определяют свободный возврат пая вкладчикам (например, через 3-5 лет) и размер выплат по дивидендам, не связывая последний с итогами хозяйственного года. В результате акции теряют свое назначение рискованных инвестиций, заставляющих заботиться о результатах хозяйственной деятельности предприятий. Из-за слишком высоких, экономически не оправданных выплат по дивидендам растет себестоимость собираемого акционерного капитала, что отнюдь не способствует преодолению убыточности предприятий;

7) иррациональность размещения акционерных экспериментов с точки зрения первоочередных нужд страны. Определившимися субъектами акционирования стали, во-первых, высокоэффективные, имеющие устойчивый сбыт продукции предприятия; во-вторых, в подавляющем большинстве предприятия обрабатывающей промышленности и сферы услуг, не относящиеся к числу тех отраслей которые острее всего нуждаются в средствах (транспорт, энергетика и т.д.); в-третьих, большинство акционерных предприятий сосредоточивается в наиболее развитых приморских районах (80% от общего числа акционерных предприятий закрытого типа сосредоточено в трех районах - Шэньян, Шаньдун, Хэйлунцзян; 73% акционерных предприятий открытого типа сосредоточено в четырех районах - Шанхай, Шэньчжэнь, Чжэцзян, Шаньдун)¹⁰, а во внутренних районах эксперимент проводится довольно слабо, что в общем итоге увеличивает экономическую дифференциацию регионов страны.

Несмотря на уже имеющийся опыт и продумывание каждого очередного шага, в практике акционирования сохраняются многие проблемы, среди которых наиболее актуальны: отставание законодательной и правоохранной деятельности от темпов эксперимента; трудность реализации на практике принципа равенства в акционерных правах, общей ответственности за риск, выплат строго в соответствии с паем, удержания в разумных пределах величин дивиденда и танъемы; непреодолимая тенденция к недооценке государственного имущества при переводе его в акционерные паи на предприятиях; наконец, ажиотаж на фондовых биржах и спекуляция акциями по причине слабого макроконтроля, а также чрезмерной рентабельности фондовых рынков из-за недостаточного предложения и завышенной первоначальной цены акций.

Главную причину этих проблем некоторые китайские ученые видят в недостаточной активности самих предприятий и сохраняющемся излишнем административном вмешательстве со стороны правительственных структур. Экспериментальный характер политики акционирования заставляет воспринимать практику акционирования как путь получения беспроцентной ссуды и дополнительных капиталовложений, внеплановой прибыли, не связанной с реальной деятельностью предприятий, как возможность для рабочих и служащих иметь акции и дополнительный доход на них, но не как путь к качественному улучшению деятельности предприятий. Многие предприятия

после акционирования не смогли принципиально изменить механизм функционирования, разделить административные и хозяйственные права, воспринять единые стандарты бухгалтерского учета, принятые в мире, и по сути "надев новые ботинки, идут старым путем". Все еще сохраняется путаница в разделении прав и обязанностей правительственных, правоохранительных органов и самих акционеров, не соблюдается принцип их совместного контроля. Сравнение рынка акций КНР с рынком акций в развитых странах приводит к выводу, что первый все еще находится на начальной стадии развития и пока не регулирует движение капитала между отраслями, секторами, предприятиями. Предприятия еще не достигли достаточного уровня самостоятельности, а правительство в отношении фондового рынка играет созидательную, но не регулирующую роль.

Самой насущной в нынешних условиях ускорения и углубления реформы становится задача по улучшению и усилению макроэкономического управления. В качестве главного способа руководства процессом акционирования со стороны правительственных органов названы перспективное планирование, координирование, контроль. Намечается усиление инвестиционного макрорегулирования и контроля с помощью кредитов, процентных ставок и прочих экономических рычагов. Продолжится реформа финансово-налоговой системы, предполагающая укрепление обязательной силы госбюджета, пополнение кадрами налоговых служб, ужесточение контроля за взиманием налогов и предоставлением тех или иных льгот по ним. Предполагается осуществлять разумный контроль за количеством выпускаемых акций и облигаций с тем, чтобы по мере улучшения рыночных условий все больше отдавать предпочтение первым, используя их как частичную замену кредитов, а также строгий контроль за эффективностью использования финансовых средств.

На фоне нарастания экономических трудностей в госсекторе по мере углубления реформы в ноябре 1993 г. на III пленуме ЦК КПК четырнадцатого созыва было принято "Постановление о некоторых вопросах строительства социалистической рыночной экономики", главным содержанием которого стала трансформация хозяйственного механизма предприятий государственной собственности и создание системы современных предприятий. Основная задача такой трансформации определена как достижение четкой очерченности имущественных прав, точного разграничения ответственности, отделения функций правительственных органов от функций предприятий, научное управление, сочетающее рычаги поощрения и ограничения и регулирующее взаимоотношения между собственниками. Акцент сделан на обеспечении сохранности и прироста государственного имущества, необходимости качественной инвентаризации и строгого запрета продажи или обращения его в паи по заниженным ценам. Именно сохранность и прирост государственного имущества стали сегодня и основным критерием оценки деятельности крупных и средних государственных предприятий, осуществляющих уже второй тур системы подрядной ответственности.

В качестве основы для введения системы современных предприятий в декабре 1993 г. был опубликован "Закон о компаниях" (его уточненный вариант был опубликован летом 1994 г.). Основным содержанием данного закона как раз и явилось преобразование государственных предприятий в различного рода компании (единственного владельца, с ограниченной ответственностью, акционерные закрытого и открытого типов).

В выведении акционирования государственных предприятий из категории эксперимента в полноправную и признаваемую наиболее перспективной и соответствующей требованиям "социалистического рынка" форму преобразования государственной собственности многим видится возможность

действительной реализации на практике задачи повышения эффективности производства.

1. Современная ситуация, трудности и выходы. (Анализ практики акционирования в Китае). - Пекин, 1993. - С. 18.
2. Цзинцзи жибао. - 1989. - 3 января.
3. Данные, полученные во время научной командировки в КНР в 1990 г.
4. Цзинцзи жибао. - 1992. - 22 февраля.
5. Создать систему современных предприятий. - Пекин, 1994. - С. 131-133.
6. Цайчжун жибао. - 1994. - 17 октября. Данные, получены во время научной конференции в КНР в 1994 г. Пекин, 1994. - С. 145; Современная ситуация, трудности и выходы. (Анализ практики акционирования в Китае). - Пекин, 1993. - С. 15; Идти к акционерной экономике. - Пекин, 1993. - С. 133.
7. Жэньминь жибао. - 1992. - 16 июня.
8. Цайчжун жибао. - 1994. - 17 октября. Современная ситуация, трудности и выходы. (Анализ практики акционирования в Китае). - Пекин, 1993. - С. 15; Тоуцзы яньцзю. - 1993. - N 12. - С. 7.
9. Современная ситуация, трудности и выходы. (Анализ практики акционирования в Китае). - Пекин, 1993. - С. 10-15; Бэйцзин дасюэ сюэбао. - 1993. - N 1. - С. 19.
10. Современная ситуация, трудности и выходы. (Анализ практики акционирования в Китае). - Пекин, 1993. - С. 15.

К 50-летию окончания второй мировой войны

Тегеран-Ялта-Потсдам: вопрос о вступлении СССР в войну против Японии

© 1995

В.Зимонин

Вопрос о вступлении СССР в войну против Японии возник еще до начала войны на Тихом океане. С первых лет японо-китайской войны 1937-1945 гг. попытки вовлечь Советский Союз в нее неоднократно поднимались со стороны китайского правительства. Однако, если до нападения Германии на СССР Москва выступала за организацию коллективного отпора японской агрессии, то после 22 июня 1941 г. из-за опасения оказаться в ситуации войны на два фронта она считала такой шаг неприемлемым.

После нападения японцев на Пёрл-Харбор и возникновения тихоокеанской войны активную заинтересованность в вовлечении СССР в войну против Японии стали проявлять США и Великобритания. Так, уже на первой встрече (8 декабря 1941 г.) с только что прибывшим в Вашингтон новым советским послом М.М.Литвиновым государственный секретарь США К.Хэлл поднял вопрос о предоставлении Соединенным Штатам баз на советском тихоокеанском побережье.

11 декабря 1941 г. Литвинов сообщил президенту США мнение советского правительства, что в период, когда Советский Союз ведет тяжелые бои против гитлеровской Германии, предпринимать такой шаг было бы рискованно, так как Япония может атаковать СССР².

В декабре 1941 г. У.Черчилль в памятной записке британским начальникам штабов писал: "Всех привлекает проблема создания авиабаз в Китае или в России, с которых можно было бы совершать налеты на японские города. Весьма желательно поэтому, чтобы Россия вступила в войну против Японии"³.

Зимонин Вячеслав Петрович, доктор исторических наук, член-корреспондент Российской академии естественных наук, заместитель начальника Института военной истории МО РФ по научной работе.

Журнальный вариант раздела рукописи книги "Последний оуаг второй мировой войны: СССР в войне против Японии".

В августе 1942 г. эта тема была вновь поднята специальным представителем президента США А.Гарриманом в беседе со Сталиным, который заявил, что Япония исторически является русским противником, и ее поражение имеет существенное значение для Советского Союза. Хотя существующие обстоятельства не благоприятствуют советскому участию в войне на Дальнем Востоке, СССР в свое время несомненно вступит в нее⁴.

Попытки оказать давление на Москву по этому вопросу предпринимались и в дальнейшем, особенно после ряда сокрушительных поражений фашистских войск в 1942 и 1943 годах.

В августе 1943 г. после Курской битвы американские начальники штабов пришли к заключению, что "имея Россию в качестве союзника на Дальнем Востоке, эту войну можно завершить в более короткий срок и с меньшими потерями в людях и средствах, чем без участия России"⁵.

Поэтому "одной из главных целей" американской делегации на конференции руководителей СССР, США и Великобритании в Тегеране (28 ноября - 1 декабря 1943 г.) было получение принципиального согласия Советского Союза выступить против Японии.

Идя навстречу пожеланиям союзников, Сталин в Тегеране дал такое согласие, но только после разгрома Германии⁶.

Следует отметить, что позиция СССР в отношении войны против Японии встречала понимание среди высших руководителей союзников. Так, Ф.Рузвельт признавал, что поражение Германии "является наилучшим и наиболее верным путем обеспечения поражения Японии"⁷. Черчилль тоже не считал возможным в то время "особенно сильно нажимать на русских в этом вопросе"⁸.

С середины 1944 г. вопрос о вступлении СССР в войну против Японии получил дальнейшее развитие. Когда А.Гарриман информировал И.В.Сталина об итогах встречи руководителей США и Англии в Квебеке (11-16 сентября), советский руководитель обратил внимание посла на то, что тот не упомянул об участии Советского Союза в войне против Японии. В этой связи Сталин спросил Гарримана, считает ли президент США существенным, чтобы СССР присоединился к войне против Японии. Он выразил удивление, что после заверений, данных им Ф.Рузвельту в Тегеране, союзники при военном планировании не принимают во внимание советское участие. Сталин добавил, что в позиции Советского Союза по этому вопросу нет изменений, но если США и Великобритания предпочитают поставить Японию на колени без советского участия, то он готов с этим согласиться⁹. Получив соответствующие заверения в конце сентября 1944 г. Сталин дал поручение Генеральному штабу подготовить расчеты по сосредоточению и материальному обеспечению войск на Дальнем Востоке. "Скоро, видимо, потребуется", - заключил разговор Верховный Главнокомандующий¹⁰.

Во время пребывания британского премьер-министра в советской столице в середине октября 1944 г. Сталин затронул тему вступления СССР в войну с Японией в разговоре с А.Гарриманом, А.Иденом, другими дипломатами и военными. Глава советского правительства заявил, что через три месяца после поражения Германии СССР выступит против Японии при условии, если США окажут ему помощь в создании необходимых материальных запасов и если будут прояснены политические аспекты участия СССР в войне на Дальнем Востоке¹¹. Тогда же он согласился приступить к совместному с США планированию действий против Японии и представил список советских заявок на американские поставки. Эти заявки легли в основу программы под кодовым наименованием "Майлпост", которая предусматривала создание с помощью США запасов в Сибири для их использования в войне против Японии¹².

14 декабря 1944 г. на очередной встрече Сталина с Гарриманом последний поставил перед советским руководителем политические вопросы, относящиеся к Дальнему Востоку, о чем шла речь на их встрече в октябре.

Как отмечает американский посол, "он (Сталин. - В.З.) сказал, что положение России на востоке должно быть в целом восстановлено так, как оно существовало до русско-японской войны 1905 г. Южная часть Сахалина должна быть возвращена русским, так же как Курильские острова, для того чтобы защитить советское побережье со стороны Тихого океана. Русские желали вновь арендовать порты Дайрен и Порт-Артур и получить в аренду железную дорогу в Маньчжурии, построенную русскими по контракту с Китаем, особенно КВЖД, которая была прямой линией от Транссибирской магистрали до Владивостока, и Южно-Маньчжурскую железную дорогу, обеспечивающую связь с Дайреном. Сталин указал, что Советский Союз не намеревается посягать на суверенитет Китая над Маньчжурией. В добавление он запросил признания status quo Внешней Монголии... Я немедленно направил президенту Рузвельту предложения Сталина, - писал Гарриман, - и они стали основой для дискуссии в Ялте"¹³.

Как свидетельствует американский историк Л.Роуз, Рузвельт, узнав "об азиатских требованиях Сталина", был поражен их скромностью, так как они касались лишь восстановления территориальных прав, отобранных у России Японией во время войны 1904-1905 гг."¹⁴.

Ко времени начала работы Ялтинской конференции, которая открылась 4 февраля 1945 г., высшие военные и политические лидеры США и Великобритании были единодушны в необходимости вовлечения СССР в войну против Японии. Об этом писал в своих мемуарах госсекретарь США Э.Стеттиниус, хотя он и отметил нежелательность для союзников роста авторитета и популярности СССР в Азии¹⁵. Начальник штаба армии США генерал Дж. Маршалл в то время считал, что вступление Советского Союза в тихоокеанскую войну может оказаться решающей акцией, которая вынудит Японию капитулировать¹⁶.

По настоянию У.Черчилля на пути в Крым американская и английская делегации встретились на Мальте для выработки своей общей стратегии на переговорах со Сталиным.

Британскую делегацию вопросы войны на Тихом океане волновали гораздо меньше, чем американскую. "Дальний Восток не играл никакой роли в наших официальных переговорах в Ялте", - писал Черчилль в своих мемуарах¹⁷. Кроме того английский премьер острее, чем президент США Ф.Рузвельт, чувствовал рост авторитета и влияния Советского Союза в мире и очень опасался его дальнейшего усиления, в том числе в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Однако он понимал трудности США в тихоокеанской войне и необходимость подключения к ней России.

С другой стороны, Советскому Союзу в период ожесточенных боев в феврале 1945 г. и накануне кровопролитной схватки с нацистским зверем в его логове, было непросто (гораздо сложнее, чем это было в Тегеране) решиться на то, чтобы дать окончательное согласие на вступление в войну против Японии. Сталин понимал, что кроме чисто технических проблем переброски огромного количества личного состава, военной техники и средств снабжения войск на театр военных действий на Дальнем Востоке перед ним стояла проблема морально-политического и психологического обеспечения готовности страдавшего от тягот четырех лет жестокой войны народа поддержать вступление в новую войну. Было очевидно, что эта война ляжет на плечи советского народа и дополнительным экономическим бременем.

Вступая в войну против Японии, Советский Союз, наряду с выполнением союзнического долга, исходил и из своих жизненных интересов. Пока на Дальнем Востоке продолжал существовать очаг агрессии, СССР не мог считать свою безопасность полностью обеспеченной.

С учетом полувекковой истории, начиная с захвата Японией в 1905 г. российских территорий и последующих агрессивных актов Японии на Дальнем Востоке в 20-е годы, острых конфликтов в районе озера Хасан и реки Халхин-Гол в конце 30-х, Советский Союз, Сталин имели основания рассматривать милитаристскую Японию как враждебное государство. Советскому руководству были известны агрессивные планы японской военщины на случай тяжелых поражений СССР в войне с Германией, включавшие "продвижение" до Урала¹⁸.

Заключенный 13 апреля 1941 г. советско-японский пакт о нейтралитете, который, по признанию министра иностранных дел Японии тех лет Ё.Мацуока, был нужен лишь для прикрытия военных приготовлений против СССР, постоянно нарушался. За четыре года со времени его подписания части и подразделения Квантунской группировки войск 779 раз нарушали сухопутную границу, а самолеты военно-воздушных сил Японии 433 раза вторгались в воздушное пространство СССР. Японские военные корабли около 180 раз останавливали (нередко с применением оружия) и досматривали советские торговые и рыболовные суда, уводили некоторые из них в свои порты, а по крайней мере 8 - потопили. Общие убытки советского судоходства в 1941-1944 гг. в результате провокационных действий японских ВМС составили в ценах тех лет 637 млн рублей.

Япония в течение всей войны продолжала оказывать политическую и экономическую помощь гитлеровской Германии в войне против Советского Союза, поставляла ей разведывательную информацию, снабжала стратегическим сырьем¹⁹.

Советский Союз на протяжении всей войны против гитлеровской Германии был вынужден держать на Дальнем Востоке крупную группировку войск, составлявшую в общей сложности в разные периоды войны от 15 до 30% боевых сил и средств советских Вооруженных Сил²⁰. Очевидно, что отвлечением столь значительной части советских войск Япония оказывала весьма существенную помощь гитлеровской Германии.

Непосредственный вклад в разгром японского милитаризма советское руководство рассматривало и как гарантию полноправного участия Советского Союза в послевоенном урегулировании на Дальнем Востоке, как важное средство укрепления здесь своего влияния и поддержки идеологически и политически близких ему сил в странах Восточной Азии.

В Ялте вопросы Дальнего Востока обсуждались Сталиным и Рузвельтом 8 февраля. Сталин подтвердил согласие СССР вступить в войну против Японии, но просил президента уточнить политические условия советского участия. Рузвельт, заранее с ними ознакомленный, высказывался, в частности, за передачу Советскому Союзу южной части Сахалина и Курильских островов. Президент сослался также на переговоры в Тегеране, где он предложил дать СССР возможность использовать Дайрен (Далаянь)²¹.

Окончательный текст соглашения по Дальнему Востоку, в котором по настоянию Сталина фиксировались условия участия СССР в войне на Дальнем Востоке, был согласован 10 февраля Сталиным, Молотовым, Рузвельтом и Гарриманом. В ответ на согласие России вступить в войну против Японии через два-три месяца после капитуляции Германии США обязались поддержать требования, выдвинутые советской стороной. 10 февраля в ходе беседы со Сталиным Черчилль также заявил, что будет "приветствовать появление русских кораблей в Тихом океане"²². 11 февраля главами правительств СССР,

США и Великобритании было подписано в связи с этим специальное Соглашение, которое оставалось строго конфиденциальным до 5 июля, когда Черчилль решил проинформировать о предстоявшем вступлении Советского Союза в войну премьер-министров британских доминионов.

Вот текст этого Соглашения (третья редакция)²³:

"Руководители Трех Великих Держав - Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании - согласились в том, что через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну против Японии на стороне Союзников при условии:

1. Сохранения status quo Внешней Монголии (Монгольской Народной Республики);

2. Восстановления принадлежавших России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г., а именно:

а) возвращения Советскому Союзу южной части о.Сахалина и всех прилегающих к ней островов;

в) интернационализации торгового порта Дайрена с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза в этом порту и восстановления аренды на Порт-Артур как на военно-морскую базу.

с) совместной эксплуатации Китайско-Восточной железной дороги и Южно-Маньчжурской железной дороги, дающей выход на Дайрен, на началах организации смешанного Советско-Китайского Общества с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза, при этом имеется в виду, что Китай сохраняет в Маньчжурии полный суверенитет;

3. Передачи Советскому Союзу Курильских островов.

Предполагается, что соглашение относительно Внешней Монголии и вышеупомянутых портов и железных дорог потребует согласия генералиссимуса Чан Кайши. По совету Маршала И.В.Сталина Президент примет меры к тому, чтобы было получено такое согласие.

Главы правительств Трех Великих Держав согласились в том, что эти претензии Советского Союза должны быть безусловно удовлетворены после победы над Японией.

Со своей стороны Советский Союз выражает готовность заключить с Национальным Китайским Правительством пакт о дружбе и союзе между СССР и Китаем для оказания ему помощи своими вооруженными силами в целях освобождения Китая от японского ига.

И.Сталин

Ф.Рузвельт

Уинстон С.Черчилль

1945 г., 11 февраля"

Ялтинское соглашение от 11 февраля 1945 г. отвечало интересам безопасности СССР, целям его союзников - сокращению сроков войны, быстрой ликвидации очага милитаризма на Дальнем Востоке.

Поэтому Советский Союз последовательно шел к реализации принятых на себя в Крыму обязательств. 5 апреля 1945 г. он денонсировал Пакт о нейтралитете, что, кстати, предусматривалось его 3-ей статьей. В заявлении советского правительства по этому поводу указывалось, что пакт был подписан до нападения Германии на СССР и до возникновения войны между Японией, с одной стороны, и Англией и США - с другой. Советским Союзом было заявлено: "С того времени обстановка изменилась в корне. Германия напала на СССР, а Япония, союзница Германии, помогает последней в ее войне против СССР. Кроме того, Япония воюет с США и Англией, которые являются союзниками

Советского Союза. При таком положении Пакт о нейтралитете между Японией и СССР потерял смысл, и продление этого пакта стало невозможным..."²⁴

Денонсировав за четыре месяца до согласованного с союзниками срока вступления в войну Пакт о нейтралитете, советское правительство фактически недвусмысленно предупредило японское руководство о возможности участия СССР в военных действиях против Японии. И это в Токио хорошо понимали. В середине апреля сотрудники военного аппарата японского посольства в Москве в своих разведдонесениях сообщали в центр: "Ежедневно по Транссибирской магистрали проходят от 12 до 15 железнодорожных составов... В настоящее время вступление Советского Союза в войну неизбежно. Для переброски около 20 дивизий потребуется около двух месяцев"²⁵. Нельзя исключать, что японская разведка имела сведения и о договоренности союзников по поводу возвращения СССР после войны Южного Сахалина и Курильских островов. Но и без этого в Токио знали, что СССР будет требовать возвращения ранее принадлежавших России дальневосточных земель. Ведь именно такая позиция СССР определила решение заключить в 1941 г. пакт не о ненападении, а о нейтралитете, не предусматривавший разрешение территориальных споров. Это косвенно подтверждается попытками японского правительства накануне встречи в Потсдаме обеспечить неучастие СССР в войне в обмен на "добровольную" уступку ему этих и других территорий. Советский Союз не пошел на эту сделку, противоречившую договоренностям с союзниками.

В то время подавляющее большинство видных политических и военных деятелей высоко оценивали решения, принятые руководителями трех великих держав в Крыму. "Ялта стала, - заявил Стеттиниус в начале апреля 1945 г., - высшей академией дипломатии и продемонстрировала нам лучшие образцы разумных компромиссов по самым трудным проблемам"²⁶. Некоторые сомнения по поводу необходимости продолжения союзнических отношений с СССР высказал 23 апреля лишь Г.Трумэн после вступления в президентство вместо умершего 12 апреля Ф.Рузвельта. Однако военным руководителям США удалось убедить нового президента в том, что сотрудничество с Советским Союзом необходимо сохранить по крайней мере до капитуляции Токио²⁷.

Министерство обороны США было полностью уверено в правильности решения, принятого в Крыму. 21 мая 1945 г. военный министр Г.Стимсон писал исполнявшему обязанности госсекретаря США Дж.Грю: "Вступление России (в войну против Японии. - В.З.), будет иметь далеко идущий военный эффект, который, почти определенно, приведет к сокращению сроков войны и тем самым спасет американские жизни"²⁸.

За 2-3 месяца до вступления Советского Союза в войну среди высших представителей американского политического и военного руководства стала все настойчивее обсуждаться идея применения против Японии атомного оружия, работы над созданием которого к лету 1945 г. подошли к завершению. Однако, во-первых, об этом проекте и о возможностях атомного оружия практически до последнего времени ничего не знали из-за его высшей степени секретности разрабатчики планов ведения войны в ОКНШ, которые в связи с этим были не в состоянии произвести более или менее точную оценку возможностей нового оружия и влияния его на ход и исход вооруженной борьбы с Японией. Достаточно сказать, что, когда в июне 1945 г. на заседании ОКНШ, проходившем в Белом доме стал впервые обсуждаться вопрос о применении атомной бомбы, это "вызвало шоковое состояние даже среди такой группы избранных лиц"²⁹.

Во-вторых, среди многих влиятельных военных, крупнейшим из которых был председатель ОКНШ адмирал У.Леги, господствовало мнение, что атомный проект не более чем результат большого воображения горстки ученых. "Это

самая большая глупость, которую мы когда-либо совершали, - заявил Леги Г.Трумэну после того, как один из разработчиков атомной бомбы В.Буш доложил новому президенту принципы ее действия. - Бомба никогда не сработает, и я заявляю это как эксперт по взрывным устройствам"³⁰. Во время заседания в Белом доме 18 июня 1945 г., свидетельствует помощник военного министра США Д.Макклой, ни один из начальников штабов, несмотря на аргументы ученых, не верил, что "штука сработает"³¹.

В Вашингтоне осуществлялась попытка разработать еще один вариант решения, который, как рассчитывали в госдепартаменте и министерстве обороны, мог снять проблемы, связанные и с ценой вторжения на японские острова, и с политическим эффектом вступления в войну Советского Союза, и с возможными негативными последствиями применения атомного оружия. Суть этого варианта, изложенного в меморандуме Г.Стимсона президенту от 2 июля 1945 г., заключалась в том, чтобы предъявить Японии такие условия капитуляции, на принятие которых могло бы пойти японское руководство. В меморандуме предлагалось отойти от требования "безоговорочной капитуляции" и согласиться с сохранением в Японии монархической системы на основе существующей династии³². Тем самым игнорировались принятые ранее союзниками решения о неотвратимости наказания всех главных виновников развязывания второй мировой войны, к которым относился и японский император.

Выдвижение условий такой капитуляции должно было быть осуществлено, согласно меморандуму, до фактического вторжения, прежде чем разгром доведет японцев до "фанатического отчаяния" и, если Советский Союз уже успеет вступить в войну, до того, как русское наступление разовьется слишком далеко³³.

С такими настроениями высшее американское руководство прибыло для участия в работе Берлинской (Потсдамской) конференции, которая проходила с 17 июля по 2 августа 1945 г.

Перед открытием первого пленарного заседания 17 июля состоялась встреча Сталина с Трумэном, на которой последний сказал, что "США ожидают помощи от Советского Союза" в войне против Японии. На это Сталин заявил, что СССР сдержит свое слово и будет готов вступить в действие в середине августа³⁴.

Как известно, 16 июля американцы успешно провели испытания атомной бомбы. Это позволило некоторым исследователям утверждать, что официальный Вашингтон не видел более необходимости участия в войне советского союзника. Однако факты это опровергают. Так, на следующий день после встречи со Сталиным Трумэн направил письмо из Берлина, в котором говорилось: "Я получил без напряжения то, ради чего сюда прибыл. Сталин вступит в войну... Теперь можно сказать, что мы закончим войну на год раньше, и я думаю о тех парнях, которые не будут убиты"³⁵.

На переговорах военных руководителей в Потсдаме были подробно обсуждены практические вопросы, связанные с участием СССР в войне на Дальнем Востоке. На заседании начальников штабов трех держав генерал армии А.И.Антонов сообщил, что советские войска концентрируются на Дальнем Востоке, что СССР вступит в войну против Японии в середине августа, и Советская Армия будет воевать против 50 японских и маньчжурских дивизий³⁶.

В ходе подготовки к боевым действиям большое внимание уделялось планированию совместных военных действий и координации при проведении союзниками операций как на суше, так и, особенно, на море. В соответствии с решениями Ялтинской конференции определялись и уточнялись зоны как совместных, так и отдельных действий союзных вооруженных сил.

Желая вступления СССР в войну и не представляя себе возможности быстрого ее окончания без него, руководители США, также как и их британские союзники, тем не менее не могли смириться с мыслью о том, что это даст Советскому Союзу определенные политические дивиденды. В то же время они полагали, что без вступления СССР в войну предлагавшееся в меморандуме Стимсона "последнее предупреждение" Японии не возымеет действия. Собственно, так и произошло, когда, не согласовав предварительно с Советским Союзом и не заручившись его подписью, союзники решили в ходе работы конференции огласить 26 июля 1945 г. от имени США, Великобритании и Китая Потсдамскую декларацию, содержащую требование к Японии принять безоговорочную капитуляцию.

Ни в меморандуме от 2 июля, ни в Потсдамской декларации ни слова не говорилось об атомной бомбе, хотя высказывались предложения заявить о ней в берлинском документе³⁷. Однако отказ союзников пойти в Потсдаме на изменение формулы японской капитуляции (в конце-концов Г.Трумэн не поддержал в те июльские дни предложений, в том числе У.Черчилля³⁸, о смягчении условий прекращения Японией войны, так же, как отверг из-за боязни утратить эффект внезапности и идею припугнуть Японию атомной бомбой) предвещал отрицательную реакцию японского руководства на содержащиеся в декларации требования. А это неизбежно ставило вопрос о вступлении СССР в войну в практическую плоскость. Единственной возможностью в этой ситуации попытаться, если не предотвратить его вступление в войну, сохранив для японцев фактор его угрозы и не поступаясь целями достижения безоговорочной капитуляции, то хотя бы ограничить последствия советского вмешательства в ход событий, было применение (в расчете на возможный психологический эффект) атомного оружия.

Американские исследователи справедливо считают, что окончательное решение об атомных бомбардировках Японии Г.Трумэн принял еще за несколько дней до оглашения Потсдамской декларации в результате обсуждения детальной информации о результатах испытания атомной бомбы, поступившей в Потсдам 21 июля. Об этом говорит тот факт, что подготовленный штабом армии США боевой приказ на применение атомных бомб для удара по японским городам при первой же возможности (с учетом погодных условий), начиная с 3 августа, был завизирован президентом, Г.Стимсоном и Дж.Маршаллом 24 июля и 25 июля 1945 г. подписан генералом К.Спаатцем, на которого возлагалась ответственность за претворение в жизнь решения президента³⁹. После 25 июля уже никто, кроме президента США, и ничто, кроме погоды, не могли повлиять на дату вступления мира в атомный век.

Советники Г.Трумэна, как, собственно, и сам президент, считали, что атомная "бомба должна быть использована в качестве мощного сдерживателя на пути советской экспансии в Европе, где красная волна уже успешно поглотила Румынию, Болгарию, Югославию, Чехословакию и Венгрию"⁴⁰. Американские военные специалисты и политики считали, что атомные бомбардировки будут менее эффективны по разрушающей силе, чем намечавшиеся на 1 ноября 1945 г. бомбардировки Японии в период вторжения⁴¹. Однако, как полагал госсекретарь Дж.Бирнс, атомная бомба нужна была скорее для того, чтобы "сделать Россию более управляемой в Европе", чем для того, чтобы нанести поражение Японии⁴².

Отметим также, что американцы не хотели усиления влияния не только русских, но и англичан. Вашингтон был заинтересован в завершении политического устройства в западной части Тихого океана "раньше, чем... союзники будут втянуты в дела здесь и внесут существенный вклад в поражение Японии"⁴³. Именно такие рекомендации были подготовлены президенту ко

времени работы Потсдамской конференции. И они, безусловно, сыграли определенную роль в принятии Г.Трумэном решения ускорить применение атомных бомб, первая из которых была 6 августа сброшена на город Хиросиму. Однако прошел и этот, и второй, и третий день, а ни малейшего намека на готовность к безоговорочной капитуляции из Токио не поступило. В этих условиях Советский Союз и вступил 9 августа в военные действия против Японии, что кардинально изменило ход событий.

В заявлении, сделанном 8 августа японскому послу народным комиссаром иностранных дел СССР В.М.Молотовым по поводу вступления Советского Союза в войну против Японии, говорилось: "Советское правительство считает, что такая его политика является единственным средством, способным приблизить наступление мира, освободить народы от дальнейших жертв и страданий и дать возможность японскому народу избавиться от тех опасностей и разрушений, которые были пережиты Германией после ее отказа от безоговорочной капитуляции"⁴⁴.

Таким образом, война СССР против Японии носила справедливый характер. Это обеспечило поддержку этого решения советскими людьми, понимание необходимости этой акции воинами Красной Армии, поддержку вступления СССР в войну со стороны мирового общественного мнения.

Решение Советского Союза о вступлении в войну на Дальнем Востоке явилось результатом драматического развития международной политической и военно-стратегической обстановки. В условиях продолжавшегося сопротивления Японии оно было единственной возможностью ускорить окончание войны и сберечь миллионы человеческих жизней. В такой оценке роли СССР в войне на Дальнем Востоке великие державы были едины и в период торжества общих усилий по разгрому фашистского блока и милитаристской Японии, и позднее, когда внутри антифашистской коалиции появились первые четкие признаки кризиса.

1. Разгром милитаристской Японии и освободительная миссия СССР в Азии: Сборник документов. - М., 1985. - С. 110.
2. Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. в 2-х томах - М., 1984. Т. I, 1941-1943. - С. 145.
3. Разгром милитаристской Японии и освободительная миссия СССР в Азии. - С. 19.
4. Deane, J. The Strange Alliance. - N.Y., 1947. - P. 226.
5. Эрман Дж. Большая стратегия. Октябрь 1944 - август 1945 / Пер. с англ. - М., 1958. - С. 204-205.
6. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав - СССР, США и Великобритании (28 ноября - 1 декабря 1943 г.): Сборник документов. - М., 1978. - Т. II. - С. 95.
7. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны (далее - Переписка...). - М., 1976. - Т. 2. - С. 31.
8. Разгром милитаристской Японии и освободительная миссия СССР в Азии. - С. 20.
9. Negotiating with the Russians./Ed. by R. Dennett and J.Johnson. Boston, 1951. - P. 20.
10. Цит. по: Василевский А.М. Дело всей жизни. М., 1975. - С. 352.
11. Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers (FRUS): The Conferences at Malta and Yalta, 1945. - P. 368.
12. Jones, R.H. The Roads to Russia: United States Lend-Lease to the Soviet Union. N.Y., 1969. - P. 180.
13. In: Beloff, M. Soviet Policy in the Far East, 1944-1951. - L., 1953. - P. 23-24.
14. Rose, L. After Yalta: America and the Origins of the Cold War. N.Y., 1973. - P. 25.
15. Stettinius, E. Roosevelt and the Russians: The Yalta Conference. - L., 1955. P. 90-91.

16. См.: Савин А.С. Японский милитаризм в период второй мировой войны 1939-1945 гг. - М., 1979. - С. 191.
17. Churchill, W. The Second World War. In 6 vols. Triumph and Tragedy. - Vol. 6. - N.Y., 1974. P. 295.
18. Центр хранения историко-документальных коллекций (далее: ЦХИДК). Ф. 415/п. Оп. 5. Д. 68. Л. 166-167; Д. 72. Л. 18-20.
19. Борисов О.Б., Бутурлинов В.Ф., Носков А.М., Щебенков Ю.М. Победа на Востоке: К 40-летию разгрома милитаристской Японии. М., 1985. - С. 9; Краснознаменный Тихоокеанский флот. М., 1981. - 3-е изд. - С. 135, 136; Локвуд Ч. Топи их всех / Пер. с англ. М., 1960. - С. 95; Вторая мировая война: Краткая история. М., 1984. - С. 485, 550.
20. Борисов О.Б., Бутурлинов В.Ф., Носков А.М., Щебенков Ю.М. Победа на Востоке. - С. 21.
21. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: Крымская конференция руководителей трех союзных держав - СССР, США и Великобритании 4-11 февраля 1945 г. - М., 1984 (далее: Крымская конференция). - С. 140.
22. Churchill, W. The Second World War. - Vol. 6. - P. 334.
23. Печатается по: Крымская конференция. - С. 254-255; Тексты в первых двух редакциях см.: ЦАМО. Ф. 113. Оп. 3274. Д. 11. Л. 233-234.
24. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: Документы и материалы. - М., 1947. - Т. 3. - С. 166.
25. Дайтоа сэно кокан сэн си (Официальная история войны в великой Восточной Азии). В 106 томах. Т. 73. - С. 325.
26. Цит. по: Новиков Н.В. Воспоминания дипломата: Записки о 1938-1947 гг. - М., 1989. - С. 285.
27. См. об этом: Военно-исторический журнал. 1989. N 10. - С. 20-21.
28. Command Decisions/Ed. with Introductory Essay by K. Greenfield. - Wash., 1987. - P. 503.
29. Command Decisions. P. 496.
30. Truman, H. Memoirs. Years of Decisions. - N.Y., 1955. - Vol. 1. - P. 11.
31. McCloy, J. The Challenge to American Foreign Policy. - Cambridge, 1953. - P. 43.
32. Command Decisions. - P. 508.
33. Stimson, H., Bundy, M. On Active Service in Peace and War. - N.Y., 1948. P. 624.
34. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав - СССР, США и Великобритании (17 июля - 2 августа 1945 г.): Сб. документов. - М., 1980. - С. 43.
35. Цит. по: Бережков В.М. Значение потсдамских решений // США - экономика, политика, идеология. - 1985. - N 7. - С. 60-61.
36. FRUS: The Conference of Berlin (The Potsdam Conference), 1945. - Vol. 2. - P. 345.
37. Command Decisions. - P. 508, 513.
38. Churchill, W. The Second World War. - Vol. 6. - P. 548.
39. Command Decisions. - P. 514; Truman, H. Memoirs. Vol. 1 - P. 420.
40. Command Decisions. P. 509-510.
41. Ibid. - P. 509.
42. Ibid. - P. 510.
43. Cline, R. Washington Command Post: The Operations Division, United States Army in World War II. - Wash., 1957. - P. 345.
44. Правда. - 1945. - 9 августа.

История и современность

Монголия: между Китаем и Советской Россией

(1920-1924)

© 1995

С.Лузянин

История взаимоотношений России, Монголии и Китая в 1920-1924 гг. внешне изучена достаточно широко и подробно в традиционной советской и монгольской историографии. Вместе с тем, не умаляя значительного вклада авторов в разработку данной проблемы, в работах 60-80-х гг. преобладала приукрашенная и несколько формальная оценка ключевых событий того периода, естественно вытекающая из общей идеологизации исторического процесса.

До настоящего времени неясно, как происходила эволюция советской и монгольской политики в отношении Китая, какими реальными причинами определялись те или иные решения советского руководства по таким вопросам, как ввод частей 5-й Армии в июле 1921 г. в Ургу, подписание советско-монгольского соглашения 5 ноября 1921 г. и др. Не до конца изученной остается и история заключения 5 статьи советско-китайского соглашения 31 мая 1924 г., тем более что оценка традиционной советской историографии сводится к тому, что согласие Москвы "отдать" Внешнюю Монголию Китаю, являлось по существу формальным актом и диктовалось необходимостью компромисса с Китаем ради сохранения мира и спокойствия на Дальнем Востоке. Соглашаясь с тем, что этот шаг был действительно большим компромиссом со стороны СССР, необходимо уточнить его истинные мотивы, что подталкивало советское руководство - сохранение мира на Дальнем Востоке, желание разжечь "революционный пожар" в Китае или иные стратегические цели? Чем, в этой связи, была Монголия для Москвы - "разменной монетой" в советско-китайских отношениях или реальным субъектом отношений, имевшим собственный подход к тем или иным проблемам?

Большой интерес вызывает в этой связи недавно опубликованная статья американского исследователя Брюса Эйлемана¹, в которой автор, основываясь на тайваньских источниках, изложил свой оригинальный подход к данной проблеме. Однако и здесь эволюция советской и монгольской политики, и также роль А.А.Иоффе в "решении" монгольского вопроса, не получили своего

освещения.

На все эти и многие другие вопросы сложно ответить в рамках одной работы. В предлагаемой статье на основе ряда новых, ранее неизвестных документов, хранящихся в российских центральных архивах, делается попытка поставить часть давно назревших проблем для изучения.

Коминтерн и Монгольская революция

Первые продуманные шаги советского правительства в отношении Монголии относятся к периоду гражданской войны. 25 июля 1919 г. было опубликовано "Обращение Советской России к правительству Автономной Монголии и монгольскому народу", в котором излагались общие принципы советской политики на Востоке, отказ от договоров, соглашений и концессий царской России в Монголии, предложение об установлении равноправных официальных отношений с правительством Богдо-гэгена. Обращение попало в Ургу только в 1920 г., оставшись, фактически, без ответа.

Реальная политика Советской России в Монголии была сосредоточена на революционной работе в рамках нелегальной деятельности секции восточных народов Сиббюро ЦК РКП(б) и ее Монголо-Тибетского отдела, созданных в июле 1920 г. в Иркутске. Секция, являвшаяся филиалом Коминтерна, была основным центром "революционной дипломатии" в сопредельных странах Дальнего Востока. В задачи секции входили: подготовка и организация коммунистических групп и партий в Китае, Монголии, Японии и Корее, военно-техническая помощь оппозиционным силам в этих странах, подготовка профессиональных революционеров из числа национальных кадров, идеологическая работа, т.е. все то, что можно было назвать "экспортом революции" на Восток. Последнее обстоятельство четко просматривалось в инструкциях секции по организации коммунистического движения. В одной из них, в частности, говорилось: "По мере подготовки (ком. групп. - С.Л.)... секция перебрасывает их в соответствующие страны для организации и ведения работы на местах, как партий самостоятельных, предварительно представляя их на утверждение в ЦК и через него Коминтерну"².

Деятельность секции, а с февраля 1921 г. Дальневосточного секретариата Коминтерна в Монголии касалась также конкретных организационно-технических вопросов. Так, 17 декабря 1920 г. в повестке дня заседания секции рассматривалась проблема создания единого монгольского национального фронта для борьбы с китайским империализмом:³ формирование монгольских партизанских отрядов и снабжение их оружием и инструкторами, тактика монгольских революционных групп в отношении к китайцам и семеновцам в Монголии. По последнему пункту монголам рекомендовалось соблюдать нейтралитет в ходе борьбы китайцев с семеновцами, способствуя их столкновению между собой⁴.

Активные действия Унгерна в Монголии в феврале 1921 г. (захват Урги и изгнание оттуда китайцев, восстановление на престоле Богдо-гэгена, разгром ургинской революционной группы и др.) обострили и конкретизировали задачу Коминтерна. 10 февраля 1921 г. Дальневосточный секретариат постановил: "Захват Унгерном Монголии создаст угрозу потери Коминтерном и Советской Россией их революционной базы..., Японией создается черный буфер из Приморской области с Семеновым, Маньчжурии с генералом Чжан Цзолинем, Монголии с бароном Унгерном... боевой задачей Коминтерна и Советской России является разрушение этого буфера, по крайней мере его монгольского звена"⁵. С политической точки зрения, задача Коминтерна упрощалась, так как отходил на

второй план сдерживавший до этого китайский фактор, придавая делу освобождения Монголии характер уничтожения "классового врага" и, одновременно, ликвидации опасного для сибирских границ плацдарма в Монголии.

В военном отношении существовало два варианта уничтожения Азиатской дивизии Унгерна. Руководитель Дальневосточного секретариата Коминтерна Б.З.Шумяцкий зимой 1920 г. предложил план разгрома Унгерна путем завлечения его к советской границе, используя в качестве "приманки" монгольские революционные отряды. "Этот план, - отмечал он в одном из писем наркому по иностранным делам Г.В.Чичерину, - позволил бы избежать изнурительного... и не нужного для Советской России похода на Ургу". Другой подход, разработанный в правительстве ДВР, наоборот, предусматривал военную экспедицию на столицу Внешней Монголии⁶.

Подобные расхождения были лишь частью более широкой дискуссии в советском руководстве по вопросу о целесообразности "революционизации" Монголии. Так, 1 июня 1921 г. на совместном заседании Дальбюро ЦК РКП(б), представителей НКВД РСФСР, Реввоенсовета 5-й Армии и правительства ДВР развернулась острейшая борьба по проблеме монгольской революционной политики. Часть руководства ДВР - заместитель премьер-министра Н.М.Матвеев, а также командарм А.Матиясевич были категорически против обсуждавшегося на совещании плана военного похода на Ургу, называя его "недоброкачественной политической авантюрой"⁷. Командарм 5-й Армии, в частности, сказал: "Занятие Урги - это одно, об Унгерне - другое. Унгерн в военном отношении нам не грозит. Вопрос об Унгерне надо отчленить от захвата Урги - это вопрос дипломатический"⁸.

Другая группа политиков - премьер-министр ДВР А.М.Краснощев, военный министр ДВР Н.Буров, наоборот, считали, что занятие Урги необходимо именно с политической точки зрения для поддержки революционного движения в Монголии и Китае. В итоговой резолюции было записано: "а) монгольская операция важна как демонстрация силы ДВР и Советской России, как обеспечение нашего тыла и как метод противодействия Чжан Цзолиню и подготовка революционных слоев Китая и Монголии; б) цель - полный разгром Унгерна..., "чистка" Урги, пограничных районов и установление там национальной монгольской власти; в) власть должна быть национальной, а не советской и ставить целью не самостоятельность Монголии, а установление автономии на федеративных началах с Китаем".

При голосовании резолюции "за" были все члены Дальбюро ЦК РКП(б), военный министр ДВР Н.Буров, представители НКВД, "против" - зам. Н.Матвеев, командарм А.Матиясевич и главком Н.Лапин⁹.

В Москве решение о "революционном походе" прошло более спокойно. 16 июня 1921 г. на заседании Политбюро ЦК РКП(б) была утверждена директива о введении частей Красной Армии и ДВР в Монголию¹⁰. Из состава 5-й Армии был выделен экспедиционный корпус под командованием К.А.Неймана и Г.М.Черемисинова, который совместно с монгольскими эсиками Сухэ-Батора 28 июня 1921 г. в районе г.Кяхты перешел границу и двинулся на Ургу. 5-6 июля экспедиционные части, не встречая сопротивления (Унгерн накануне советской экспедиции покинул столицу), вошли в город, а 8 июля сюда прибыло "Кяхтинское" Временное революционное правительство под руководством Бодо, провозгласившее переход власти из рук теократического правительства в руки монгольских революционеров. Статус Богдо-гэгэна был формально сохранен в рамках ограниченной монархии¹¹.

Оценку произошедшего дал сразу после завершения операции один из "конструкторов" революции в Монголии Б.З.Шумяцкий. В письме к

Г.В.Чичерину от 12 августа 1921 г. он пишет: "Мы создали в лице монгольских масс определенных друзей, связавших судьбу своего национального объединения и отчасти даже существования с Советской Россией. Мы создали для себя... союзника, который прикрывает самые уязвимые места нашей тысячекilометровой границы... мы получаем уже возможность начать мирно-хозяйственные отношения с Монголией"¹².

Однако не все отклики на монгольскую политику были однозначно позитивными. Один из видных советских дипломатов А.А.Иоффе, находясь в 1922 г. в Китае, в одном из политических писем В.И.Ленину, Л.Д.Троцкому, Г.Е.Зиновьеву, И.В.Сталину и другим советским руководителям заявил: "Советизация Монголии не являлась результатом последовательно продуманного и организованного плана. Если бы в Монголии не было Унгерна и наши товарищи там не поспешили бы, - мы также не советизировали бы Монголию, как не советизировали Восточный Туркестан (Синьцзян. - С.Л.), несмотря на то, что там также был Бакич... т.Чичерин не оказал должного отпора местному головоупяству"¹³.

Монгольская революция 1921 г. по сути совместила в себе два противоречивых явления: во-первых, традиционное стремление монголов к суверенитету и независимости на основе идей панмонголизма и антикитайских лозунгов национально-освободительного движения 1911-1912 гг., во-вторых, внешнее влияние Советской России и Коминтерна, видевших в Монголии важный объект революционной политики в общей стратегии мировой революции на Востоке. Последняя тенденция в значительной степени "опережала" дипломатическую линию НКВД в Китае, обуславливая будущую остроту и запутанность монгольского вопроса.

"Буферная" дипломатия и Монголия

В июле 1920 г. в Пекин была направлена миссия ДВР во главе с И.Л.Юриным с целью установления официальных экономических и дипломатических отношений между Китаем и ДВР. После ряда задержек в Кяхтинском Маймачене делегация 21 августа 1920 г. прибыла в Пекин, приступив к обсуждению вопросов о КВЖД и проекте торгового соглашения¹⁴. В этот период, когда Внешняя Монголия еще находилась под властью Китая (аньфуистской группировки), а Коминтерн только приступил к разработке там революционных планов, монгольский вопрос в политическом и дипломатическом отношениях не стоял так остро, поэтому в ходе переговоров И.Л.Юрина специально не затрагивался¹⁵. Единственным результатом миссии было подписание 7 марта 1921 г. в г.Маньчжурия соглашения о порядке пограничного сообщения и железнодорожного движения¹⁶.

Ситуация кардинально изменилась после захвата Унгерном Монголии и активной подготовки Коминтерном "революционного похода". 27 июня 1921 г. Г.В.Чичерин посылает в Верхнеудинск И.Л.Юрину, вернувшемуся из Китая и назначенному министром иностранных дел ДВР, депешу, в которой говорит: "Опасность столкновения с Китаем становится с каждым днем острее. Поезжайте в Пекин для улаживания монгольского вопроса на основе *автономии Монголии* и *признания суверенитета* Китая. Объясните, что наши военные действия имеют целью нанести удар Унгерну, который враг Китая, что мы признаем права Китая и сейчас же уйдем, как только уничтожим врага"¹⁷.

Второй визит И.Л.Юрина в Китай состоялся в начале июля 1921 г. и был напрямую связан с монгольскими событиями. Несмотря на то что китайская сторона отказалась серьезно обсуждать монгольский вопрос, официальная

постановка И.Л.Юриным данной проблемы на переговорах означала, что Москва через ДВР пытается прозондировать позицию Пекина о будущем статусе Внешней Монголии. Причем российская сторона исходила из принципов известной "Кяхтинской системы"¹⁸, в частности варианта широкой автономии под сюзеренитетом Китая¹⁹. Подтверждая позицию И.Л.Юрина, руководство ДВР, по согласованию с Москвой, в августе 1921 г. сделало дополнительное специальное заявление пекинскому правительству, в котором сообщалось, что "положение Монголии будет определяться старыми царскими договорами России и Китая по Монголии... и правительство ДВР не допустит отпадения Монголии от Китая."²⁰

Монгольские революционеры и Китай

В ряде западных публикаций прочно утвердился тезис об изначальной подчиненности Монгольской революционной партии Коминтерну и Советской России, что, по мнению авторов, снимало вопрос о собственно монгольской самостоятельной позиции по вопросам внешней политики или иным проблемам²¹. Вместе с тем, несмотря на существовавшую зависимость, монгольское революционное руководство не только имело собственный подход к внешнеполитическим проблемам, но и прошло существенную эволюцию в своих взглядах.

Впервые в оформленном виде монголы изложили свою программу по вопросу о будущих взаимоотношениях Советской России, Монголии и Китая в августе 1920 г. в ходе переговоров монгольской революционной делегации в Иркутске с уполномоченным НКВД по Сибири и Дальнему Востоку Ф.И.Гапоном. Монголы на первой же встрече заявили: "1) Нарревпартия Внешней Монголии²² стремится к восстановлению автономии Внешней Монголии на основе тройного русско-китайско-монгольского договора 1915 г. в г.Кяхте с некоторыми изъятиями в смысле расширения автономии и уничтожения двойного протектората над Внешней Монголией со стороны России и Китая...; 2) установление тесной связи и контакта с революционными группами и организациями Китая, ...с одновременным обращением за помощью к правительству Советской России в смысле дипломатического воздействия на Китай; 3) распространение своего влияния на все части Монголии (Внутренней и Барги. - С.Л.) и объединение их в будущем в одно государственное целое, связанное с Китаем в той или иной форме федерации или автономии"²³. Эта же программа была представлена монголами Г.В.Чичерину в Москве осенью 1920 г.

В условиях существования официального китайского режима в Монголии советское руководство сдержанно отнеслось в этот период к монгольским предложениям, опасаясь открытого "включения" Советской России в монгольские дела. И в Иркутске, и в Москве делегатам была обещана военнотехническая и финансовая помощь, а также усиление нелегальной революционной работы по линии Коминтерна через Монголо-Тибетский отдел²⁴.

Идея "китайской федерации" прозвучавшая на иркутских переговорах, была вновь обозначена в "Платформе" (программе) Монгольской Народной партии, принятой 1-3 марта 1921 г. в г.Кяхте. В ней, в частности, было записано: "Партия считает целесообразным обособление всех областей Срединной Китайской Республики... и установление между ними на договорных началах федеративной связи и не видит никаких причин препятствовать вхождению монгольского народа в этот федеративный союз: наоборот, если север Китая, Тибет, ...Маньчжурия и Монголия установят каждый у себя автономное право и утверждают между собой единое федеративное устройство"²⁵. В другом

документе - обращении ЦК МНП от 25 марта 1921 г. "Ко всему китайскому народу, китайской компартии, профсоюзам, студенчеству и ко всем революционным группам Китая" идея "федерации" рассматривалась в связи с будущими успехами революционного движения в Китае и "освобождения его от власти империалистов и дудзюнов (местных милитаристов. - С.Л.)"²⁶.

Таким образом, позиция монгольских революционеров накануне революции определялась двумя основными моментами: во-первых, революционной целесообразностью сближения МНП с национально-освободительным движением Китая в рамках возможной будущей федерации народов Китая; и, во-вторых, влиянием на них старой "Кяхтинской системы" с ее компромиссной формой тройственных отношений и автономным статусом Внешней Монголии. Опыт официальных российско-монгольских отношений 1911-1917 гг. опосредованно перешел в ранние советско-монгольские контакты, выражаясь в "реанимации" привычных для обеих сторон понятий, как "монгольская автономия", "китайский сюзеренитет" и "российское посредничество".

Советско-монгольское соглашение 5 ноября 1921 г.

Неопределенность статуса Внешней Монголии в советско-китайских отношениях, усилившаяся после июльских событий 1921 г., обусловила острую политическую борьбу в советском руководстве по вопросу о дальнейшей целесообразности поддержки монгольского правительства и заключения с ним соглашения. С точки зрения геополитических и революционных задач, для Советской России необходимо было закрепить достигнутые результаты революции 1921 г. официальным признанием Монгольской Народной власти. Однако с позиций дипломатических, стоявших перед НКИД в Китае, это соглашение было крайне невыгодно, так как усложняло и без того запутанную проблему установления официальных отношений с Пекинским правительством. Образно говоря, Монгольская революция и Коминтерн опередили советскую дипломатию на Дальнем Востоке.

Основным "двигателем" и вдохновителем идеи заключения соглашения был Б.З.Шумяцкий, который сразу по приезде вместе с монгольской делегацией в Москву в начале октября 1921 г. развернул энергичную работу по убеждению и агитации советского руководства в необходимости официального признания Монголии. Однако его аргументы о значении Внешней Монголии для России наталкивались на мощное противодействие части работников НКИД (Л.М.Карахана, А.А.Иоффе и др.), открыто заявлявших ему "...о принципиальной невозможности накануне посредничества (между Китаем и Монголией. - С.Д.) высказывать с сепаратным соглашением"²⁷.

В течение первой половины октября 1921 г. состоялось три заседания и две специальные комиссии в рамках НКИД и Исполкома Коминтерна, на которых бурно обсуждалась эта проблема. Судя по имеющимся документам, лично В.Г.Чичерин, высоко ценивший Б.З.Шумяцкого и доверявший его компетентности в монгольских делах, склонялся к поддержке последнего. Другой веский аргумент в пользу соглашений был связан с геополитическим значением Монголии для Советской России в этот период. Так, Г.В.Чичерин в письме В.И.Ленину от 18 октября 1921 г. пишет: "Революционное правительство (Монголии. - С.Л.) есть в наших руках очень крупный козырь. Его создание совершенно опрокинуло японские планы установления контрреволюционного фронта от Тихого океана до Каспийского моря. Наши границы на громадном протяжении вполне безопасны, будучи прикрыты дружественной Монголией"²⁸.

В результате дискуссии переговоры были назначены, причем сам Б.З.Шумяцкий, чтобы не быть связанным ими, отказался от официального представительства на переговорах, действуя как бы "за кулисами", но фактически проводя огромную работу по подготовке в советских бюрократических структурах частных вопросов - от получения миллионного кредита серебром для монголов, до размещения заказа на печатание монгольских денежных знаков.

Переговоры начались в середине октября 1921 г. С монгольской стороны в них участвовали: Данзан (председатель ЦК МНП и руководитель делегации), Сухэ-Батор (военный министр и главком), Цэрэн-Доржи (зам.министра иностранных дел, наиболее опытный политик, работавший еще в автономном правительстве), Ширин-Дамдин (представитель Богдо-гэгэна - хутухты) и переводчик Бутыхан. От советской стороны - С.И.Духовский и Б.В.Гец.

На переговорах сразу обозначилась проблема монголо-китайских отношений и определения в связи с этим статуса Внешней Монголии. Характерно, что к открытию переговоров монголы отошли от своей первоначальной "автономной" позиции и трактовали положение Внешней Монголии как "независимое от Китая". Эволюция произошла в августе 1921 г., когда в ноте НКВД РСФСР монгольскому правительству "О согласии правительства РСФСР оставить советские войска в Монголии" 2 раза был использован термин "автономная Монголия"²⁹, что вызвало резкое недовольство большей части руководства ЦК МНП и правительства, уже рассматривавших положение Монголии как независимое³⁰. Вскоре термин "автономная Монголия" исчез из официальных советско-монгольских документов.

Позиция советского руководства предполагала открытие в Китае тройственных переговоров на основе российского посредничества и автономии Внешней Монголии. Требовалось, однако, уточнить форму участия монголов в будущих переговорах с Китаем. По мнению Б.Шумяцкого и Г.В.Чичерина, это необходимо было сделать после приезда в Китай представителя РСФСР (А.К.Пайкеса) с последующим прибытием Цэрэн-Доржи как наиболее опытного и авторитетного монгольского дипломата. Одновременно советская сторона, ссылаясь на ранние монгольские документы, предложила определить положение Монголии в соглашении как часть "...будущего Федеративного союза Народов Китайской Республики.. на правах автономии"³¹.

Данное предложение было отвергнуто монголами, после чего произошел обмен декларациями, в которых и был найден компромисс. Советское руководство заявило, что "ближайшие переговоры свободной Монголии с Китайской Республикой при посредничестве России приведут к скорейшему устранению препятствий"³². Причем термин "свободная Монголия" в советской декларации был воспринят Данзаном и другими членами делегации как подтверждение курса советского руководства на поддержку монгольской независимости.

Ход переговоров выявил также две другие не менее острые проблемы - вопрос об Урянхайском крае (Туве) и о бывших российских концессиях. В отношении последних монголы были против советского предложения о том, что за Россией при новой сдаче кому-либо этих концессий сохраняется право 3-й стороны. Данзан, упорно ссылаясь на официальное заявление НКВД монгольской делегации осенью 1920 г., заявил о том, что советское правительство должно полностью отказаться от концессий бывшей царской России без каких-либо оговорок.

По урянхайскому вопросу Данзан предложил включить в текст соглашения пункт о том, что этот край будет находиться под властью и управлением Монгольского Народного правительства. Официальная же точка

зрения НКВД, изложенная в ноте Г.В.Чичерина от 9 сентября 1921 г. к урянхайскому народу, характеризовалась следующими моментами: Советская Россия не рассматривала эту территорию как свою, связывая ее самоопределение "с освободительным движением Монголии"³³. За этой обтекаемой формулировкой стояла более конкретная причина. В советском руководстве не без оснований считали, что пока рано говорить о реальной передаче Тувы Монголии до определения международного места последней как государства и без опасения, что Монголия и Тува не попадут в руки Китая.

Урянхайская проблема и концессионный вопрос поставили переговоры на грань срыва. Так, Б.З.Шумяцкий, вспоминая позже об этом кризисе, в одном из писем известному коминтерновцу, руководителю Реввоенсовета Монгольской армии Э.Д.Ринчино, писал: "Был в переговорах момент, когда мне хотелось все бросить и бежать куда глаза глядят. Причина этому полное непонимание Данзаном и другими интересов дела... Понадобилось 3 дня для увещевания наших работников, что Данзан просто не понимает и что Урга... совершенно надежна"³⁴.

5 ноября 1921 г. было подписано "Соглашение между правительством РСФСР и Народным правительством Монголии об установлении дружественных отношений между Россией и Монголией". Итоговый текст соглашения, состоявший из вводной части и 13 статей, получился обтекаемым и компромиссным. По взаимной договоренности, в него не вошли статьи о международно-правовом статусе Внешней Монголии и ее отношениях с Китаем, пункт об Урянхайском крае. Вопрос о концессиях был внесен в "Дополнительный протокол к соглашению" от 5 ноября 1921 г., в котором Советская Россия получила право "третьей стороны" при передаче российских концессий новым акционерам³⁵. Одновременно были подписаны секретные соглашения об изготовлении в Москве для Монголии бумажных денежных знаков и о миллионной ссуде банковским серебром Монгольскому Народному правительству для обеспечения денежной эмиссии и на другие нужды³⁶.

Соглашение 5 ноября 1921 г. между Советской Россией и Монголией было первым международным актом в формировании советско-монгольского политического союза, в котором Монголия вынуждена была занять подчиненную, зависимую роль. Вместе с тем соглашение объективно возрождало традиционные российско-монгольские связи, прерванные "смутными временами" 1917-1920-х гг. Для Монголии официальное признание со стороны Советской России давало определенные политические и военные гарантии сохранения государственности и достижения в будущем полной независимости от Китая. Для советской стороны кроме идеологических соображений (поддержка национально-революционных движений на Востоке) оно было выгодно с точки зрения государственных интересов - как создание на границе дружественного государства "буфера" в возможных конфронтациях с Китаем и Японией.

Первые советские дипломаты в Китае и монгольский вопрос

В Москве и Урге праздновали победу по случаю подписания соглашения, но, как показали дальнейшие события, все произошедшее до этого - ввод войск в Ургу, провозглашение народной власти, переговоры в Москве и подписание соглашения - было всего лишь прелюдией. Настоящее действие, полное драматизма и насыщенное неожиданными событиями, разыгралось в Пекине после прибытия туда полномочного представителя РСФСР А.К.Пайкеса 12 декабря 1921 г.

Программа переговоров А.К.Пайкеса в ее "монгольской части" строилась на тройственной "методике", т.е. предполагала известные вещи - участие монгольских представителей в переговорах, российское посредничество и автономию Внешней Монголии. Программа была составлена в Москве в период советско-монгольских переговоров при непосредственном участии Г.В.Чичерина, Б.З.Шумяцкого и самого А.К.Пайкеса. Советское руководство рассчитывало найти с Китаем приемлемую форму существования Внешней Монголии, не теряя при этом завоеванных позиций, сохранив там свои войска и советско-монгольские договоренности 5 ноября 1921 г. Вместе с тем оно не учитывало в полной мере серьезности положения, того, что Китай, несмотря на внутренние распри, не намерен в принципе воспринимать советскую "методику" решения монгольского вопроса. То, что удалось в свое время сделать царской России, Советской повторить было уже невозможно. К тому же А.К.Пайкес, отправляясь в Пекин, был в какой-то степени заранее обречен на неудачу, так как имел тактически неверную установку Москвы стараться обходить молчанием советско-монгольское соглашение³⁷.

Первые донесения из Пекина подтвердили общие опасения. Так, в телеграмме Г.В.Чичерину от 27 декабря 1921 г. он сообщает, что сделал заявление представителю Чжан Цзолия о том, "что войска из Монголии не будут выведены до урегулирования взаимоотношений с нею Китайского правительства."³⁸ В январе 1922 г. он сообщил, что на него обрушилась волна обвинений, связанных с поступившей информацией о советско-монгольском соглашении. Обвинения выдвигались как в прессе, так и по официальной линии. 1 мая 1922 г. китайский МИД представил А.К.Пайкесу специальное отношение по Монголии, в котором, в частности, говорилось: "Вы по своему приезду в Пекин заявили, что такового (советско-монгольского соглашения. - С.Л.) не существует, в личном же разговоре на днях, когда был представлен текст договора, Вы признали его существование ... наше правительство обращается к Вам с энергичным протестом и заявляет, что все договоры Рабоче-Крестьянского правительства, заключенные с Монголией, китайское правительство не признает"³⁹.

Несмотря на мощное давление, А.К.Пайкес до конца боролся за реализацию московских инструкций. В течение февраля-июня 1922 г. у него шел долгий и мучительный спор с представителями китайского МИД о "суверенитете Монголии" или "сюзеренитете Китая", о том, должно или нет Монгольское правительство участвовать в переговорах, или же Советская Россия выступит посредником между Китаем и Монголией⁴⁰. Одновременно он пытался обсудить ряд других вопросов - проблему КВЖД, китайских долгов царской России, но монгольский вопрос определял общий ход переговоров и от его предварительного решения зависел успех миссии в целом. Таким образом, начальная позиция Москвы по монгольскому вопросу обусловила крах второй после И.Л.Юрина дипломатической миссии в Китай.

Приезд нового дипломатического представителя РСФСР А.А.Июффе в Китай в июле 1922 г. был не просто формальной сменой миссий, он означал, что советское руководство ищет принципиально новые подходы к Китаю, в том числе и по монгольской проблеме. Относительно сложности последней у самого А.А.Июффе не было иллюзий. "Монголия, - пишет он в одном из первых политических писем советскому руководству в Москву, - самое уязвимое место нашей китайской политики и единственный козырь в руках империалистов против нас."⁴¹ С самого начала своей миссии он поставил цель убедить Москву кардинально пересмотреть ее позицию по Монголии, т.е. отказаться от идеи тройственных переговоров, автономии Внешней Монголии, а также специального обсуждения монгольского вопроса отдельно или предварительно, как это делали

И.Л.Юрин и А.К.Пайкес, рассмотрев его одновременно с другими на общей конференции⁴².

Такой подход был воспринят отрицательно в Политбюро ЦК РКП(б), которое в начале сентября 1922 г., обсудив первые письма А.Иоффе, направило ему директиву с прежними требованиями добиваться автономии и участия монгольского правительства в переговорах, отметив, что это "не нарушает Китайского суверенитета."⁴³

В этих условиях, чтобы спасти переговоры и убедить Г.В.Чичерина, А.Д.Троцкого, Г.Е.Зиновьева и других, А.А.Иоффе дает в Москву более серьезную аргументацию, явившуюся результатом его тщательного анализа китайских и монгольских событий.

Во-первых, "отказ" от Монголии, - разъяснял А.Иоффе, - пойдет на пользу революционному движению в Китае, а в конечном счете мировой революции. Специфика китайской революции, - продолжал он далее, - связана с борьбой юга против "дудизюнов" - провинциальных милитаристов, которые ассоциируются в Китае с понятием "автономизма". Советскую же поддержку "монгольского автономизма" в Китае воспринимают "не только как вмешательство во внутренние дела, ... но и, что гораздо хуже, как антиреволюционную позицию, направленную против Сунь Ятсена"⁴⁴.

Во-вторых, характеризуя целесообразность передачи Монголии Китаю, А.Иоффе коснулся проблемы права наций на самоопределение. Напомнив советскому руководству условность и относительность этого права. Он пишет: "Мы совершенно правильно иной раз *предаем* интересы маленького армянского народа интересам большого турецкого, потому что национальное движение турок в мировом масштабе гораздо важнее... национальной борьбы армян... Но я никак не могу понять, - продолжал далее он, - почему буряты Монголии, которых мы величаем монгольским народом, столь милы сердцу нашему, что мы в угоду им должны жертвовать всей нашей Дальневосточной политикой и рикошетом всей нашей мировой революцией"⁴⁵. Из этого он делает вывод о том, что право монголов на самоопределение и отделение от Китая становится "вредным и ненужным" в связи с грандиозными задачами революционного движения.

Подобный "революционный" цинизм и торговля судьбами целых народов и государств ради "великой идеи" были типичным явлением того времени. А.А.Иоффе по существу развивал мысли, прозвучавшие в дискуссии VIII съезда РКП(б) в 1919 г. по проблеме права наций на самоопределение. На съезде обсуждался представленный В.И.Лениным проект программы, в частности раздел по национальной политике. Выступивший по докладу Н.И.Бухарин, заявил, что в основу национальной программы следует положить не право наций на самоопределение, а тезис об объединении пролетариата всех наций. Со своей стороны, он предложил право на самоопределение "трудящихся классов каждой национальности". Для стран, где пролетариат не сформировался, Н.Бухарин допускал существование "права наций на самоопределение". "Если для колоний, - говорил он, - мы выставим лозунг "право нации на самоопределение", мы ничего не теряем. Наоборот, мы выиграем, потому что весь национальный комплекс будет вредить чужеземному империализму"⁴⁶. Другими словами, Н.Бухарин указывал на временно-агитационный характер этого "права", которое в одних случаях можно предоставить, а в других нет, исходя из классовой целесообразности. "Любимца партии" поддержали Г.Д.Пятаков и заместитель В.И.Ленина по Совету Народных Комиссаров А.И.Рыков и, хотя ленинское положение вошло в программу, дискуссия показала формальный и "прикладной" характер данного пункта, применяемого в зависимости от хода мирового революционного движения.

Последний аргумент А.Иоффе в пользу "передачи" Монголии был связан с особенностями расстановки политических сил в Китае. Сунь Ятсен и его временный союзник У Пэйфу, на которых тогда ориентировался Коминтерн, выступали за единый, централизованный Китай, в который "не вписывалась" автономия Внешней Монголии. Несмотря на то что А.Иоффе заручился поддержкой в 1922 г. Сунь Ятсена и У Пэйфу в вопросе о временной "задержке" советских войск в Монголии, тем не менее каждый из китайских лидеров имел собственный расчет. Сунь планировал использовать Монголию и стоящий за ней СССР как материально-техническую базу и плацдарм в его грандиозном плане переброски миллионной армии из Сычуани к границам Монголии⁴⁷, а У Пэйфу вообще заявил А.Иоффе, что его войска весной 1923 г. просто заменят советские части и вопрос о Монголии разрешится сам собой. Оставался еще Чжан Цзолинь, который на словах поддерживал идею монгольской автономии. Однако А.Иоффе с большим сомнением относился к искренности заявлений маньчжурского наместника, который при первом же удобном случае сам был готов захватить Монголию, тем более что Чжан не являлся стратегическим союзником СССР и Коминтерна в Китае в отличие от Сунь Ятсена.

Исходя из такой мотивировки, А.Иоффе предложил следующую тактику ведения переговоров: а) не заострять внимания в будущем соглашении на Монголии, ограничившись только одной статьей о признании СССР суверенитета Китая; б) сохранить советско-монгольское соглашение 1921 г., а если китайцы потребуют аннулировать его, предложить Китаю "официально его не рассматривать"; в) объявить о готовности СССР вывести свои войска из Монголии, оговорив сроки вывода после подписания советско-китайских документов⁴⁸.

Надо сказать, что "платформа" А.Иоффе с трудом, но пробивала себе дорогу в Москве. Согласившись в целом с его тактической линией ведения переговоров по Монголии, советское руководство не теряло еще надежды отстоять автономию, используя другие каналы влияния. Осенью 1923 г. в ходе визита Чан Кайши в Москву Л.Д.Троцкий и Г.В.Чичерин вновь предложили рассмотреть вопрос о предоставлении Внешней Монголии права на самоопределение, что вызвало его серьезное недовольство, усилив в целом недоверие к политике СССР⁴⁹.

5 сентября 1923 г. в Пекин прибыла официальная дипломатическая миссия под руководством Л.М.Карахана на смену посланному в Японию А.Иоффе. К этому времени идеи А.Иоффе относительно Монголии воспринимались в Москве как суровая необходимость, диктуемая потребностями революционного движения в Китае. В сущности "концепция" А.Иоффе по Монголии легла в основу переговоров Л.М.Карахана, который официально завершил дело. И хотя по другим вопросам (КВЖД, выплаты долгов и др.) все обстояло не так гладко, монгольский вопрос после ряда официальных заявлений Л.Карахана отошел на второй план. Так, в феврале 1924 г. на встрече с представителями "Ассоциации национальной внешней политики" в Пекине Л.М.Карахан сказал, что "вопрос о Монголии является вопросом пустынным. Мы считаем, что Монголия входит в состав Китайской Республики. Суверенитет Китая в Монголии не подвергается нашему сомнению"⁵⁰.

В связи с многочисленными заявлениями Л.М.Карахана по Монголии любопытный комментарий дала газета японского посольства в Пекине "Норс Чайна Стандарт". "В первый раз, - писала газета, - большевистский представитель признает, что Монголия есть часть Китая. Теперь монголы приносятся в жертву их освободителями, потому что на карту поставлены

большие интересы. Господин Карахан приехал с одной целью - КВЖД и признание советского правительства"⁵¹.

Завершение переговоров в Пекине и изменение позиции Москвы по монгольскому вопросу сказались на тактике советских представителей в Монголии. Новый полпред СССР А.Н.Васильев, прибывший в Улан-Батор 3 января 1924 г., получил от Г.В.Чичерина инструкцию обратить серьезное внимание на нежелательные антикитайские настроения в монгольском руководстве, сделав все по их искоренению и подведя монголов к осознанию "автономии на длительный период"⁵². В феврале 1924 г. в интервью газете "Ургинские новости" посол сказал, что "настоящая обстановка не позволяет говорить о независимости Монголии. Пока что приходится говорить об автономии Вашего государства"⁵³.

Вместе с тем новая дипломатическая трактовка монгольского статуса в Улан-Баторе не свидетельствовала об ослаблении позиций СССР в Монголии. Наоборот, смерть Богдо-гэгэна 20 мая 1924 г. и провозглашение 26 ноября того же года "независимой Монгольской Народной Республики" в политическом плане означало дальнейшее идеологическое сближение с СССР и Коминтерном. "Конституция, принятая Великим Хурулданом, - сообщал в Исполком Коминтерна ее новый уполномоченный Т.Рыскулов, - приближает ее (Монголию. - С.Л.) по своей структуре к советскому типу государства"⁵⁴.

В международном плане открытым для МНР и СССР оставался вопрос о статусе Урянхай (Тувь). Монгольское правительство продолжало требовать включения его в состав МНР, а советское руководство, в условиях сближения с Пекином, еще более резко, чем в ноябре 1921 г., было настроено против этого присоединения, мотивируя усилившейся опасностью захвата Тувы Китаем⁵⁵. Вместе с тем возросло значение Внутренней Монголии, так как в связи с развитием революционного движения в Китае Коминтерн стал реально рассматривать ЦК МНРП как непосредственный орган управления революционным движением там, а МНР - ее людским и материальным резервом.

31 мая 1924 г. в Пекине были подписаны следующие документы:

- 1) соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между СССР и Китайской Республикой;
- 2) декларации, уточняющие отдельные положения соглашения;
- 3) ноты об установлении дипломатических отношений;
- 4) соглашение о временном управлении КВЖД.

Статья 5 "Соглашения об общих принципах для урегулирования вопросов..." определяла Внешнюю Монголию как "составную часть Китайской Республики". Одновременно Л.М.Карахан официально заявил о готовности СССР вывести свои войска из Монголии по взаимному согласованию сроков вывода⁵⁶.

Советское руководство прошло сложный и болезненный путь эволюции в монгольском вопросе: от тройственной системы и автономии до признания полного юридического суверенитета Китая. Подобный компромисс был обусловлен прежде всего перспективами китайской, а через нее и мировой революции. Одновременно советское руководство этим шагом решало свои тактические задачи в Китае, - сохраняя союзников на Юге и приобретая их на Севере в лице официального Пекинского правительства. Что касается Монголии, то СССР, несмотря на признание китайского суверенитета, с каждым годом продолжал наращивать свое влияние, действуя через представителей Коминтерна и посольства. В более широком смысле монгольская "уступка" СССР свидетельствовала о том, что революционно-классовый принцип еще

доминировал в советской дипломатии, хотя между ними (революционно-классовым и государственно-дипломатическим) уже наместились существенные расхождения и противоречия. Китайская революция была последней надеждой большевиков на "мировой пожар", ради которого, по их мнению, можно было бросить в огонь небольшие нации и государства, поступиться нормами международного права.

1. Bruce A. Elleman. Secret Sino-Soviet Negotiations on Outer Mongolia. 1918-1925. // Pacific Affairs. - 1993-1994. V. 66. No 4. - P. 519-539.
2. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. Ф. 495, оп. 154, д. 21, л. 81. - Далее РЦХИДНИ.
3. В ноябре 1919 г. автономия Внешней Монголии с помощью войск китайского милитариста Сюй Шучжэна была уничтожена Пекином, власть Богдо-гэгэна была аннулирована.
4. РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 154, д. 89, л. 3.
5. Там же, оп. 152, д. 10, л. 1.
6. Там же, д. 9, л. 10-11.
7. Там же. Ф. 372, оп. 1, д. 61, л. 57-59.
8. Там же, л. 59.
9. Там же, л. 57.
10. Там же. Ф. 17, оп. 3, д. 176, л. 1.
11. См. подробнее: Ширендыб.Б. История Монгольской Народной революции 1921 г. - М., 1971. - С. 221-267.
12. РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 152, д. 9, л. 12.
13. Там же. Ф. 5, оп. 1, д. 2145, л. 38.
14. См. Подробнее: Персиц М.А.. Дальневосточная Республика и Китай. - М., 1962.
15. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 11, оп. 4, порт. 5, пап. 2, д. 190, л. 2. - Далее: АВП РФ.
16. Капица М.С. Советско-китайские отношения. - М., 1958. - С. 64.
17. АВП РФ. Ф. 11, оп. 4, порт. 5, пап. 1, д. 190, л. 2.
18. В результате подписания серии соглашений - русско-монгольского 1912 г., русско-китайского 1913 г. и Кяхтинского тройственного между Россией, Внешней Монголией и Китаем 1915 г. - положение Внешней Монголии было определено как "широкая автономия" в составе Китая, но при значительном контроле со стороны России. - См. подробнее: Лузянин С.Г. Монголия в русско-китайских отношениях 1911-1917 гг. // Китайская традиционная культура и проблемы модернизации: Тез. докл. V междунар. науч. конф. - М., 1994. - Ч. 1. - С. 181-184.
19. АВП РФ. Ф. 11, оп. 4, порт. 5, пап. 1, д. 190, л. 2.
20. РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 154, д. 97, л. 32.
21. Rupen R. Now Mongolia is Really Ruled. A Political History of the Mongolian People's Republic. 1900-1978. - Stanford, 1979; Tang P.S.H. Russian and Soviet Policy in Manchuria and Outer Mongolia. 1911-1931. - Durham, 1959.
22. Речь идет о революционной группе; партия официально была организована 1-3 марта 1921 г. в г.Кяхте.
23. РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 152, д. 4, л. 3.
24. Там же. Д. 10, л. 1.
25. Там же. Ф. 495, оп. 152, д. 9, л. 34.
26. Там же. Д. 20, л. 8.
27. Там же. Ф. 495, оп. 152, д. 9, л. 72.
28. Там же. Л. 40.
29. Советско-монгольские отношения. 1921-1940 гг. Документы и материалы. - М. - У., 1975. - Т. 1. - С. 36.
30. РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 154, д. 97, л. 33.
31. Там же. Ф. 495, оп. 52, д. 9, л. 34.
32. Там же. Л. 47.
33. Там же. Л. 73.
34. Там же. Л. 73-74.
35. Советско-монгольские отношения. 1921-1940. - С. 58-62.

36. РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 152, д. 11, л. 70; д. 9, л. 57.
37. Пайкесу было рекомендовано в крайнем случае ссылаться на прецедент маньчжурского соглашения И.Л.Юрина от 7 марта 1921 г. с провинцией Цицикар, хотя при ближайшем рассмотрении аналогия с советско-монгольским соглашением выглядела совершенно неуместной.
38. РЦХИДНИ. Ф. 5, оп. 1, д. 2194, л. 40.
39. АВП РФ. Ф. Секретариат Карахана, оп. 5; порт. 19, пап. 3, д. 110 (Ки), л. 1.
40. РЦХИДНИ. Ф. 5, оп. 1, д. 2194, л. 73; д. 2145, л. 12.
41. Там же. Д. 2145, л. 15.
42. Там же. Л. 3.
43. Там же. Л. 16.
44. Там же. Л. 17.
45. Там же. Л. 78.
46. VIII съезд РКП(б). Москва, 18-23 марта 1919 г. Стенограф. отчет. М. - 1919. - С. 41-42.
47. РЦХИДНИ. Ф. 5, оп. 1, д. 2147, л. 32.
48. Там же. Д. 2145, л. 79.
49. Григорьев А.М. К оценке итогов поездки делегации Гоминьдана в Москву в 1923 г. // Китайская традиционная культура и проблемы модернизации: Тез. докл. V Междунар. науч. конф. - М., 1994. - Ч. II. - С. 47-48.
50. АВП РФ. Ф. Референтура по Монголии, оп. 7, пап. 2, порт. II, д. 720, л. 22.
51. Там же. Л. 27.
52. Там же. Л. 184.
53. Там же, лл. 18-19.
54. РЦХИДНИ. Ф. 494, оп. 152, д. 24, л. 142.
55. Там же. Д. 9, л. 73.
56. Советско-китайские отношения. 1917-1957: Сборник документов. - М. - 1959. - С. 83.

К истории русско-китайских отношений в Синьцзяне в период Синьхайской революции (1911-1913)

© 1995

Е. Белов

Отношения между Россией и Китаем в Синьцзяне во время Синьхайской революции складывались довольно сложно. Летом 1912 г. России пришлось ввести свои военные отряды в Кульджу и Кашгар. 21 июня 1912 г. в крупном поселке Чира в Южном Синьцзяне произошел трагический инцидент. Дом, в котором собралось около 100 русских подданных (из коренного населения), был окружен разъяренной толпой местных жителей и зажат ею, при пожаре погибли 28 человек.

В нашей литературе эти вопросы не исследованы. В работах же историков КНР, публиковавшихся в 60-80-х годах, им уделяется большое внимание. Китайские историки считали, что ввод русских отрядов в Синьцзян и чираский инцидент - это проявление агрессивной политики царской России, стремившейся "осуществить коварный замысел аннексии крупных пограничных районов Северо-Запада Китая", отколоть Синьцзян от Китая и захватить его². Русские архивные документы не дают оснований для подобных выводов. Рассмотрим причины ввода русских отрядов в Синьцзян и трагический инцидент в Чира на основе русских архивных документов.

Причины ввода русских военных отрядов в Кульджу и Кашгар

Между Синьцзяном и прилегающими к нему частями Российской империи существовали довольно тесные экономические и культурные связи. В Синьцзяне проживали казахи, таджики, узбеки и другие национальности, родственные народам Российской Средней Азии и Казахстана. В трудные моменты своей судьбы некоторые группы казахов, уйгуров, дунган переходили из Синьцзяна на территорию России. 20-25 тысяч кашгарцев ежегодно отправлялись на сезонные работы в Фергану³. В Синьцзяне проживали тысячи русских подданных, главным образом из коренных народов этой китайской провинции. Торговля России с Синьцзяном была относительно развитой. Например, ежегодный оборот в торговле России с Кашгарией (южная часть Синьцзяна) составлял 7 млн. рублей, с Тарбагатайским округом (северная часть Синьцзяна) - около 5 млн., с Илийским (Кульджинским) краем - почти 4 млн. Из Синьцзяна в Россию вывозились баранья и верблюжья шерсть, хлопок, кожи

(конские, бычьи), конский волос, скот (бараны и лошади), меха. Российские купцы ввозили в Синьцзян мануфактуру, галантерейные и железно-скобяные изделия, сахар, керосин, посуду, обувь, серебро в слитках и другие товары.

Синьхайская революция распространилась на Синьцзян позже, чем на другие провинции Китая. Первая попытка вооруженного выступления была подготовлена в административном центре Синьцзяна - г. Урумчи. 28 декабря 1911 г. около 300 солдат урумчийского гарнизона во главе с офицером Лю Сяньцзюнем были намерены поднять восстание поздно вечером этого дня с целью свержения в городе цинской власти. Но губернатор Синьцзяна Юань Дахуа нанес упреждающий удар, арестовал несколько десятков революционеров и многих из них казнил. Однако революционное движение в провинции не прекратилось.

В ночь с 7-го на 8-е января 1912 г. произошло вооруженное восстание в г. Кульдже. Его подготовила группа хубэйских революционеров во главе с Фэн Теминем⁴. Командир бригады новых войск Ян Цзэнсинь, в которой служили революционеры, встал на сторону восставших. Повстанцы перебили военнослужащих из маньчжур во главе с их цзянцзюнем (генералом) Чжи Жуем, провозгласили в Илийском крае республиканскую власть. Главой местного революционного правительства - дуду - был избран бывший (до Чжи Жуя) цзянцзюнь Гуан Фу, монгол по национальности. Ян Цзэнсинь стал начальником штаба, а Фэн Теминь - заведующим бюро по иностранным делам. Губернатор Юань Дахуа послал из Урумчи войска в Или на подавление восстания. В Синьцзяне началась гражданская война, которая продолжалась несколько месяцев. Илийские революционные войска нанесли ряд поражений правительственным войскам.

8 января российский консул в Кульдже А. Дьяков сообщил российскому поверенному в Пекине М. С. Щекину о восстании в Илийском крае и просил, чтобы царское правительство прислало в Кульджу сотню казаков для усиления консульского конвоя в связи с обострением обстановки в крае⁵. И хотя на следующий день А. Дьяков телеграфировал М. С. Щекину о том, что илийские революционеры поддерживают дисциплину и порядок, опасности для русскоподданных нет и поэтому нет необходимости усиливать консульский конвой⁶, М. С. Щекин уже слал в Петербург телеграмму, в которой предлагал занять Илийский край русскими войсками. "Единственной действительной мерой, - сообщал он, - было бы при первой опасности занять Кульджу сосредоточенным в Джаркенте отрядом⁷ и самостоятельно поддержать порядок в области, где наши интересы слишком значительны, чтобы мы могли ими пренебрегать"⁸. Получив эту телеграмму М. С. Щекина, министр иностранных дел С. Д. Сазонов обратился к военному министру В. А. Сухомлинову с предложением подготовить военный "отряд надлежащего состава, который мог бы в случае надобности быть двинут для охраны наших интересов в Илийском крае"⁹. М. С. Щекину С. Д. Сазонов дал указание предупредить китайское правительство, что в случае наступления в Илийском крае анархии "мы будем принуждены самостоятельными мерами поддержать порядок в этом округе". Лично же М. С. Щекину министр сообщил: "Имейте однако в виду, что занятие Илийского края не входит в наши виды, и наш отряд может быть выдвинут в Кульджу только при действительной необходимости... Поэтому мы смотрим на вышеупомянутое предупреждение, скорее как на средство давления на китайцев при происходящих переговорах по монгольскому вопросу и пересмотру С.-Петербургского Трактата"¹⁰. В письме В. А. Сухомлинову от 12 января С. Д. Сазонов писал: Джаркентский отряд "перейдет границу только в случае наступления в Илийском крае анархии, действительно угрожающей

безопасности наших подданных, чего, судя по последним полученным с места сведениям, может и не случиться"¹¹.

Анархия действительно в Илийском крае не наступила, революционеры поддерживали, по словам Туркестанского генерал-губернатора и командующего Туркестанским военным округом генерал-лейтенанта А.В.Самсонова, "образцовый порядок"¹², поэтому вводить русские войска в Илийский край в данное время необходимости не было.

Однако бои между войсками Юань Дахуа и Ян Цзэнсиня шли в феврале, марте и апреле с переменным успехом. Консулу А.Дьякову казалось, что урумчийские войска могут захватить Кульджу, в результате чего в крае воцарится анархия. Снова встал вопрос о посылке сюда русского отряда. 15 марта С.Д.Сазонов по этому поводу обратился с письмом к В.А.Сухомлинову, он просил военного министра принять "необходимые подготовительные меры" для усиления консульского конвоя в Кульдже. 21 марта В.А.Сухомлинов сообщил С.Д.Сазонову, что он даст указание А.В.Самсонову подготовить две сотни казаков, которые в случае необходимости будут посланы в Кульджу¹³. 20 апреля глава внешнеполитического ведомства пишет письмо Председателю Совета Министров В.Н.Коковцову, в котором дает анализ обстановки в Илийском крае и предлагает усилить консульский конвой в Кульдже. Министр считает, что из-за гражданской войны русская торговля в Илийском крае "терпит затруднения и жизнь и имущество русских подданных находятся в опасности"¹⁴. Он предлагает "двинуть ныне же в Кульджу" две сотни казаков. В.Н.Коковцов положительно решает этот вопрос и 21 апреля дает указание В.А.Сухомлинову ввести две сотни казаков в Кульджу¹⁵. 27 апреля эти две сотни (194 нижних чина и 6 офицеров)¹⁶, направленные из Туркестанского военного округа, перешли китайскую границу и 8 мая вступили в Кульджу.

11 мая управляющий министерством иностранных дел Китая Ху Вэйдэ направил письменное сообщение в Российскую миссию в Пекине, в котором выразил протест против самого факта ввода отряда в Или и той формы, в которой он был совершен (царское правительство предварительно не поставило в известность китайское правительство о намерении ввести отряд). Ху Вэйдэ потребовал "немедленного удаления" русского отряда с китайской территории¹⁷. Российский посланник в Пекине В.Н.Крупенский ответил (письменно) Ху Вэйдэ, что "в Или, страдающей еще от царящей там смуты", русское правительство "вправе принимать соответствующие меры для охраны в названной области нашего Консульства, русских подданных и их торговых интересов. В виду сего в настоящее время не может быть и речи об уменьшении Консульского конвоя"¹⁸. После такого заявления царского посланника китайское правительство уже не ставило вопроса о выводе двух сотен казаков из Кульджи, тем более что в это время МИД Китая был вынужден вести переговоры с В.Н.Крупенским по поводу ввода русского отряда в г.Кашгар.

7 мая 1912 г. произошло восстание в Кашгаре против маньчжурских властей. Его основными участниками были члены тайного общества Гэлаохуэй. Они убили кашгарского даота Яюань Хунъюя и несколько других чиновников, заставили тиду (командующего войсками) Кашгарии генерала Цзяо Дацзюя и начальника гарнизона г.Кашгара полковника Ян Дэншэна перейти на их сторону. Гражданским начальником (даотаем) был избран Ван Бинкунь, а военным губернатором - Цзяо Дацзюй. Оба они были поставлены под контроль местного Гэлаохуэй¹⁹. Из Кашгара вооруженные отряды были посланы в Яркенд, Хотан и другие города с целью свержения там старой власти. Российский консул в Кашгаре С.Соков шлет в МИД России телеграмму за телеграммой, в которых сообщает, что Цзяо Дацзюй и Ян Дэншэн утратили контроль над солдатами,

некоторые китайские чиновники нашли убежище в русском консульстве, в Яркенде и Аксу происходят грабежи и русские подданные просят защиты²⁰.

10 мая С.Соков сообщает в Петербург, что обстановка в этой части Синьцзяна осложнилась, возможна анархия и что он будет не в состоянии защитить русских подданных²¹. Через несколько дней он посылает еще более тревожную телеграмму: "Положение дел в Кашгаре становится с часу на час все более и более критическим. ...Нисколько не преувеличивая серьезности положения, ходатайствую о немедленной присылке для защиты русскоподданных и Консульства по крайней мере двух сотен казаков и одной роты с пулеметами"²².

С.Д.Сазонов быстро реагирует на просьбу С.Сокова. Он сносится с военным министром В.А.Сухомлиновым, который, в свою очередь, дает указание командующему Туркестанским военным округом генерал-лейтенанту А.В.Самсонову выделить отряд, который бы по первому требованию выступил в Кашгар²³.

Поскольку в Кашгарии, граничащей с Тибетом и южными княжествами Индии, имела влияние и Англия, С.Д.Сазонов дает указание своему послу в Лондоне А.К.Бенкендорфу сообщить министру иностранных дел Великобритании Э.Грею об обстановке в Кашгаре и намерении царского правительства послать туда отряд²⁴. Английское правительство не возражало против посылки русского отряда, тем более что его консул в Кашгаре Макартней сам просил индийские власти прислать туда отряд для охраны своего консульства²⁵.

20 мая В.Н.Крупенский по указанию С.Д.Сазонова предупредил китайское правительство, что неспособность кашгарских властей обеспечить безопасность русских подданных, проживающих и ведущих там торговлю, заставит русское правительство "взять охрану" их "в свои руки"²⁶. Управляющий китайским МИДом Ху Вэйдэ в своем письменном сообщении в Российскую миссию в Пекине 22 мая ответил, что, по полученным им сведениям из Кашгара, волнения там носят "случайный характер" и иностранцам не угрожает опасность, поэтому нет никакой необходимости в принятии на себя царским правительством охраны русских подданных²⁷.

В то же время Пекин пытался предпринять некоторые действия, направленные к прекращению волнений в Синьцзяне, в том числе и в Кашгаре. 22 мая последовал декрет президента Юань Шикая, коим синьцзянским дуду назначался Ян Цзэнсинь, а Юань Дахуа предписывалось идти с войсками из Урумчи в Кашгарию для "восстановления" там порядка²⁸. Юань Дахуа отказался двинуться в Кашгар и в июне покинул Урумчи и уехал в Пекин. Для Ян Цзэсиня открывалась возможность стать реальным правителем всего Синьцзяна. Он им вскоре и стал²⁹.

А пока в Кашгарии действительно обстановка была беспокойной. Гэлаохуэйцы забрали в свои руки всю власть, некоторые китайские чиновники бежали в русское консульство, отправив перед этим свои семьи в Россию. Цзяо Дацзюй по требованию Гэлаохуэя объявил Кашгар независимым от Урумчи³⁰.

25 мая В.Н.Крупенский уведомил министерство иностранных дел Китая о том, что царское правительство решило усилить консульский конвой в Кашгаре, "чтобы, в случае возникновения погромов, опасаться которых имеется полное основание, иметь налицо необходимые для охраны русских подданных силы". Царский посланник предупреждал китайское правительство, что в случае еще большего ухудшения обстановки в Кашгаре Россия "не ограничится одним усилением консульского конвоя", а примет для охраны русских подданных "более действенные меры"³¹. После такого решительного заявления русского дипломатического представителя китайское правительство уступило нажиму

России и согласилось "в виде особой уступки" "на временное увеличение, но в незначительном составе", русского консульского конвоя в Кашгаре³².

Отряд прибыл в г.Кашгар 22 июня 1912 г.³³ Он состоял из 300 казаков и двух рот пехоты с тремя пулеметами³⁴. Министерство иностранных дел Китая протестовало, что отряд превышал "первоначально обусловленную численность" и просило вывести его в пределы России. В.Н.Крупенский ответил, что "численность посылаемого отряда никогда обусловлена не была" и что о выводе отряда в данный момент "не может быть и речи"³⁵.

Итак, ввод русских отрядов в Кульджу и Кашгар произошел не по инициативе центральной царской власти, инициативы исходили от российских консулов - А.Дьякова и С.Сокова. Они считали, что в этих частях Синьцзяна неспокойно, могут возникнуть беспорядки, в результате которых жизнь и имущество русских подданных окажутся в опасности. Царское правительство поддержало эти инициативы "снизу" и ввело отряды в два пункта Синьцзяна. При вводе отрядов оно четко обозначило их цель: охрана безопасности русских подданных и защита их торговых интересов. Никаких задач по аннексии Синьцзяна или его отдельных частей не ставилось³⁶. Отряды вводились временно и, когда в Кашгарском или Илийском районах ситуация нормализовалась, они были выведены в пределы России - из Кашгара в октябре 1913 г., а из Кульджи в октябре 1914 г. Однако следует отметить, что при вводе отрядов наблюдались элементы великодержавия со стороны России в отношении Китая. Например, ввод двух сотен казаков в Кульджу состоялся без предварительного согласования царской дипломатией этого вопроса с центральным правительством в Пекине и местными илийскими властями, что вызвало справедливые протесты со стороны Китая.

Трагический инцидент в поселке Чира

Как уже указывалось, этот инцидент произошел 21 июня 1912 г.³⁷. Консул С.Соков не сразу сообщил о чираской трагедии в Петербург и посланнику в Пекине В.Н.Крупенскому. Ему потребовалось 18 дней, чтобы собрать об этом трагическом случае сведения от аксакалов³⁸ и китайских властей. Только 9 июля он направил в МИД России и В.Н.Крупенскому телеграммы об инциденте в Чира. В тот же день он отослал в Петербург и довольно пространное секретное донесение, в котором содержится наиболее полная и, по-видимому, наиболее близкая к истине о чираском инциденте информация. Консул писал:

23 июня до меня дошли смутные слухи о столкновении в поселке Чира Керийского уезда Хотанского округа. Поэтому я ждал донесений от аксакалов. 28 июня Кашгарский даотай Ван Бинкунь прислал мне ноту о вредной деятельности Саида-эфенди (Ахмед Ходжаев) и затеянном им скандале 21 июня в Чира и просил меня укротить его. Саид-эфенди - молодой человек, получивший некоторое мусульманское образование, "являет собой тип авантюриста". Он потомок переселившихся еще при Якуб-беке³⁹ в Кашгарию андижанцев, жил некоторое время в Западном Туркестане (России) и Константинополе, где работал официантом в кофейне и приобрел там некоторое знание французского языка. Но потом он снова появился в Кашгарию, поселился в Хотанском округе, где обучал детей тюркской грамоте и торговал различными лекарствами. Женился на дочери проживавшего в поселке Чира русскоподданного аксакала Ибрагим-Джана "и самовольно присвоил его ряд функций". Саид выступал как "незаконный защитник русских подданных от произвола китайских властей" и в то же время "чинил над ними личные

расправы". Своими действиями он "возбуждал против себя всю местную туземную администрацию" и "китайскоподданное население", которое через свое начальство обращалось ко мне с жалобами на этого "рыцаря большой дороги". Я распорядился вызвать Саида в Кашгар, вызвал и китайских подданных, которые могли предъявить на суде доказательства преступлений Саида. Но ни смешанный суд⁴⁰, ни духовный суд (на основе шириата) не установили фактической виновности Саида⁴¹. Однако, принимая во внимание, что "деятельность этого лица носила довольно темный характер, и что лишь страх перед Саидом-эфенди местного китайского населения и боязнь его мести помешали обвинителям и свидетелям выяснить на суде действительную виновность названного русского подданного, я решил выселить этого субъекта из пределов Высочайше вверенного мне Кашгарского округа, о чем и сообщил официально китайским властям". Когда был командирован в Хотанский округ Беренс (секретарь консульства), я поручил ему захватить с собою Саида и его семью и под конвоем выслать в Кашгар. Но в Кашгаре 7 мая произошел переворот, что заставило Беренса прервать командировку. Саид таким образом остался без всякого надзора. Местное население по-прежнему жаловалось на Саида за его бесчинства хотанскому начальнику, который командировал офицеров народного ополчения Сюнь Гаошэна и Чжао Дэшэна в Чира для расследования дела. 21 июня офицеры прибыли в Чира. Они приказали одному из аксакалов вызвать к ним Саида "для увещевания". Но тот отказался явиться к офицерам. Тогда толпа местных жителей направилась к дому Саида⁴². Сюнь Гаошэн и Чжао Дэшэн пытались остановить толпу, послали к Саиду некоего Чжоу Шутана, чтобы убедить его "покинуть местность". Саид застрелил Чжоу. В то же время загорелся дом Саида. В огне погибли несколько десятков русских подданных, Саид сбежал⁴³.

В этом же донесении Соков приводит текст письма русского подданного Мад-Расуля - очевидца чираского инцидента. вот содержание этого письма:

21 июня Сюнь Гаошэн послал своего переводчика Багаведдин-бека за Саидом (пять раз переводчик к нему ходил). Саид отказался прийти, но собрал в своем доме около 100 русских подданных, в числе которых был и я, Мад-Расуль. Собравшиеся, подозревая какой-то умысел у Саида, просили последнего отпустить их по домам. Саид заявил им, что при их помощи он "намерен воевать с китайцами и чирасцами". Русские подданные находились на площадке, окруженной со всех сторон рвом. Саид пустил воду, а сам с ружьем встал на мостике и таким образом задержал собравшихся в своем доме. В это время Сюню доложили, что Саид собрал группу русских подданных, сам явиться не желает. тогда Сюнь объявил жителям, что он даст Саиду пятидневный срок для того, чтобы тот покинул местность. Однако население не успокоилось, толпа устремилась к дому Саида. Последний пытался толпу отогнать, но безуспешно. Один чирасец проник в дом - его убил Саид. Сюнь приказал солдатам открыть огонь; дом загорелся, из него выбегали люди, но их толпа убивала. Сам Саид в женском платье вместе с тещей бежал из дома через потайной ход⁴⁴.

Заканчивая донесение, С.Соков приходит к выводу, что Сюнь Гаошэн и Чжао Дэшэн, а равно администрация Хотана и Керии, допустившие вмешательство этих офицеров в "международные дела", должны понести наказание. Он выражал надежду, что со стороны царского правительства последует "суровое возмездие по отношению к прямым и косвенным убийцам целой толпы подданных Великой Российской Державы"⁴⁵.

В письменном сообщении Кашгарского даотая Ван Бинкуня С.Сокову от 28 июня говорилось, что еще прежний даотай Юань Хунюй сообщал российскому консулу о безобразиях Саида, ибо местные старосты и беки были не в состоянии обуздать последнего. Саид призывал к себе людей побогаче и

принуждал их переходить в русское подданство, выдавая им за деньги "тушанпяо" ("торговые билеты")⁴⁶, говоря, что, имея эти русские билеты, они могут не платить земельных податей. Те, кто отказывался от принятия русского подданства, подвергались со стороны Саида тюремному заключению на несколько дней. Саид был хорошо вооружен. Он первым открыл огонь 21 июня по толпе, убив двух человек. Даотай предлагал российскому консулу провести совместное расследование чираского инцидента, не отказываясь наказать виновных китайской стороны за этот инцидент⁴⁷.

На телеграмму, отправленную С.Соковым 9 июля в Петербург⁴⁸, довольно быстро отреагировал А.А.Нератов, замещавший в эти дни С.Д.Сазонова. 11 июля по телеграфу дал следующее указание посланнику в Пекине В.Н.Крупенскому: "Предъявите китайскому правительству требование о немедленных распоряжениях к принесению высшими кашгарскими властями официального извинения, к строжайшему наказанию виновных и к выдаче денежного вознаграждения семьям пострадавшим. Необходимо получить тотчас же принципиальное согласие Правительства на эти три пункта". И.о.министра добавлял: "предварительное расследование [чираского дела] излишне"⁴⁹. 15 июля В.Н.Крупенский передал эти три пункта требований в письменной форме министру иностранных дел Китая Лу Чжэнсяну⁵⁰. Последний в устной беседе с В.Н.Крупенским заявил, что "будет дано полное удовлетворение нам", но прежде нужно получить сведения о событии в Чира от местных кашгарских властей⁵¹. В.Н.Крупенский спрашивал совета у А.А.Нератова насчет того, чтобы напомнить Лу Чжэнсяну о прошлогоднем русском ультиматуме⁵² и "обратить его внимание на возможность необходимости для нас снова прибегнуть к подобной мере". Царский посланник предлагал также, что в случае упорства Пекина, консул в Кашгаре С.Соков может решить вопрос о виновных китайских лицах в убийстве русских подданных в Чира самостоятельно с помощью русского отряда, только что введенного в Кашгар⁵³.

22 июля МИД Китая прислал памятную записку в Российскую миссию. В ней китайское правительство приносило извинение в связи с тем, что в Чира погибли российские подданные, сообщалось, что расследование чираского инцидента поручено синьцзянскому губернатору Ян Цзэнсиню и что китайские чиновники понесут наказание, если расследование установит их вину⁵⁴. Таким образом, китайское правительство не выразило "принципиального согласия" на три пункта русских требований, чего добивалось от Китая царское министерство иностранных дел прежде всего. В.Н.Крупенский был недоволен таким ответом, считая, что "китайцы имеют намерение свалить на русских подданных вину в происшедшем [в Чире] и таким образом отказать нам в удовлетворении"⁵⁵. Однако китайское правительство постепенно шло на уступки царской дипломатии. 1 августа МИД Китая направил письменное сообщение в Российскую миссию. И хотя в нем утверждалось, что основным виновником трагедии в Чира был Саид, тем не менее китайское правительство принципиально согласилось с тремя пунктами русских требований. Хотанский окружной начальник, керийский уездный начальник и ревизор Сюнь Гаошэн отстранялись от своих должностей, и против них возбуждались уголовные дела. Китайское правительство обещало выплатить денежное вознаграждение семьям погибших русских подданных в Чира и выражало надежду, что "Сокову будет по телеграфу дано предписание /русского правительства/ немедленно покончить настоящее дело миролюбиво с Кашгарскими властями"⁵⁶.

Однако покончить быстро с чираским делом не удалось. Вопрос о том, кому из кашгарских чиновников приносить официальное извинение С.Сокову, вызвал между обеими сторонами споры. Китайское правительство предписывало это сделать кашгарскому даотаю Ван Бинкуню, а царская дипломатия считала,

что это должен сделать самый высокий чиновник в Кашгарском крае Цзяо Дацзюй. С.Соков был недоволен тем, что Сюнь Гаошэн не был арестован. Находясь на свободе, он разъезжал по городам Кашгарии, где его встречали как героя, производя в его честь пушечные салюты⁵⁷. В связи с этим консул жаловался В.Н.Крупенскому, что кашгарские власти игнорируют русские требования и враждебно относятся "к настояниям консульства". В.Н.Крупенский снова предлагал С.Д.Сазонову подкрепить представления Российской миссии китайскому правительству "определенной угрозой", а именно "прибегнуть к давлению на Китай в другом, более удобном для нас пункте", например в Илийском крае⁵⁸.

Судебное разбирательство над Сюнь Гаошэном и другими китайскими чиновниками, замешанными в чираском деле, по требованию царской дипломатии должно было состояться не в Керии или Хотане, а в Кашгаре.

Китайский суд под наблюдением Российского консульства⁵⁹ начался в Кашгаре лишь в апреле 1913 г. Председательствовал на суде даотай Ван Бинкунь, почетным председателем являлся дуду Ян Цзэнсинь. На суде было установлено, что 21 июня в Чира погибли 28 человек⁶⁰. Судебное разбирательство шло медленно, С.Соков считал, что Ван Бинкунь нарочно его затягивает, не желая наказывать виновных. В.Н.Крупенский по согласованию с Петербургом поставил вопрос перед китайским правительством не только об отстранении Ван Бинкуня от председательствования в суде, но и об освобождении его от должности кашгарского даотая. Царская дипломатия видела виновность Ван Бинкуня в том, что он послал Сюнь Гаошэна в Чира расследовать дело русского подданного Саида и тем самым, мол, он был причастен к возникновению чираской трагедии⁶¹. С.Сокову было дано указание не иметь никаких дел с Ван Бинкунем. Вначале Пекин сопротивлялся русскому требованию, но в конце концов пошел на уступку⁶². В начале августа Ван Бинкунь был отстранен от судебного разбирательства и чираское дело было передано непосредственно в руки Ян Цзэнсиня⁶³. После этого уже 11 августа С.Соков и Ян Цзэнсинь подписали Проект соглашения по ликвидации чираского дела. Вот пункты этого проекта. 1) Наказания налагаются на 43 китайских подданных: 7 человек приговариваются к бессрочной каторге, 4 - к пятнадцатилетней, 2 - к шестилетней, 2 - к пятилетней, 3 - к трехлетней и 17 человек - к однодневной каторге. На 8 беков налагается общий штраф в 1800 рублей с отречением их навсегда от должности. Отрешенный от должности кашгарского даотая Ван Бинкунь других наказаний не несет. Бывший хотанский начальник Тан Юнчжун, уже отстраненный от должности, лишается навсегда права занимать какую-либо должность в пределах Синьцзяна, его имущество конфискуется в сумме на 15 тыс. рублей. Керийский уездный начальник Шэн Юнцинь, уже смещенный с должности, штрафует на 500 рублей. Ревизору Сюнь Гаошэну полагается пожизненная каторга, но ввиду его преклонного возраста заменяется одиночным тюремным заключением на 12 лет. Осужденные китайцы (ханьцы) в виду их принадлежности к кашгарскому Гэлаохуэю, будут отбывать наказание в Урумчи под контролем тамошнего русского консульства, а китайские подданные (мусульмане) - в рудниках Большого Артуша близ Кашгара под контролем здешнего русского консульства. 2) Денежное вознаграждение семьям убитых, раненых, увечных определяется в сумме 90.126 рублей, половина коих вносится китайцами сразу же после утверждения правительствами данного соглашения, а половина - через шесть месяцев после этого. 3) Саид выселяется в русские пределы и предается суду Российской империи "по предъявляемому против него китайцами главному обвинению в убийстве двух китайских подданных и в возбуждении одной части

населения против другой"⁶⁴. 4) Проект соглашения имеет силу в случае одобрения его обоими правительствами⁶⁵.

Проект соглашения был не сразу утвержден правительствами. Дело в том, что китайское правительство ставило предварительным условием подписания соглашения вывод русского отряда из Кашгара. В Петербурге же считали, что выводить отряд из Кашгара до ликвидации чираского инцидента нельзя. С.Д.Сазонов просил В.Н.Крупенского убедить китайское правительство в том, что Россия выведет отряд "как только будут исполнены наши требования по Чираскому делу"⁶⁶.

После договоренности между обоими правительствами Проект соглашения 1 октября 1913 г. вступил в силу, а в конце того же месяца русский отряд был выведен из Кашгара в пределы Российской империи⁶⁷.

Чираский инцидент был неприятным эпизодом в русско-китайских отношениях. В нем, на наш взгляд, виноваты обе стороны. Прежде всего виноват русскоподданный Саид-эфенди. Он действительно причинял много вреда населению Керийского уезда, а консул С.Соков не нейтрализовал вовремя вредные действия этого авантюриста. Саид первым пустил в ход оружие 21 июня 1912 г. в поселке Чира. Однако и действия китайского офицера Сюнь Гаошэна и толпы местных жителей, которая убила и сожгла 28 человек, оправдать нельзя. Погибшие были мирные, безоружные люди, обманутые Саидом. Это была трагедия. Царское правительство заставило китайские власти наказать 43 человека, из них 35 осудить на каторгу и тюремное заключение. Все ли они были виновны и все ли они заслуживали такого сурового наказания, - вопрос, который требует специального расследования юристами. Одно можно сказать с уверенностью, что русский царизм, поставив под свой контроль судебное разбирательство чираского инцидента, вмешался во внутренние дела Китая.

1. Об инциденте в Чира в нашей литературе не упоминается. И.Г.Полинов ввод русских военных отрядов в Синьцзян объяснял так: "В целях противодействия агрессивным планам английских, японских и германских империалистов и сохранения своих торговых привилегий, царское правительство в период событий 1911-1913 гг. в Синьцзяне, под предлогом охраны консульств и имущества своих граждан, ввело войска в Кашгар и Кульджу" (И.Г.Полинов. Синьцзян в период китайской революции 1911-1913 гг. Автореферат канд. диссертации. - Ташкент 1953. - С. 8). Между тем в русских архивных материалах нет и намека на то, что ввод русских отрядов в Синьцзян был обусловлен необходимостью противодействия "агрессивным планам" иностранных держав.
2. См., напр.: Ша Э циньлюе сибэй бяньцзянши (История агрессии царской России в северо-западных районах Китая). - Пекин, 1979. - С. 369, 421, 424; Фу Суньмин и др. Ша Э цинь Хуа ши цзяньбянь (Очерки истории агрессии царской России против Китая). - Чанчунь, 1982. - С. 392, 411.
3. Русское слово. - 1912. - 17/4.VII.
4. Накануне Синьхайской революции в Синьцзян была направлена группа новых войск из провинции Хубэй, в составе которой находились и революционеры.
5. Центральный Государственный военно-исторический архив (далее - ЦГВИА), ф. 2000, д. 568, л. 349.
6. Там же, л. 361.
7. Отряд был сосредоточен в г.Джаркенте в марте 1911 г., когда обострился русско-китайский спор по вопросу пересмотра Петербургского договора 1881 г.
8. Архив внешней политики Российской империи (далее - АВПРИ), ф.Капцелярия, д. 108, л. 794 (секретная телеграмма М.С.Шекина С.Д.Сазонову 9 января 1912 г.).
9. Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств. 1878-1917 (далее - МОЭИ). - Серия 2. - Т. 19. - Ч. 1. - С. 308.

10. Там же. - С. 308. С.-Петербургский Трактат - русско-китайский Петербургский договор 1881 г.
11. Там же. - С. 309.
12. ЦГВИА, ф.2000, д.568, л.362 (секретная телеграмма А.В.Самсонова В.А.Сухомлинову 10 января 1912 г.).
13. МОЭИ. - Т. 19. - Ч. 2. - С. 409.
14. Там же. - С. 408.
15. Там же. - С. 409.
16. ЦГВИА, ф. 2000, д. 3669, л. 62.
17. АВПРИ, ф. Китайский стол, д. 136, лл. 187-188.
18. Там же, л. 189.
19. Российский Государственный исторический архив в С.-Петербурге (далее - РГИА), ф. 561, д. 569, л. 110 (секретная телеграмма С.Сокова в МИД России 7 мая 1912 г.).
20. Там же, лл. 49, 51, 110.
21. ЦГВИА, ф. 2000, д. 3879, л. 109.
22. РГИА, ф. 561, д. 569, л. 49 (секретная телеграмма С.Сокова в МИД России 16 мая 1912 г.).
23. Там же, л. 52.
24. Там же, л. 70 (секретная телеграмма С.Д.Сазонова А.К.Бенкендорфу 22 мая 1912 г.).
25. Там же, л. 49 (секретная телеграмма С.Сокова в МИД России 16 мая 1912 г.).
26. АВПРИ, ф. Китайский стол, д. 136, л. 192 (Сообщение Российской миссии в Пекине министерству иностранных дел Китайской республики 20 мая 1912 г.).
27. Там же, лл. 194-195.
28. Там же, л. 193.
29. В январе 1913 г. Ян Цзэнсинь с отрядом войск вошел в Кашгар, который не оказал ему никакого сопротивления. В Или обстановка до 1914 г. оставалась сложной, так как шла борьба между сторонниками Ян Цзэнсиня и революционерами. В октябре 1913 г. в результате вооруженной схватки сторонники Ян Цзэнсиня одержали верх, Фэн Теминь и другие революционеры были убиты.
30. РГИА, ф. 561, д. 569, л. 110 (секретная телеграмма С.Сокова в МИД России 1 июня 1912 г.).
31. АВПРИ, ф. Китайский стол, д. 136, л. 197.
32. Там же, л. 209 (Сообщение Ху Вэйда в Российскую миссию 30 мая 1912 г.).
33. РГИА, ф. 561, д. 570, л. 32 (секретная телеграмма С.Сокова в МИД России 24 июня 1912 г.).
34. ЦГВИА, ф. 2000, д. 3669, л. 65.
35. АВПРИ, ф. Канцелярия, д. 105, л. 255 (секретная телеграмма В.Н.Крупенского С.Д.Сазонову 23 июня 1912 г.).
36. Некоторые царские военные деятели выдвигали предложения оккупировать Илийский край и присоединить его к России. Например, Туркестанский генерал-губернатор А.В.Самсонов в своих двух секретных письмах (от 19 июня и 26 июля 1912 г.) В.А.Сухомлинову пытался обосновать необходимость присоединения Илийского края с позиций стратегического и экономического значения этого края для России (ЦГВИА, ф. 2000, д. 3611, лл. 50-55, 57-58). Однако царское военное министерство не определяло внешнюю политику России, ее определяло министерство иностранных дел. В то время главным архитектором внешней политики Российской империи был выдающийся русский дипломат С.Д.Сазонов, который с санкции царя Николая II намечал и проводил ее в жизнь. С.Д.Сазонов не был сторонником присоединения Илийского края к России, поэтому вышеуказанное предложение А.В.Самсонова осталось только на бумаге.
37. Историки КНР связывают возникновение инцидента в Чира с вводом русского отряда в г.Кашгар и, видимо, с этой целью запутали вопрос с датой ввода отряда и датой трагедии в Чира. Они пишут, что в Кашгар русский отряд введен 21 июня, а чираский инцидент произошел 23 июня. На самом же деле трагедия в Чира произошла 21 июня, а русский отряд вступил в Кашгар 22 июня, к тому же поселок Чира находится на расстоянии нескольких сот километров от Кашгара. Поэтому связывать ввод русского отряда в Кашгар с инцидентом в Чира нелогично.
38. Аксакалы - торговые старшины из русских подданных, исполнители распоряжений российских консулов в Синьцзяне. Они назначались консулами или избирались в местах, где проживало значительное число русских подданных. В обязанность аксакалов входил и сбор различного рода сведений для консулов.

39. Якуб-бек - правитель государства Джетышаар ("Семиградье") в Синьцзяне в 1867-1878 гг. Таджик из Кокандского ханства.
40. Смешанный суд состоял из представителей консульства и местных китайских властей.
41. Эти суды состоялись в Кашгаре в марте 1912 г.
42. Это был дом тестя Саида, сам же он постоянно жил в г. Керия.
43. ЦГВИА, ф. 2000, д. 7657, лл. 189-193 (копия донесения С.Сокова в Первый департамент МИД России 9 июля 1912 г.).
44. Там же, л. 194.
45. Там же, л. 195.
46. "Туншанияо" выдавались консульством местным жителям Кашгарии, принимавшим подданство России, взамен русских паспортов. У убитых 27 июня в Чира были найдены такие консульские билеты. (Там же, л. 184). Не исключено, что Саид мог их фабриковать без разрешения консульства.
47. Там же, лл. 198-199.
48. Содержание этой телеграммы таково: 21 июня в селении Чира толпа местных жителей, подстрекаемая командированным из Кашгара ревизором Сюнем, офицером народного ополчения, при участии солдат, окружила дом русскоподданного Саида, который отказался исполнять требование китайского ревизора явиться к нему. Попытка Саида разогнать толпу не удалась, тогда он прибег к оружию, убив двух чиновников. Ревизор Сюнь приказал открыть огонь, Саид бежал потайным ходом, а часть русских подданных, спасаясь из подоженного дома, была убита, часть погибла в огне (РГИА, ф. 561, д. 570, л. 51).
49. Там же, л. 55.
50. АВПРИ, ф. Китайский стол, д. 136, л. 250.
51. Там же, ф. Канцелярия, д. 105, л. 286.
52. Речь идет об ультиматуме, предъявленном Россией Китаю 24 марта 1911 г. в связи с попыткой Пекина пересмотреть Петербургский договор 1881 г.
53. АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, д. 232, л. 25 (секретная телеграмма В.Н.Крупенского А.А.Нератову 12 июля 1912 г.).
54. Там же, ф. Китайский стол, д. 136, л. 263.
55. Там же, ф. Миссия в Пекине, д. 232, л. 107 (секретная телеграмма В.Н.Крупенского С.Д.Сазонову 14 сентября 1912 г.).
56. Там же, ф. Китайский стол, д. 136, л. 274.
57. РГИА, ф. 561, д. 569, л. 570.
58. АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, д. 232, л. 107 (секретная телеграмма В.Н.Крупенского С.Д.Сазонову 14 сентября 1912 г.).
59. Начальник Отдела Дальнего Востока Российского МИД Г.А.Казаков давал такие указания С.Сокову: смешанного русско-китайского суда не допускать; следить за китайским судом; если суд будет "недобросовестный", то сами вмешайтесь и "наложите наказания и взыскание денежного вознаграждения" (ЦГВИА, ф. 2000, д. 7879, л. 137).
60. АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, д. 233, л. 187.
61. ЦГВИА, ф. 2000, д. 7657, л. 329 (Сообщение Российской миссии в МИД Китая 25 июня 1913 г.).
62. Китайское правительство в это время находилось в трудном положении. В области внешнеполитической деятельности основные усилия оно сосредоточило на решении проблем Внешней Монголии и Тибета, которые в это время фактически отделились от Китая. Отсюда, по-видимому, уступки китайских властей царской дипломатии во второстепенном для Пекина вопросе чираской трагедии.
63. АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, д. 233, л. 358 (секретная телеграмма С.Сокова В.Н.Крупенскому 5 августа 1913 г.).
64. О дальнейшей судьбе Саида нам неизвестно.
65. АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, д. 233, лл. 368-369.
66. Там же, л. 382 (секретная телеграмма С.Д.Сазонова В.Н.Крупенскому 24 августа 1913 г.).
67. ЦГВИА, ф. 2000, д. 7657, л. 251 (секретная телеграмма С.Сокова В.Н.Крупенскому 26 октября 1913 г.).

Документы. Архивы.

Секретная миссия А.И.Микояна в Китай

(январь-февраль 1949 г.)

© 1995

А.Ледовский

Как известно, после поражения Гоминьдана в гражданской войне в Китае и прихода к власти в октябре 1949 г. коммунистического правительства в США развернулась острая внутривнутриполитическая борьба вокруг вопроса: "Кто потерял Китай?", то есть из-за кого и из-за чего произошло поражение политики США в отношении Китая, означавшее потерю казалось бы очень прочного господствующего положения США в этой стране к моменту окончания второй мировой войны.

В "Белой книге по Китаю", опубликованной Госдепартаментом США в 1949 г., главным виновником поражения Гоминьдана и, соответственно, политики США в Китае, был назван Советский Союз. На IV сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1949 г. представитель гоминьдановского правительства при поддержке США внес на рассмотрение ООН жалобу на Советский Союз - документ, озаглавленный: "Угроза политической независимости и территориальной неприкосновенности Китая и миру на Дальнем Востоке, происходящая из нарушения Советским Союзом Советско-китайского Договора о дружбе и союзе от 14 августа 1945 г., а также из нарушения Советским Союзом Устава Организации Объединенных Наций". В упомянутой жалобе Советское правительство и советское военное командование обвинялись в том, что они: 1) создали препятствия своевременному вводу китайских правительственных войск на территорию Маньчжурии и установлению там власти Центрального правительства; 2) при отводе своих войск передали Маньчжурию в руки китайских коммунистов, открыли им свободный вход в Маньчжурию из Северного Китая, помогли им создать здесь крупные вооруженные силы КПК, передали в их полное распоряжение все оружие и боевую технику капитулировавшей почти миллионной японской Квантунской армии; 3) Советское правительство заключило с коммунистическими властями в Маньчжурии втайне от китайского Центрального правительства ряд соглашений и контрактов о предоставлении им материально-технической и другой помощи.

В заявлениях гоминьдановских и американских представителей указывалось, что действия СССР, советская помощь и поддержка, оказанные китайским коммунистам, явились решающим фактором, определившим исход гражданской войны в пользу КПК¹.

В 60-е годы пропагандистская кампания против СССР развернулась с противоположных позиций: с критикой политики СССР в отношении Китая и лично Сталина начали выступать Мао Цзэдун и его сторонники. Сначала в закрытых, а затем в открытых выступлениях они выдвинули серию претензий и обвинений, главные из которых сводились к тому, что в период антияпонской войны СССР помогал Гоминьдану и не помогал КПК, что после 1945 г. Сталин вмешивался во внутренние дела КПК, "мешал китайской революции", "не верил в ее победу", "не разрешил китайскую революцию" и т.д. По логике этих тезисов, перешедших и на страницы работ китайских историков и политологов, получалось, что если бы СССР не оказывал помощи правительству Чан Кайши в ведении войны с японцами, а оказывал помощь только КПК, если бы СССР не заключил с правительством Чан Кайши Договор о дружбе и союзе, если бы Сталин воздерживался от высказывания руководству КПК каких-либо советов по вопросам стратегии и тактики китайской революции, КПК смогла бы одержать победу в гражданской войне гораздо раньше.

Под воздействием этих выступлений определился поворот в освещении вопросов советско-китайских отношений, роли СССР (и Сталина) в победе КПК, отношений между Мао Цзэдуном и Сталиным в историографии Запада. Многие западные авторы начали развивать версии о том, что советская помощь КПК была весьма незначительной и не сыграла сколько-нибудь серьезной роли в исходе борьбы между Гоминьданом и КПК. Ряд авторов чуть ли не дословно повторяли маоцзэдуновские версии о "помехах", чинимых Сталиным китайской революции, о его неверии в победу КПК над Гоминьданом и т.д.

Давно ушел из жизни Мао Цзэдун, но выдвинутые им версии продолжают повторяться в сочинениях авторов КНР и других стран. В последние годы отдельные тезисы указанных версий можно встретить и в некоторых публикациях российских авторов. Причины этого различны. В одном случае - это вольное или невольное следование определенным идеологическим взглядам или установкам; в другом - инерция старых подходов и стереотипов "холодной войны"; в третьем - стремление не отстать от "моды" на критику политики СССР. Но во всех случаях известные нам версии взаимоотношений в те годы между ВКП(б) и КПК, Сталиным и Мао Цзэдуном, по большей части спекулятивны, умозрительны, не опираются на изучение документальных источников первостепенной важности.

Открытие архивов в России в последние годы, новые возможности для использования их исследователями позволяют значительно продвинуться в освещении событий этого критически важного периода китайской политики Москвы, в выработке объективной оценки ее влияния на ход и исход событий в Китае в конце 40-х - начале 50-х годов.

В этой связи особенно большой интерес представляют документы, связанные с секретной поездкой А.И.Микояна в январе-феврале 1949 г. в местечко Сибайпо (где находился тогда ЦК КПК), в Северном Китае, записи его бесед с Мао Цзэдуном и другими членами Политбюро ЦК КПК, шифрпереписка между Микояном и Москвой, а также между Сталиным и Мао Цзэдуном. Нам предоставилась возможность ознакомиться с рядом таких документов в Архиве Президента Российской Федерации.

Кратко о предыстории этой поездки. Как свидетельствуют документы, она была организована вместо планировавшегося, но не состоявшегося вплоть до конца декабря 1949 г. визита Мао Цзэдуна в Москву. Вопрос о поездке Мао

Цзэдуна в Советский Союз был поднят еще в начале 1947 г. Инициатива исходила от китайской стороны. Сталин дал согласие на поездку, но при условии сохранения ее полной секретности. В телеграмме связнику-врачу А.Я.Орлову² Сталин писал 15 июня 1947 г.: "Передайте Мао Цзэдуну, что ЦК ВКП(б) считает желательным его приезд в Москву без каких-либо разглашений. Если Мао Цзэдун также считает это нужным, то нам представляется, что это лучше сделать через Харбин. Если нужно будет, то пошлем самолет. Телеграфуйте результаты беседы с Мао Цзэдуном и его пожелания"³. Однако через 2 недели, 1 июля 1947 г., Сталин направил Орлову телеграмму иного содержания. Он писал: "В виду предстоящих [военных] операций и в виду того, что отсутствие Мао Цзэдуна может плохо отразиться на операциях, мы считаем целесообразным временно отложить поездку Мао Цзэдуна"⁴.

В ходе дальнейшей переписки выезд Мао Цзэдуна в Москву был намечен на середину июля 1948 г. Но в телеграмме 26 апреля 1948 г. Мао Цзэдун сообщал: "Я решил раньше срока отправиться в путь в СССР. Намечено выехать в первых числах из уезда Фоупин (100 километров севернее [г.] Шицзячжуана) пров.Хэбэй и под прикрытием войск перейти железную дорогу Бэйпин-Калган... Возможно, в первых числах или середине июня можно прибыть в Харбин. Затем из Харбина - к Вам... Я буду советоваться и просить указаний у товарищей из ЦК ВКП(б) по политическим, военным, экономическим и другим важным вопросам... Помимо этого, если будет возможность, то хотелось бы проехать в страны Восточной и Юго-Восточной Европы, где изучить работу народного фронта и другие виды работы". Вместе с собой Мао Цзэдун собирался взять Жэнь Биши⁵, Чэнь Юнь⁶, а также двух секретарей и несколько других работников-шифровальщиков, радистов. "Если Вы согласны с намеченным планом, то будем действовать по нему. Если Вы не согласны с ним, тогда остается выход один - ехать одному"⁷. 29 апреля 1948 г. Сталин ответил: "Ваше письмо от 26 апреля получено. Можете взять, кого Вы считаете и сколько считаете нужным. Оба русских врача должны выехать вместе с Вами. С оставлением одной радиостанции в Харбине согласны. Об остальном поговорим при встрече"⁸.

Но вскоре 10 мая Сталин направил телеграмму, предлагавшую Мао Цзэдуну задержаться с выездом: "В связи с возможным развитием событий в районах Вашего пребывания и, в частности, с начавшимся наступлением войск Фу Цзюй⁹ на Юйсянь, т.е. в направлении трех районов, через которые Вы намерены следовать к нам, нас беспокоит, не отразится ли Ваше отсутствие на ходе событий, а также насколько безопасен Ваш переезд.

Исходя из этого, не следует ли Вам несколько отложить поездку к нам. В случае, если Вы решите свой выезд не откладывать.. просим сообщить, куда выслать самолет и когда. Ждем Вашего ответа"¹⁰. В тот же день, 10 мая, Мао Цзэдун ответил: "Тов. Сталин. Сегодня получил Ваше письмо. Весьма благодарен Вам. При настоящем положении, целесообразно на короткое время отложить мою поездку к Вам. ...Нуждаюсь в отдыхе на короткое время, после чего могу лететь на самолете. Место аэродрома и порта сообщу после выяснения"¹¹.

4 июля Мао Цзэдун сообщил Сталину: "Состояние моего здоровья, по сравнению с двумя месяцами тому назад, значительно лучше. Я решил в ближайшее время поехать к Вам. Есть три пути следования к Вам: воздухом, морем и по суше. Но во всех случаях мы должны просить через Харбин, так как мне нужно поговорить с рядом ответственных товарищей из Маньчжурии... Надеюсь, что самолет около 25 числа сего месяца прилетит в Вэйсянь... Если решите перевезти нас морским путем, то надеюсь, что судно в конце этого месяца придет в назначенный порт... Если же воздушный и морской пути

невозможны для перевозки нас, то мы все равно выедем около 15 числа этого месяца на север". Мао Цзэдун сообщил, что вместе с ним выезжают 20 человек и просил, в случае поездки воздухом, прислать два самолета¹².

14 июля в ответ на ту телеграмму Мао Цзэдуна последовала телеграмма Сталина: "ТЕРЕБИНУ. Передайте Мао Цзэдуну следующее: "В виду начавшихся хлебозаготовок, руководящие товарищи с августа месяца разъезжаются на места, где они пробудут до ноября месяца. Поэтому ЦК ВКП(б) просит тов. Мао Цзэдуна приурочить свой приезд в Москву к концу ноября, чтобы иметь возможность повидаться со всеми руководящими товарищами"¹³.

В своей телеграмме в Москву 14 июля 1948 г. А.Я.Орлов писал, что Мао Цзэдун просил передать следующий ответ: "Тов. Сталин. Согласен с Вашим мнением, изложенным в телеграмме от 14 июля. Отложим поездку к Вам до конца октября - начала ноября."¹⁴ Докладывая о содержании и своих впечатлениях от разговора с Мао Цзэдуном, состоявшегося во время передачи ему упомянутой телеграммы Сталина, А.Я.Орлов писал, что Мао Цзэдун не принял всерьез ссылок на занятость советских руководителей хлебозаготовками. "Неужели, - сказал он, - в СССР придадут такое большое значение хлебозаготовкам, что на них выезжают руководящие лица ЦК партии?". Орлов писал: "Насколько я знаю Мао Цзэдуна, более шести лет, его улыбка и слова "хао, хао - хорошо, хорошо", в то время когда он слушал перевод, отнюдь не означали, что он доволен телеграммой. Это достаточно ясно было видно. По моему личному убеждению, Мао Цзэдун считал, что в худшем случае ему будет отказано в присылке самолета или судна. Но даже это было для него маловероятно, тем более, что самолет был предложен из Москвы. Он был уверен, что именно сейчас он поедет. Видимо, поездка для него самого стала нужной. С большим нетерпением ждал он ответа....Чемоданы Мао Цзэдуна упаковывались, даже были куплены кожаные туфли (он, как и все здесь, ходит в матерчатых тапочках), сшито драповое пальто. Вопрос не только о самой поездке, но и о сроке им был уже решен. Оставалось только, каким путем ехать. Он сейчас внешне спокоен, вежлив и внимателен, чисто по-китайски любезен. Истинную же душу его трудно видеть. Жэнь Биши производит впечатление, что он не ожидал отсрочки поездки. Мельников¹⁵ мне говорил, что 15 июля Мао Цзэдун задал ему аналогичный вопрос о хлебозаготовках"¹⁶.

В телеграмме в Москву от 28 августа 1948 г. А.Я.Орлов сообщил о новой беседе с Мао Цзэдуном, в которой речь шла о вопросах, которые Мао Цзэдун хотел бы обсудить со Сталиным.

"Мао Цзэдун говорил, что если в 1947 г. он не спешил с поездкой в Москву, то сейчас в 1948 году обстановка изменилась и он хочет поскорее поехать в Москву. О многом хочет поговорить там, по некоторым вопросам попросить совета, по некоторым - помощи, в пределах возможного.

Вопросы, по которым Мао Цзэдун намерен говорить в Москве, суть:

1. Об отношениях с малыми демократическими партиями и группами (и демократическими деятелями).

О созыве Политического консультативного совета.

2. Об объединении революционных сил Востока и о связи между коммунистическими партиями Востока (и другими).

3. О стратегическом плане борьбы против США и Чан Кайши.

4. О восстановлении и создании промышленности в Китае, в том числе (и в особенности) военной, горнодобывающей, путей сообщения - железных и шоссейных дорог. Сказать там, в чем мы (КПК) нуждаемся.

5. О серебряном займе в сумме 30 миллионов американских долларов.

6. О политике (линии) в отношении установления дипломатических отношений с Англией и Францией.

7. По ряду других важных вопросов.

Подытоживая сказанное, Мао Цзэдун подчеркнул: "Надо договориться о том, чтобы наш политический курс полностью совпадал с СССР"¹⁷.

В телеграмме в Москву от 28 сентября 1948 г. Мао Цзэдун писал: "По ряду вопросов необходимо лично доложить ЦК ВКП(б) и главному хозяину. [Чтобы] получить указания, я намерен приехать в Москву согласно времени, указанному в предыдущей телеграмме. Сейчас пока в общих чертах докладывая изложенное выше, прошу Вас передать это в ЦК ВКП(б) и товарищу главному хозяину. Искренне надеюсь, что они дадут нам указания"¹⁸.

В телеграмме, посланной 21 ноября 1948 г., Мао Цзэдун, сославшись на небольшое заболевание, а также на занятость вопросами, связанными с операциями на фронтах войны, попросил перенести время своего приезда в Москву на конец декабря 1948 г.¹⁹ Однако при обсуждении этого вопроса на Политбюро ЦК ВКП(б) 14 января 1949 г.²⁰ было принято решение вновь отложить приезд Мао Цзэдуна в Москву и вместо этого направить в Китай А.И.Микояна. Ему было поручено провести беседы с Мао Цзэдуном и другими членами Политбюро, высказать мнение советского руководства по вопросам, поставленным ими перед Москвой, доложить Политбюро ЦК ВКП(б) просьбы и пожелания ЦК КПК.

Основное содержание переговоров с Мао Цзэдуном и другими членами Политбюро ЦК КПК А.И.Микоян изложил в публикуемой ниже Записке, представленной в Президиум ЦК КПСС 22 сентября 1960 г. В Записке приводится и ряд неизвестных ранее материалов переписки между Москвой и ЦК КПК. Сталиным и Мао Цзэдуном, относящихся к периоду 1947-1949 гг. Судя по прямым цитатам, А.И.Микоян имел эти документы в своем распоряжении при подготовке своей Записки. Вместе с тем, в Записке А.И.Микояна отражена лишь часть обширной информации, содержащейся в приложенных к ней телеграммах и записях бесед с руководителями КПК, в которых был затронут широкий круг вопросов внутренней и внешней политики, советско-китайских отношений и т.п. По своему объему и значению они могли бы (и заслуживают) составить отдельное документальное издание.

В предлагаемый читателю журнальный вариант публикации включены полный текст упомянутой записки А.И.Микояна, а также сгруппированные в основном по тематическому принципу обширные выдержки из приложенных к Записке документов, относящихся к январю-февралю 1949 г.

В публикуемых документах географические названия и имена даются в современном написании.

Записка А.И.Микояна в Президиум ЦК КПСС о поездке в Китай в январе-феврале 1949 г.

Подлежит возврату
в ЦК КПСС
(Общий отдел, 1-й сектор)
N П2375

Разослано членам Президиума
ЦК КПСС и кандидатам в члены
Президиума ЦК КПСС

Сов. секретно
ОСОБАЯ ПАПКА

Ц К К П С С

В связи с выявившимися расхождениями между компартией Китая и компартиями других стран и предстоящим обсуждением этих вопросов, считаю необходимым разослать членам Президиума и кандидатам в члены Президиума ЦК в целях ознакомления текста сообщений, переданных мною в январе-феврале 1949 г. во время поездки в Китай, а также указаний ЦК, посылавшихся мне в тот же период.

Сообщения эти передавались шифром из Сибайпо, где тогда находились Революционный комитет²¹ и ЦК Компартии Китая и приводятся без каких-либо изменений или дополнений, в точной копии. При Мао Цзэдуна были тогда два советских армейских врача - Терebin (погиб впоследствии при аварии самолета в Советском Союзе) и Мельников, лечившие Мао Цзэдуна и его семью. Они имели радиостанцию и выполняли функции связи.

Считаю также необходимым коснуться некоторых обстоятельств, относящихся к моей поездке и хода переговоров.

В 1947-1948 годах происходил обмен мнениями между нашим ЦК и Мао Цзэдуну о его приезде в Москву. В Москве он ни разу не был и приглашение с нашей стороны было ему передано еще в июне 1947 года, выражалась готовность принять его для обсуждения вопросов китайской революции, проблем, которые встанут перед КПК после военной победы, в том числе и советско-китайских вопросов.

Однако сроки поездки неоднократно оттягивались из-за трудностей в средствах сообщения в связи с отдаленностью мест пребывания Мао Цзэдуна, из-за его болезни, осложнений в боевых действиях китайской революционной армии и по другим причинам.

К концу 1948 года боевые действия китайских коммунистов развивались быстрыми темпами и в благоприятном направлении. В северном Китае шли решающие бои. Китайская революционная армия, получившая оружие японской квантунской семисоттысячной армии, которое было нами полностью передано Китаю, двигалась к центру Китая в направлении Пекина.

14 января 1949 года на заседании Политбюро ЦК при обсуждении ответа Мао Цзэдуну на запрос о времени его приезда Сталин высказал соображение о том, что приезд Мао Цзэдуна в данное время вряд ли целесообразен. Он находился в то время в роли партизанского руководителя и хотя намечался его приезд инкогнито, но скрыть поездку было невозможно, сведения об его отъезде из Китая наверняка бы просочились. Поездка его, без сомнения, была бы истолкована на Западе как посещение Москвы для получения инструкций от компартии Советского Союза, а сам он назван московским агентом. Это нанесло бы ущерб престижу КПК и было бы разыграно империалистами и кликой Чан Кайши против китайских коммунистов.

Между тем, вскоре могло быть образовано официальное революционное правительство Китая, которое мог возглавить Мао Цзэдун. Тогда он получал уже возможность поездки не инкогнито, а официально в качестве главы правительства Китая и в целях переговоров с соседним государством. Это, наоборот, повысило бы престиж и авторитет китайского революционного правительства и приобрело бы большое международное значение.

Хотя такая отсрочка поездки Мао Цзэдуна в СССР оттягивала обсуждение назревших вопросов, но эту отрицательную сторону можно было устранить командированием в Китай одного из членов Политбюро нашего ЦК.

В то время все было уже подготовлено к приезду Мао Цзэдуна. Политбюро, обсудив этот вопрос, одобрило предложения Сталина, и он тут же продиктовал телеграмму Мао Цзэдуну, в которой говорилось:

"Мы все же настаиваем, чтобы Вы отложили временно Вашу поездку в Москву, так как Ваше пребывание в Китае очень необходимо в настоящее время. Если хотите, мы можем немедленно послать к Вам ответственного члена Политбюро в Харбин или в другое место для переговоров по интересующим нас вопросам".

Мао Цзэдун сообщил на это, что он решил временно отложить поездку в Москву и что они приветствуют направление члена Политбюро в Китай, высказав одновременно пожелание, чтобы его приезд состоялся в конце января или начале февраля и не в Харбин, а к месту их нахождения.

Сталин предложил поехать в Китай мне.

Чтобы иметь минимум трудностей в переговорах в Китае и быть лучше подготовленным, исключить излишние запросы Москвы, я набросал список возможных вопросов, которые китайцы могут поставить перед нами, обдумал возможные ответы и обсудил их со Сталиным и другими членами Политбюро.

К этому времени выявились два вопроса, которые были дискуссионными и к которым проявился различный подход - нашего ЦК и ЦК КПК.

I. О несогласии нашего ЦК с точкой зрения КПК, считавшей, что после победы китайской революции все партии, кроме КПК, должны уйти с политической арены. В телеграмме Мао Цзэдуна от 30 ноября 1947 года говорилось: "В период окончательной победы китайской революции, по примеру СССР и Югославии, все политические партии, кроме КПК, должны будут уйти с политической арены, что значительно укрепит китайскую революцию".

В ответной телеграмме нашего ЦК, подписанной Сталиным 20 апреля 1948 года, по этому поводу в частности было сказано: "Мы с этим не согласны. Думаем, что различные оппозиционные политические партии в Китае, представляющие средние слои китайского населения и стоящие против гоминьдановской клики, будут еще долго жить и киткомпартия вынуждена будет привлечь их к сотрудничеству против китайской реакции и империалистических держав, сохранив за собой гегемонию, то есть руководящее положение. Возможно, что некоторых представителей этих партий придется ввести в китайское народно-демократическое правительство, а само правительство объявить коалиционным, чтобы тем самым расширить базу этого правительства в населении и изолировать империалистов и их гоминьдановскую агентуру".

Как известно, в связи с этим советом КПК изменила свою политику в отношении буржуазных партий.

II. Об отношении к предложению нанкиннского правительства Советскому правительству принять на себя посредничество между нанкинским правительством и КПК о прекращении войны и заключении мира.

9 января 1949 года была получена нота нанкиннского правительства, которое предложило правительству СССР (а также правительствам Франции, Англии и США) принять на себя посредничество между нанкинским правительством и КПК о прекращении войны и заключении мира.

В телеграмме Мао Цзэдуну наш ЦК сообщал:

"Мы думаем ответить таким образом: Советское правительство всегда стояло и продолжает стоять за прекращение войны и установление мира в Китае, но раньше, чем дать свое согласие на посредничество, оно хотело бы знать, согласна ли другая сторона - китайская компартия, принять посредничество СССР. Ввиду этого СССР хотел бы, чтобы другая сторона - китайская компартия, была осведомлена о мирной акции китайского правительства и было бы запрошено согласие другой стороны на посредничество СССР. Мы думаем так ответить и просим сообщить, согласны ли Вы на это. Если не согласны, подскажите нам более целесообразный ответ.

Мы думаем также, что Ваш ответ, если Вас запросят, должен быть примерно таким: китайская компартия всегда высказывалась за мир в Китае, ибо гражданскую войну в Китае начала не она, а нанкинское правительство, которое и должно нести ответственность за последствия войны. Китайская компартия стоит за переговоры с Гоминьданом, однако без участия тех военных преступников, которые развязали гражданскую войну в Китае. Китайская компартия стоит за непосредственные переговоры с Гоминьданом без каких-либо иностранных посредников".

К этой телеграмме от 10 января Сталиным 11 января 1949 года было сделано разъясняющее дополнение:

"Как видно из сказанного выше, наш проект Вашего ответа на предложение Гоминьдана рассчитан на срыв мирных переговоров. Ясно, что Гоминьдан не пойдет на мирные переговоры без посредничества иностранных держав, особенно без посредничества США. Ясно также, что Гоминьдан не захочет вести переговоры без участия Чан Кайши и других военных преступников. Мы рассчитываем поэтому, что Гоминьдан откажется от мирных переговоров при тех условиях, которые выставляет КПК. В результате получится, что КПК согласна на мирные переговоры, ввиду чего ее нельзя обвинять в желании продолжать гражданскую войну. При этом Гоминьдан окажется виновником срыва мирных переговоров. Таким образом, мирный маневр гоминьдановцев и США будет сорван и Вы можете продолжать победоносную освободительную войну. Ждем ответа".

12 января Мао Цзэдун послал ответ, в котором говорилось, что правительству СССР на ноту нанкинского правительства следовало бы ответить следующим образом: "Правительство СССР всегда желало, а также желает видеть мирный, демократический и единый Китай. Однако каким путем достичь мира, демократии и единства Китая - это собственное дело народа Китая. Правительство СССР, основываясь на принципе невмешательства во внутренние дела других стран, считает неприемлемым участие в посредничестве между обеими сторонами в гражданской войне в Китае..."

...Только СССР имеет крайне высокий авторитет среди народа Китая, поэтому, если СССР в ответе на ноту нанкинского правительства займет такую позицию, как было изложено в Вашей телеграмме от 10.1., то это приведет к тому, что США, Англия и Франция могут считать, что участие в посредничестве является должным и приведет к тому, что Гоминьдан получит повод для оскорбления нас как воинственно настроенных элементов. А широкие народные массы, которые недовольны Гоминьданом и питают свои надежды на скорую победу НОА, будут в отчаянии..."

...сейчас мы склонны к тому, чтобы со всей правотой отклонить мирный обман Гоминьдана, так как сейчас, исходя из того, что соотношение классовых сил в Китае уже имеет коренное изменение и международная общественность тоже не в пользу нанкинского правительства, а НОА летом сего года уже может перейти реку Янцзы и наступать на Нанкин.

Как будто нам не потребуется предпринимать еще раз обходный политический маневр. В настоящей обстановке, от проведения еще раз такого обходного маневра, больше вреда, чем пользы".

На это последовала подписанная Сталиным телеграмма Мао Цзэдуну от 14 января, в которой, в частности, говорилось: "Как можно ответить на такой маневр нанкинцев и США. Возможны два ответа. Первый ответ: прямо и неприкрыто отклонить мирные предложения нанкинцев и тем самым провозгласить необходимость продолжения гражданской войны. Но что это будет означать? Это значит, во-первых, что вы выложили на стол главный козырь и отдасте в руки гоминьдановцев такое важное оружие, как знамя мира. Это

значит, во-вторых, что вы помогаете вашим врагам в Китае и вне Китая третировать компартию, как сторонницу продолжения гражданской войны, и хвалить Гоминьдан, как защитника мира. Это значит, в-третьих, что вы дадите возможность США обработать общественное мнение Европы и Америки в том направлении, что с компартией мир невозможен, так как она не хочет мира, что единственное средство добиться мира в Китае - организовать вооруженную интервенцию держав, вроде той интервенции, которая проводилась в России в течение четырех лет с 1918 года по 1921 год".

Далее говорилось о втором, гибком варианте ответа в духе уже изложенных в первой телеграмме советских предложений. В тот же день, 14 января, Мао Цзэдун, сославшись на получение приведенного выше дополнения от 11 января, заявил в своей телеграмме, что "в основном курсе (срыв мирных переговоров с Гоминьданом, продолжение революционной войны до конца) мы с Вами совершенно едины, "а также сообщил, что они в этот день опубликовали 8 условий, на которых согласны вести мирные переговоры с Гоминьданом. В связи с этим Мао Цзэдуну было сообщено, что из его последней телеграммы "видно, что между нами установилось единство взглядов по вопросу о мирном предложении нанкинцев и что Компартия Китая уже начала "мирную" кампанию. Значит вопрос надо считать исчерпанным"²².

* * *

В Китай я направился под фамилией Андреев и так и подписывал телеграммы, адресуя их на вымышленную фамилию Филиппова²³. Сделано это было по инициативе Сталина на случай, если бы из Китая просочилась информация о моем пребывании там.

Вылетел я в Китай 26 января, прибыл туда 30 января и пробыл до 8 февраля 1949 года. Со мной вместе были в Китае б.министр путей сообщения Ковалев²⁴, намечавшийся тогда в качестве нашего представителя при ЦК КПК и переводчик, работник аппарата ЦК тоже по фамилии Ковалев²⁵.

Из Порт-Артура вылетели рано утром до рассвета и к рассвету прибыли на бывший японский военный аэродром около Шицзячжуана. Встречали главноком Чжу Дэ²⁶, член политбюро Жэнь Биши и переводчик Ши Чжэ²⁷. Отсюда на трофейном додже ехали километров 160-170 к местонахождению ЦК партии и ревкома - Сибайпо, расположенному в горном ущелье.

Первые два дня Мао Цзэдун вводил в курс истории китайской революции и имевшей место фракционной борьбы внутри китайской компартии. Позже, при следующих встречах, также возвращался к этим вопросам истории КПК, много говорил, как тяжело ему было бороться против левого и правого уклонов, как партия была разбита и армия была разгромлена из-за деятельности Ван Мина²⁸, которого поддерживал Коминтерн, как потом удалось исправить ошибки, как фракционеры уничтожали кадры китайских коммунистов, и что он сам едва жив остался, его арестовывали, исключали из партии, хотели уничтожить. Но с того времени, как Ван Мина и Ли Лисаня²⁹ удалось разоблачить, Мао Цзэдун, по его словам, работает хорошо со своими товарищами, положил конец уничтожению партийных кадров. Он был и остается сторонником проявления терпимости внутри партии, считает, что не надо выводить из ЦК за разногласия, не надо преследовать.

Вот Ван Мин, говорил Мао Цзэдун, сыграл плохую роль, но мы его оставили в ЦК, он находится в расположении ЦК, хотя никакой работы фактически не ведет. Он очень подробно говорил об ошибках Ван Мина, видимо хотел проверить, как мы к нему относимся и нет ли у нас попыток на него опереться или слушать его советы. Мне было известно о разногласиях между

Мао Цзэдуном и Ван Мином и я не поддерживал разговоров о нем. Еще в Москве условились, что с Ван Мином я встречаться не буду, на беседах же у Мао Цзэдуна он ни разу не присутствовал и не пытался встретиться со мной.

Заслуживают внимания некоторые вопросы, обсужденные с Мао Цзэдуном и другими членами Политбюро КПК:

1. На мой вопрос, когда думает Мао Цзэдун завершить захват основных промышленных центров Китая - Нанкин, Шанхай и др., он сказал, что с этим не торопится. Он говорил, например, что "потребуется еще 1-2 года для того, чтобы мы были в состоянии целиком политически и экономически овладеть Китаем", давал понять, что до этого война кончиться не может.

При этом он высказал и такую мысль, что они избегают брать крупные города, а стараются захватить сельские районы. Например, не хотят брать Шанхай. Шанхай - мол, крупный город, а у китайской компартии нет кадров. Компартия в основном состоит из крестьян, в Шанхае коммунистическая организация слабая. Наконец, Шанхай живет за счет привозного сырья и топлива. И если они возьмут Шанхай, то привоза топлива не будет, промышленность остановится, разрастется безработица, все это ухудшит положение населения. КПК должна подготовить кадры, к чему уже приступили, и в свое время, когда кадры будут готовы, они займут Шанхай и Нанкин.

Руководствуясь позицией нашего ЦК, выработанной еще до моего отъезда из Москвы, я оспаривал это, доказывал, что чем скорее они займут большие города, тем лучше, кадры вырастут в ходе борьбы. Рано или поздно, вопрос о продовольствии и сырье для Шанхая все равно встанет. Зато занятие Шанхая серьезно ослабит Чан Кайши, даст пролетарскую основу коммунистам.

II. Мао Цзэдун не придавал необходимого значения пролетарской прослойке в составе компартии и внимание КПК к городу и рабочему классу было слабее, чем к крестьянству. Эта позиция коренилась в старом времени, когда компартия и армия действовали в горах, далеко от рабочих центров. Времена изменились, а отношение к рабочим осталось прежним.

Из записей бесед видно, например, что Мао Цзэдун "с удовольствием подчеркнул, что компартия пользуется безраздельным влиянием в деревне, там у нее нет конкурентов. В этом коммунистам помог Чан Кайши своей политикой в отношении крестьянства. Другое дело в городах. Здесь, если среди студенчества компартия пользуется сильным влиянием, то в рабочем классе Гоминьдан сильнее компартии. Например, в Шанхае после победы над Японией, когда компартия работала легально, ее влияние распространялось примерно на 200 тыс. рабочих из 500 тыс. рабочих, остальные шли за Гоминьданом".

Заслуживает внимания и такое высказывание Мао Цзэдуна: "Китайские крестьяне сознательнее всех американских рабочих и многих английских рабочих".

III. Руководствуясь указаниями ЦК, я уговаривал Мао Цзэдуна не откладывать образования революционного правительства Китая, создать его быстро на базе коалиции, что будет выгодно. Скажем, сразу после занятия Нанкина или Шанхая объявить о создании нового революционного правительства. Это было бы выгодно и в международном отношении - после этого коммунисты действовали бы уже не как партизаны, а как правительство - и это облегчило бы дальнейшую борьбу с Чан Кайши.

Мао Цзэдун считал, что не следует торопиться с созданием правительства, говорил даже, что им выгоднее жить без правительства. Если, мол, будет правительство, то будет коалиция, значит, и перед другими партиями

* Так в тексте.

нужно будет держать ответ за свои дела, что внесет сложность. Пока же они действовали как революционный комитет*, независимый от партий, хотя и поддерживали связь с другими партиями. Это, утверждал Мао Цзэдун, помогает очистить страну от контрреволюционных элементов. Он упорствовал в этом деле, доказывал, что правительство надо организовать не сразу после взятия Нанкина (предполагалось в апреле), а лишь в июне или июле. Я же настаивал на том, что лишняя оттяжка образования правительства ослабляет силы революции.

Как известно, правительство было образовано 30 сентября.

IV. О Порт-Артуре. Мао Цзэдун рассказал, что к нему приходила одна женщина - буржуазный общественный деятель и поставила вопрос о том, что когда революционное правительство придет в Китае к власти, то Советскому Союзу уже не будет смысла сохранять военно-морскую базу в Порт-Артуре и что для Китая получить обратно эту базу будет великим делом.

Мао Цзэдун сказал, что, по его мнению, такая постановка вопроса неправильна, эта женщина не понимает политики, что в Китае коммунисты и в Советском Союзе коммунисты, но это не исключает, а вполне допускает, чтобы осталась советская база в Порт-Артуре. Поэтому они, китайские коммунисты, стоят за то, чтобы эта база сохранилась. Американский империализм сидит в Китае для угнетения, а Советский Союз сидит в Порт-Артуре для защиты от японского милитаризма. Когда Китай настолько окрепнет, что будет в состоянии защищаться от японской агрессии, тогда СССР сам не будет нуждаться в базе в Порт-Артуре.

Наш ЦК и Сталин имели иной подход к этому вопросу: не нужно иметь там базу, если правительство в Китае будет коммунистическим. Я изложил китайским товарищам эту позицию. Получив мое сообщение о китайской позиции в этом вопросе, Сталин писал в телеграмме для Мао Цзэдуна 5 февраля 1949 года:

"...С приходом к власти китайских коммунистов обстановка меняется в корне. У Советского правительства имеется решение отменить этот неравный договор³⁰ и увести свои войска из Порт-Артура, как только будет заключен мир с Японией и, следовательно, американские войска уйдут из Японии. Однако, если Компартия Китая сочтет целесообразным немедленный вывод советских войск из Порт-Артурского района, то Советский Союз будет готов исполнить это пожелание КПК".

Мао Цзэдун настаивал на своем, но видно было, что у него какие-то свои тактические соображения, которые он не раскрывал.

V. О Синьцзяне. Этот вопрос также представляет интерес. У Мао Цзэдуна были подозрения в отношении наших намерений в Синьцзяне. Он говорил о том, что в Илийском округе Синьцзяна существует движение независимости, которое не подчиняется урумчинскому правительству и что там существует коммунистическая партия. Рассказывал, что когда он в 1945 году встречался с Бай Чунси³¹ в Чунцине, тот передал, что в Илийском округе местные повстанцы располагают артиллерией, танками и самолетами советского производства.

Я ему четко заявил, что мы не стоим за движение независимости синьцзянских народностей и, тем более, не имеем никаких притязаний на синьцзянскую территорию, считая, что Синьцзян входит и должен входить в состав Китая.

Мао Цзэдун внес предложение о постройке железной дороги между Китаем и СССР через Синьцзян. Жэнь Биши, в качестве варианта, предложил построить такую дорогу через Монголию. Позже, когда обсуждался этот вопрос в Москве, Сталин высказался за то, чтобы строить дорогу через Монголию,

поскольку путь короче и строительство дешевле, а во вторую очередь строить дорогу через Синьцзян.

VI. О Монголии. Мао Цзэдун по своей инициативе спросил, как мы относимся к объединению Внешней³² и Внутренней Монголии³³. Я ответил, что мы такое объединение не поддерживаем, так как оно привело бы к потере значительной территории Китая. Мао Цзэдун сказал - он считает, что Внешняя и Внутренняя Монголия могли бы объединиться и войти в состав Китайской Республики. На это я ему заявил, что это невозможно потому, что Монгольская Народная Республика давно пользуется независимостью. После победы над Японией и китайское государство признало независимость Внешней Монголии. МНР имеет свою армию, свою культуру, быстро идет по пути культурного и хозяйственного развития, она давно поняла вкус независимости и вряд ли когда-нибудь добровольно от независимости откажется. Если она когда-нибудь и объединится с Внутренней Монголией, то в результате наверняка образуется объединенная независимая Монголия. Присутствовавший на беседе Жэнь Биши подал при этом реплику, что во Внутренней Монголии три миллиона населения, а во Внешней Монголии - один миллион. В связи с этой моей информацией Сталин прислал мне телеграмму для ознакомления Мао Цзэдуна, в которой указывалось:

"Руководители Внешней Монголии стоят за объединение всех монгольских районов Китая с Внешней Монголией под знаком независимости объединенного монгольского государства. Советское правительство высказывается против этого плана, так как он означает отрыв от Китая ряда районов, хотя этот план и не угрожает интересам Советского Союза. Мы не думаем, чтобы Внешняя Монголия пошла на отказ от своей независимости в пользу своей автономии в составе Китайского государства, если даже все монгольские районы будут объединены в автономную единицу. Понятно, что решающее слово в этом деле принадлежит самой Внешней Монголии".

По ознакомлении с этой телеграммой Мао Цзэдун сказал, что он принимает ее к сведению и что "они, конечно, не защищают велико-китайскую шовинистическую линию и не будут ставить вопрос об объединении Монголии".

VII. О признании будущего революционного правительства другими странами. У Мао Цзэдуна было два варианта на этот счет - первый, чтобы иностранные государства и первым СССР сразу признали новое правительство Китая. Второй вариант, которому Мао Цзэдун явно отдавал предпочтение, заключался в том, чтобы не добиваться немедленного признания нового правительства, а если иностранное правительство заявит о своем желании признать его, то не отвергать, но и согласия пока не давать, продолжая такую тактику примерно в течение одного года. Выгоды второго варианта, говорили китайцы, заключаются в том, что, имея свободные руки, новое правительство легче может нажимать на все иностранное в Китае, не считаясь с протестами иностранных правительств.

* * *

Мао Цзэдун все время говорил, что они, ЦК КПК, ждут указаний и руководства от нашего ЦК. Я ему отвечал, что ЦК нашей партии не может вмешиваться в деятельность ЦК Коммунистической партии Китая, не может давать никаких указаний, не может руководить Компартией Китая. Каждая из наших партий самостоятельна, мы можем давать только советы, когда нас об этом попросят, но указаний давать не можем.

Мао Цзэдун упорствовал, заявлял, что ждет указаний и руководства от нашего ЦК, так как у них еще мало опыта, нарочито принимал свою роль, свое

значение, как руководителя и как теоретика партии, говорил, что он только ученик Сталина, что он не придает значения своим теоретическим работам, так как ничего нового в марксизм он не внес и проч.

Это, я думаю, восточная манера проявления скромности, но это не соответствует тому, что на деле Мао Цзэдун собой представляет и что он о себе думает.

В подтверждение сказанного выше приведу некоторые выдержки из имевших тогда мест бесед с Мао Цзэдуном. Уже во время первой беседы он заявил:

"Прошу учесть, что Китай сильно отстал от России, мы слабые марксисты, делаем много ошибок*, и если к нашей работе подходить с меркой России, то окажется, что у нас ничего нет".

Я ответил, что "эти слова, возможно, свидетельствуют о скромности лидеров ЦК КПК, но с ними трудно согласиться. Нельзя 20 лет руководить гражданской войной в Китае, привести ее к такой победе, будучи слабыми марксистами. Что касается ошибок, то они бывают у всех активно действующих партий. И наша партия совершает ошибки, но она твердо держится правила беспощадно вскрывать свои ошибки, чтобы их не повторять и учиться на них. Мао Цзэдун добавил, что ошибки они совершают честно** и исправляют честно и привел пример. В 1946 году ЦК КПК совершил ошибку в проведении земельной реформы¹⁴. Когда стали разбираться, оказалось, что еще в 1933 году о земельной реформе им было написано совершенно правильно¹⁵, о чем забыли в 1946 году. Если бы снова в 1946 году это прочитали, этих ошибок не совершили бы. Они вновь перепечатали в 1946 году то, что было написано о земельной реформе в 1933 году и открыто объявили крестьянам об этой своей ошибке, взяв на себя всю ответственность за ошибки, ибо руководство отвечает за ошибки низовых работников, хотя само руководство этих ошибок не совершило.

Я заметил, что нельзя соглашаться с утверждением Мао Цзэдуна о том, что если подойти к китайской революции с российской меркой, то окажется - ничего нет:

Во-первых, китайская революция представляет из себя великое историческое событие, во-вторых, было бы неправильно применять российскую мерку без учета той конкретной действительности, в которой протекает революция в Китае.

Как бы в подтверждение этого, Мао Цзэдун сказал, что КПК в 1936 году*** в советских районах проявила догматизм, копируя советские методы, что привело тогда к серьезному поражению".

Далее Мао Цзэдун заявил, что "одной из больших задач КПК является марксистское просвещение кадров. Раньше у них считалось, что кадры должны прочитать всю марксистскую литературу. Теперь убедились, что это невозможно, ибо кадры учатся у них, одновременно ведя большую практическую работу. Поэтому они решили обязать свои кадры прочитать двенадцать марксистских произведений. Перечислив эти произведения (Манифест. От утопии к науке¹⁶. Государство и революция. Вопросы ленинизма и другие), он не назвал ни одного китайского марксистского произведения.

Я тогда спросил Мао Цзэдуна, считает ли он правильным, что в списке 12 книг для партпросвещения кадров КПК нет ни одного произведения лидеров

* подчеркнуто в оригинале

** Так в тексте.

*** Так в тексте. Видимо, речь шла о политике КПК в опорных базах в первой половине 30-х годов.

КПК, теоретически освещающего опыт китайской революции.

Мао Цзэдун ответил, что он, как лидер партии, ничего нового не внес в марксизм-ленинизм и не может себя ставить в один ряд с Марксом, Энгельсом, Лениным и Сталиным.

Подняв бокал за здоровье товарища Сталина, он подчеркнул, что в основе теперешних побед китайской революции лежит учение Ленина-Сталина и что Сталин не только учитель народов СССР, но и учитель китайского народа и народов всего мира. О себе Мао Цзэдун сказал, что он ученик Сталина и не придаст значения своим теоретическим работам, что они только претворяют в жизнь учение марксизма-ленинизма, ничем его не обогащая.

Более того, он лично послал на места строгую телеграмму, запрещающую называть его фамилию вместе с фамилиями Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина³⁷, хотя об этом ему приходится спорить со своими ближайшими товарищами.

Я ответил, что это говорит о скромности Мао Цзэдуна, но с ним нельзя согласиться. Марксизм-ленинизм применяется в Китае не механически, а на основе учета особенностей, конкретных условий Китая. У китайской революции свой путь, дающий ей облик антиимпериалистической революции. Поэтому освещение опыта КПК не может не представлять теоретической ценности, не может не обогатить марксистскую науку. Разве можно отрицать также, что обобщение китайского опыта имеет теоретическую ценность для революционного движения стран Азии. Конечно, нельзя.

Мао Цзэдун заметил, что у них сильное ударение на особенности Китая делали сторонники Ван Мина для борьбы против линии партии³⁸.

На это я ответил, что обычно националистические элементы конкретные исторические особенности своих стран используют для того, чтобы свернуть партию на путь буржуазного перерождения, марксисты же учитывают эти особенности, чтобы по-марксистски-ленински руководить революцией, с чем не стал спорить Мао Цзэдун".

В моей телеграмме от 5 февраля 1949 года сообщалось, что в одной из бесед Мао Цзэдун "подчеркнул, что при разработке вопроса о характере китайской революции он основывался на высказываниях товарища Сталина, относящихся к 1927 г, и на его позднейших работах о характере китайской революции.

Мао Цзэдун сказал, что для него особенно ценным оказались указания товарища Сталина о том, что китайская революция является частью мировой революции, а также критика национализма Симича³⁹ из Югославии.

Мао Цзэдун несколько раз подчеркнул, что он является учеником товарища Сталина и держится просоветской ориентации".

* * *

Во время последней беседы, состоявшейся 7 февраля, Мао Цзэдун выразил удовлетворение проведенным обсуждением важнейших вопросов и горячо благодарил Сталина за заботу о китайской революции.

Когда я прибыл во Владивосток, туда позвонил Поскребышев и по поручению Сталина сообщил, что Политбюро очень довольны сделанной мной работой в Китае. Каждый день на Политбюро зачитывались и обсуждались мои телеграммы. Сталин просил поскорее прибыть в Москву и рассказать обо всем поподробнее.

Приехав в Москву, я действительно узнал, что Сталин и другие члены Политбюро были довольны и считали, что я хорошо выполнил свою миссию.

Прилагаются тексты моих телеграмм из Сибайпо и полученных мной ответов на них из Москвы.

А.Микоян

АП РФ. Ф. 3, оп. 65, д. 606, лл. 1-17
машинписный текст, копия

(продолжение следует)

1. Подробно об этом см.: А.М.Ледовский. Китайская политика США и советская дипломатия. - М., 1985. - С. 191-211.
2. А.Я.Орлов (?-1949 г.); в то время для шифрпереписки использовал псевдоним "Теребин".
3. Архив Президента РФ (Далее: АП РФ); Ф. 39, оп. 1, д. 31, л. 23.
4. Там же, л. 24.
5. Жэнь Биши (1904-1950), в то время - член Политбюро и секретариата ЦК КПК.
6. Чэнь Юнь (1904-), в то время - член Политбюро и член Северо-Восточного бюро ЦК КПК.
7. АП РФ. ф. 39, оп. 1, д. 31, л. 30-31.
8. Там же, л. 32.
9. Фу Цзюи (1895-1974). Один из генералов армии Гоминьдана. В то время - командующий группировкой войск в Северном Китае.
10. АП РФ. ф. 39, оп. 1, д. 31, л. 33.
11. Там же, л. 34.
12. Там же, л. 35-36.
13. Там же, л. 37.
14. Там же, л. 38.
15. Мельников - второй советский врач и связник Москвы. Настоящее имя и годы жизни не установлены.
16. АП РФ. Ф. 39, по. 1, д. 31, л. 40.
17. Там же, л. 41.
18. Там же, л. 42.
19. Там же, л. 44.
20. См. Записку А.И.Микояна.
21. Видимо, имеется в виду Военный совет ЦК КПК.
22. См. также: С.Л.Тихвинский "Переписка И.В.Сталина с Мао Цзэдуном в январе 1949 г." в журнале "Новая и новейшая история". - М., 1994. - N 4-5. С. 132-140.
23. Филиппов - псевдоним, употреблявшийся И.В.Сталиным в эти годы в шифрпереписке.
24. Ковалев И.В. (1901-1993). В 1948-1949 гг. - руководитель группы советских специалистов по экономическим вопросам, представитель ЦК ВКП(б) при ЦК КПК.
25. Ковалев Е.Ф. (1907 -), в то время - ответственный работник аппарата ЦК ВКП(б).
26. Чжу Дэ (1886-1976), в то время - член Политбюро и секретариата ЦК КПК, Главком НОАК.
27. Ши Чжэ (1914-), в то время - работник аппарата ЦК КПК.
28. Ван Мин (Чэнь Шаоюй) (1904-1974), в то время - член ЦК КПК, зам. председателя Политико-юридического комитета.
29. Ли Лисань (1899-1967), в то время - член ЦК КПК, зам. председателя Всекитайской федерации профсоюзов.
30. Имеется в виду Договор о дружбе и союзе, подписанный 14 августа 1945 г. в Москве представителями правительств Советского Союза и Китайской Республики. Одновременно были подписаны соглашения: о Китайской Чаньчуньской ж.д. (предусматривало совместную эксплуатацию); о Порт-Артуре (предусматривало

использование обеими сторонами в качестве военно-морской базы, оборона которой вверялась СССР); о Дальнем (предусматривало объявление Дальнего портом, свободным, открытым для торговли и судоходства всех стран и передачу части пристаней и складских помещений Советскому Союзу в аренду.) Договор был аннулирован советской стороной в связи с подписанием 14 февраля 1950 г. Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КРН.

31. Бай Чунси (1893-1966) - в то время видный деятель гоминьдановского правительства.
32. Имеется в виду МНР.
33. В то время - районы, населенные монголами на территории ряда провинций Северного и Северо-Восточного Китая.
34. Имеются в виду левачские перегибы в ходе осуществления аграрной политики КПК в 1946-1947 гг.
35. Имеется в виду работа Мао Цзэдуна "Как определять классовую принадлежность в деревне (октябрь 1933 года)", см.: Мао Цзэдун. Избранные произведения. - М., 1952. - Т. 1. - С. 229-234. Эта работа, а также ряд документов того времени были переизданы КПК в конце 40-х годов.
36. Имеются в виду "Коммунистический Манифест", "Развитие социализма от утопии к науке".
37. Документ не опубликован.
38. В действительности в те годы и позднее в документах КПК и историографии КНР Ван Мина обвиняли в догматизме, копировании советского опыта, в непонимании необходимости учитывать особенности Китая и китайской революции.
39. Симич, Станое. В то время министр иностранных дел Югославии.

Русские в Китае

Шанхай моей молодости

Шанхай. Набережная реки Вампу.
Международный Сеттльмент
("Банд").

Многие журналисты, литераторы, описывавшие Шанхай 30-х годов, обращали внимание на русских волонтеров во французской полиции. Восхищались их выправкой, честным, добросовестным выполнением своих обязанностей. Как правило, не обходилось без предположений о том, что выправка и бравый строевой шаг свидетельствуют о закалке, полученной в кадетских школах и юнкерских училищах. Однако это далеко не так. Во французскую полицию попадала не только "военная косточка". Много было в ней простых российских парней, а общечеловеческие достоинства были заложены в них прежде всего православным воспитанием, стремлением честно отрабатывать свой хлеб. Об этом свидетельствует судьба Г.В.Хотковского, которую он описывает в своем письме в редакцию.

Свыше 50 лет прошло с тех пор, многое в памяти стерлось, но основные события остались, как и память о друзьях, живых и уже ушедших в мир иной. Харбин и Шанхай - это две главные вехи моей молодости. Помню, как в конце 1931 года мои родители и их знакомые стали говорить о том, что японцы начали оккупацию Маньчжурии и, вероятно, скоро дойдут до Харбина. Среди русских лишь единицы поддерживали японское вторжение. Большинство были против и считали, что японская оккупация ничего хорошего не принесет ни китайцам, с которыми у нас были прекрасные отношения, ни русским. Этого же мнения были и мои родители.

И вот в один морозный февральский день 1932 года, рано утром в окрестностях Харбина послышались звуки канонады. После полудня по улицам прошли отступающие, плохо одетые китайские солдаты и в город за ними вошли

хорошо экипированные японские солдаты, в полушубках, шапках-ушанках. Офицеры были в желтых сапогах, с шашками, солдаты в добротных ботинках, с новенькими винтовками. Нам, подросткам, а мне в то время было 12 лет, все это было в диковинку. Помню, что многие русские женщины, провожая китайских солдат, плакали, выносили им еду. Но были и такие, кто приветствовал японцев, встречал их хлебом-солью.

Как потом стало ясно, они не понимали и не представляли, что их ожидает впереди, надеялись, вероятно, на порядочность японской военщины, но надежды потом быстро развеялись. Это сейчас всем ясно, что в 30-х годах Токио начал планомерную японизацию Маньчжурии. Не встречая существенного сопротивления, японцы быстро оккупировали Маньчжурию и уже в марте 1932 года провозгласили организованное ими государство Маньчжоу-Го, а позднее поставили во главе его своего марионеточного императора ПУ И. Он проезжал по улицам Харбина под мощной охраной японских солдат, которые заставляли всех прохожих повернуться спиной к проезжей части, лицом к стенам и заборам.

Японцы, провозгласив Маньчжоу-Го, объявили, что в империи все народы - китайцы, японцы, русские, монголы, корейцы и другие - отныне равны между собой, и первое время они старались особенно не выделяться. Но потом полновластным хозяином в крае стала японская военщина.

Харбин 1932 года остался в памяти и еще одним событием - небывалым наводнением. Обычно спокойная река Сунгари разлилась на несколько километров и затопила всю прибрежную часть города, особенно Пристань, где я проживал с мамой (отец умер). Местами здесь вода поднялась до середины первых этажей домов. Многим жителям пришлось переселиться. Мы переехали в противоположную часть города, в Гондательку. В связи с наводнением и вызванным им нарушением канализации, в городе началась эпидемия холеры. Благодаря экстренным мерам, массовым прививкам и самоотверженности русских врачей, эпидемию удалось локализовать. Но очень много жертв было в Фуцзядяне, густонаселенном китайском районе города.

В Гондательке мы осели надолго и мне пришлось несколько лет ходить в школу на Пристань через весь город, из конца в конец, до десяти километров. Наше материальное положение было тяжелым и пользоваться трамваем я не мог, ходил пешком. Особенно тяжело было зимой, когда морозы доходили до 30 градусов. Часто руки и ноги обмораживал, что дает знать о себе и сейчас.

Японизация Харбина быстро набирала обороты. Появились японские предприятия и магазины. Русские и особенно китайцы откровенно вытеснялись из всех сфер экономики. Советский Союз был принужден продать свою часть прав на КВЖД правительству Маньчжоу-Го, а фактически японцам. Работники дороги, советские поданные, эвакуировались в СССР, в том числе и многие мои друзья. Их заменяли японцы. Они шаг за шагом обосновывались в стране. Стали вывешиваться японские флаги, внедряться японский язык. Во всех русских учебных заведениях, в том числе и в Правительственной гимназии, где я учился, дополнительно к китайскому и английскому языкам ввели еще и обязательный японский.

Была введена и постоянно ужесточалась цензура Японской военной миссии в харбинской печати и на радио. И все же, невзирая на притеснения, русские в Харбине старались сохранить свой духовный мир, традиции. Я и мой друг Валентин Зуев собрали небольшой радиоприемник и имели возможность слушать передачи их Хабаровска. Нас радовала возможность услышать русские голоса с такой далекой, и в то же время близкой нашим душам Родины. Это было опасным делом, приемник приходилось прятать, иначе можно было угодить в японскую жандармерию с малыми шансами вернуться домой.

Конечно, среди русских были и те, кто сотрудничал с японцами. Время было сложное. Но в памяти остались прежде всего такие, как мой учитель в Правительственной гимназии Алексей Алексеевич Шумских. Он призывал нас не верить ни японцам, ни немцам. Не верить их словам о желании якобы помочь России в освобождении от большевиков. Великая Россия, учил он нас, возродится только с помощью самих русских, и надо любить свою Родину, хотя многие из нас ее и не видели. Такие были у нас учителя. Честь и слава им, что и в трудных условиях они воспитывали своих учеников в духе патриотизма, помогали проникнуться старыми русскими традициями, историей Руси и православной верой.

Летом 1938 года, после поражения японцев у озера Хасан, притеснения со стороны японцев усилились. В магазине Чурина, где я работал, русское руководство стало заменяться немцами, союзниками японцев, а в дальнейшем и японцами. Потом поползли слухи, что скоро начнется призыв русских в армию Маньчжоу-Го, а фактически в японскую. У меня же был как раз призывной возраст. Русская молодежь старалась выехать из Харбина кто куда мог. Я решил перебраться в Шанхай, куда несколько раньше уехал мой друг детства Олег Грешнер. В конце концов я с большим трудом вырвался туда, что, может быть, и спасло меня. Ведь некоторые мои товарищи из-за отказа служить в армии Маньчжоу-Го погибли в японских застенках.

Я обратился за выездной визой, но меня сразу же вызвали в японскую жандармерию и начали выяснять причину моего стремления уехать из Харбина. Убеждали в том, что русским прекрасно живется в Маньчжоу-Го и нет причин покидать Харбин. В визе мне было отказано. Понадобилось письмо якобы от тети, которая приглашала меня и обещала создать условия для дальнейшей учебы в Шанхайском университете, я вновь обратился в жандармерию и после долгих проволочек, частых вызовов для бесед с уговорами остаться мне все же выдали визу на выезд в Шанхай.

В апреле 1939 года я поездом выехал из Харбина в Дальний, а потом пароходом, в третьем классе - это голый трюм с циновочными подстилками на полу - прибыл в Шанхай, в многомиллионный город, крупнейший порт мира. В руках небольшая корзинка с личными вещами, в кармане десять японских иен, без знания английского языка, основного для европейца в этом городе - на такой риск можно решиться, конечно, только в молодости. Однако не следует забывать, что важным стимулом при этом было нежелание служить в японской армии. Русские в Шанхае на 90% по моему мнению, были харбинцами, и японская оккупация Маньчжурии сыграла при этом основную роль.

Потратив несколько дней на бесплодные поиски работы, я в конце концов с помощью все того же Олега Грешнера устроился в Русский вспомогательный отряд французской полиции, где он служил. Это спасло меня, так как в то время найти работу в Шанхае, не имея связей и рекомендаций, было практически невозможно.

Все, конечно, относительно. Я был холост, молод, здоров. Поэтому жизнь в казарме, питание, обмундирование и неплохие деньги меня устраивали и все было в "розовом цвете", хотя служба была не из легких. Она включала четырехчасовое патрулирование на улицах французской концессии или на ее границах, охрану дипломатических представительств в любое время суток. Особенно тяжело было летом душными ночами и на невыносимой жаре при большой влажности, когда пот течет ручьями, не испаряясь. Несколько спасали пробковые шлемы. Асфальт на улицах плавился. Но приходилось быть в форме, с браунингом и "матракой" (дубинкой), а на границе еще винтовка или автомат. Часто через четыре часа отдыха приходилось вновь идти в патруль по графику.

Русский вспомогательный отряд французской полиции в Шанхае на авеню Дюбайль. Второй справа Хотковский.

Большую часть времени проводили в казарме. Увольнительную выдавали после 5 часов вечера, а в воскресенье в течение всего дня в свободное от патрулирования время. Конечно, если не объявлялось чрезвычайное положение, когда отменялись все увольнения и необходимо было находиться в казарме для того, чтобы в любой момент выехать по вызову полиции.

Круглосуточное патрулирование обеспечивало безопасность населения концессии. Жители безбоязненно ходили в любое время суток. Кроме русских в патрулировании участвовали китайцы и представители народностей французского Индокитая, по большей части вьетнамцы. Патруль состоял, как правило, из двух человек, старшего русского и помощника китайца, на велосипедах, бронемашинах или в пешем порядке. Контроль за патрулированием осуществляли французские офицеры полиции, но и среди них было много русских с французским подданством, а также офицеры и сержанты нашего отряда.

Дисциплина в отряде была строгой, с постоянной муштрой и тренировками. И неудивительно, что отряд во время ежегодного парада в честь взятия Бастилии 14 июля выделялся своей выправкой, четким шагом. Командование отрядом было исключительно русским во главе с генералом Адамовичем, запомнились капитан Бибиков, который помог мне устроиться в отряд, и лейтенант Хабаров, он был посаженным отцом на моей свадьбе.

В отряде мы числились как "ажан оксильер" (вспомогательный агент полиции), а позднее генерал Адамович добился у французов, чтобы нас даже в официальных документах называли "солда рюсс" (русские солдаты). Вскоре я стал капралом, меньше стал ходить в патруль, но регулярно дежурил по отряду.

Развлечений в казарме не было, но жили мы дружно, конечно, без спиртного. Свободное время каждый проводил по-своему. Мне нравилось прокатиться на арендованном велосипеде по улочкам города, вдали от центра, мимо памятника А.С.Пушкину, поставленного в 1937 году в день столетия гибели поэта на деньги русских шанхайцев. Во время японской оккупации бронзовый бюст поэта был демонтирован японцами и увезен на переплавку. В 1947 году памятник был восстановлен и простоял почти 20 лет и вновь разрушен в годы "культурной революции", но сейчас вновь восстановлен.

Русская колония в Шанхае была достаточно большой. Многие русские имели свои магазины или работали в сфере услуг продавцами, барменами, официантами, музыкантами. Те, кто знал иностранные языки, устраивались на иностранные предприятия и находились в лучшем материальном положении.

Я часто посещал кинотеатры "Катей", "Гранд" и другие. Но предпочитал, конечно, "Думер", где демонстрировались русские кинофильмы или иностранные с титрами на русском языке. Многие китайские магазины имели вывески на русском языке и служащие в них говорили по-русски.

Шанхай в те годы был четко распределен на части почти с пограничным разделением. В центре были международный сэттльмент и французская концессия. Именно на территории концессии была многочисленная русская колония, несколько православных церквей, в том числе Кафедральный Собор иконы Божьей Матери "Споручница грешных", Свято-Николаевская церковь, где я венчался и крестил сына. Также было несколько французских школ для русских эмигрантов, где преподавание велось на русском языке с усиленным изучением французского, например школа "Эколь Реми", где директором был Никола де-Шолле, очень хорошо относившийся к русским.

Международный сэттльмент управлялся англичанами и там основным языком был английский. Охрану в нем несла английская полиция, и нам во французской форме ходить туда запрещалось. Границы как таковой не было, но по одной стороне улицы ходили английские полицейские, а по другой французские. Улица имела два названия, но передвижение было свободным.

Вокруг концессии и сэттльмента были чисто китайские кварталы, впоследствии оккупированные японцами. До 40-х годов во французской концессии японцев не было, что для меня было особенно приятно. Не выветрилось из памяти их засилье и поведение в Харбине. Проезд японцам через концессию разрешался только в сопровождении русского "ажана", что сильно возмущало японских офицеров, которым приходилось высаживаться из кабины автомобиля и забираться в кузов. Мы занимали его место и сопровождали автомобиль до противоположной границы. В случае отказа от соблюдения подобного порядка автомобиль не пропускаялся.

Центр города поражал своим многолюдием, обилием световых реклам, богатыми витринами магазинов, многоэтажными зданиями. Здесь все резко контрастировало с шумными бедными китайскими кварталами. Первое время меня удивляло, что китайцы ходили, как правило, не по тротуарам, а по проезжей части улицы. Потом мне разъяснили, что эта привычка сохранилась со времен колониального господства иностранцев, когда китайцам не разрешалось пользоваться тротуарами.

Главной магистралью французской концессии была авеню Жоффр - средоточие русских магазинов, ресторанов, ночных клубов. Особенно знаменит был ресторан "Ренессанс", где часто выступал Александр Вертинский.

В начале 1941 года в Шанхае проводился набор в английскую армию для службы в Сингапуре. Я, пройдя комиссию, начал готовиться к отъезду. Но за несколько дней до выезда мой друг, сержант Маткевич, рассказал мне, что видел во сне мою мать, которая просила его отговорить меня от поездки. Я не под-

писал контракт. Не могу утверждать, видел ли Маткевич сон действительно, или придумал его, но все английские пароходы, вышедшие в то время из Шанхая, были потоплены японцами и, следовательно, благодаря другу я остался жив.

Жизнь продолжалась и в военное время. В 1942 году я женился на бывшей харбинке Бердниковой Кате. После сдачи экзамена по французскому языку был переведен во французскую полицию. Покинув казарму, снял комнату, которую трудно было назвать жильем. Это было 10-метровое чердачное помещение в 5-этажном доме с дырявой крышей. В дождь была постоянная капель с потолка. И за это приходилось платить половину моего заработка. Вскоре мы вынуждены были съехаться с матерью и братом Кати, которые жили в большей комнате, но также без удобств, в китайском квартале концессии.

После начала Великой Отечественной войны русская колония в Шанхае заметно разделилась по убеждениям. В большинстве своем все желали победы русскому народу, но были и недоброжелатели. В силу обстоятельств большинство из нас могло помочь Родине только сбором денег и отправкой посылок через консульство. Были попытки отдельных русских, например Бориса Писковитина из нашего отряда, добраться до Родины, но эти попытки, как я слышал, кончались гибелью смельчаков, так как они попадали в руки японцев, окружавших город.

В Шанхае выходила газета "Новая жизнь" и работала радиостанция "Голос Родины", передававшая сообщения советского информбюро с фронта. У меня дома была карта, на которой я переставлял флажки на булавках, и очень радостно было на душе, когда линия фронта стала продвигаться на запад до Берлина.

После нападения японцев на Пирл-Харбор началось вытеснение европейцев из международного сэттльмента и передача власти китайцам, а фактически началось правление японских оккупационных войск.

В конце концов по разным причинам в 1944 году концессия была передана китайцам, французы эвакуировались в Индокитай, а русский вспомогательный отряд был расформирован. У нас же с Катей родился сын Владимир, а я пополнил и без того огромную армию безработных.

Пришлось перебиваться на разных работах, чтобы содержать семью. Купил старенький велосипед и стал возить картофель из ближайших китайских деревень, снабжая небольшие рестораны. Было очень тяжело, так как ездить приходилось в любую погоду, а доход был небольшим. Когда заказов на овощи не было, дежурил ночами у тяжелобольных во французском госпитале святой Марии. Иногда с друзьями арендовали у китайцев арбу и перевозили по заказам тяжелые грузы. Это была адская работа, но другого выхода не было, безработица в городе росла.

Затем удалось устроиться на небольшой кустарный химический завод по выпуску окиси вольфрама. Работа заключалась в закладывании в огнеупорные тигли руды, которая заливалась кислотой и смесь постоянно перемешивалась на огне. Мы задыхались от паров кислоты по несколько часов. Никакой охраны труда, защитных средств, конечно, не было. Но хозяин вскоре был арестован японцами, так как часть продукции сбывалась партизанам. Мне вновь пришлось искать работу.

В это время начались американские бомбежки окраин города, где размещались верфи. Бывшая французская концессия в эту зону не попала, нам повезло. А вскоре, к всеобщей радости русских, мы узнали, что Япония капитулировала. В Шанхае появились американские войска.

Открылась биржа труда и я с другом Сергеем Клепиковым стал регулярно посещать ее. После нескольких недель нам, можно сказать, повезло. Появилось объявление о пяти вакансиях вулканизаторщиков. Сергей предложил

попытать счастья и согласиться на ту работу, хотя мы не знали в чем она заключается. Мы получили направление в автопарк американского военного аэродрома. Специальность освоили быстро. Отношение к нам рядовых американцев было доброжелательным. Ну и главное - в то трудное время кроме зарплаты мы получали питание в столовой и консервы, которые были большим подспорьем для семьи. Однако через полгода аэродром был закрыт, вновь пришлось обращаться на биржу труда. Мы с Сергеем получили направление в подразделение ООН по оказанию помощи беженцам. Работа заключалась в наблюдении за разгрузкой парходов с гуманитарной помощью.

В начале 1946 года возобновило деятельность советское консульство и я получил советский паспорт. Но из-за этого мне пришлось вновь оставить работу, нас заменили эмигрантами, не принявшими советского гражданства. Так мы почувствовали на себе начало "холодной войны". Появлялись иногда вакансии в английских компаниях, но и там отказывали советским гражданам.

Но, с другой стороны, вскоре было организовано "Общество граждан СССР в Шанхае", при котором был клуб с большой библиотекой и кинозалом, стадион, где проводились различные спортивные соревнования и торжественные мероприятия. При клубе были открыты курсы счетоводов, которые я окончил через несколько месяцев и поступил в Общество кассиром, где и проработал до самого отъезда на Родину в августе 1947 года.

После получения советского гражданства я посетил советского консула в Шанхае и просил разрешения выехать на Родину. Но консул советовал подождать, объясняя это тем, что нет возможности принять людей после разрушительной войны. Лишь летом 1947 года пришло разрешение выехать на Родину желающим. За нами прибыл теплоход "Ильич". На нем более тысячи человек, в их числе и я с семьей, отбыли на Родину, несмотря на то, что среди нас велась усиленная пропаганда против возвращения, с запугиванием, начиная с того, что всех сбросят в пути в море, до более обоснованных, о том, что с прибытием всех арестуют, а семьи разъединят. Но ностальгия, а также воспитанная родителями и гимназией любовь к России были сильнее.

На третий день пути показали берега долгожданной Родины, для многих еще неизвестной, так как родились они за границей. В бухте Находка нас встретил катер с оркестром. Спускаясь с трапа на землю, многие не могли сдержать слез от чувства, что наконец завершились наши скитания и мы вновь обрели Родину, которая нас защитит. К сожалению, многие остались навеки в китайской земле, в том числе и мои родители, всегда мечтавшие о возвращении на Родину.

Разместили нас в военных казармах, обеспечивали по тем временам хорошее питание, особенно для детей. Недели через две из Москвы прибыли представители переселенческого управления и предложили несколько городов, где нас могли принять и обеспечить жильем. Наша семья поездом в теплушке прибыла в Тюмень, где я с тех пор и проживаю.

К сожалению, наше стремление вернуться на Родину, чтобы помочь ей в трудное послевоенное время, омрачалось недобрым отношением к нам как к каким-то преступникам. Многие, особенно партийные деятели, стремились морально унижить меня. Но больше встречалось других людей, чловечных; проявлявших сочувствие и оказывавших помощь. Таких людей, как мастер Коряк Сергей Сергеевич, слесарь Николай Похилюк я буду помнить всю жизнь.

Культура

Мэй Ланьфан в роли Ян-гуйфэй в драме
"Опьянение наложницы"

Памяти великого артиста

© 1995

В.Сорокин

На северной окраине исторической части Пекина, близ ворот Аньдинмэнь, в тихом переулке расположен типичный пекинский "сыхэюань" - обнесенный глухой стеной квадратный двор, окаймленный одноэтажными постройками. Здесь провел свои последние годы крупнейший и популярнейший мастер китайского традиционного театра Мэй Ланьфан. Сейчас здесь музей. Посетитель видит принадлежавшие Мэю театральные костюмы, предметы реквизита, картины, книги. Множество фотографий, запечатлевших сыгранные им роли, встречи с деятелями китайской и мировой культуры. Вот Ч.С.Чаплин: это США, 1930 г. Вот К.С.Станиславский, В.И.Немирович-Данченко,

С.М.Эйзенштейн: это Москва, 1935 г. Настоящими двумя публикациями наш журнал отмечает столетие великого артиста и шестидесятилетие его поистине исторических гастролей в нашей стране, впервые позволивших европейскому зрителю насладиться сокровищами театрального искусства Китая.

А родился будущий артист в октябре 1894г. в южной части старого Пекина на улице Литегуай ("Ли с железным костылем", герой многих легенд). Тот дом был приобретен его дедом Мэй Цяолином, известным актером, когда он перебрался с юга, из Цзянсу, в Пекин. Актером был и его сын Мэй Чжуфэнь. Деда мальчик уже не застал в живых, мать и отец умерли молодыми, так что заботы о его воспитании легли на родственников, многие из коих также были связаны с театром. Жили они небогато, и положение улучшилось лишь после того, как юноша завоевал сценическую известность. В книге воспоминаний Мэй Ланьфана "Сорок лет на сцене" (она переведена у нас в 1963 г.) рассказывается о его годах учения. Сомнений в том, что он продолжит актерскую династию, не было, но когда на восьмом году жизни он попал к своему первому учителю, тот не нашел у мальчика способностей и прекратил занятия. К счастью, следующий наставник оказался более благосклонным и терпеливым.

Учеба состояла главным образом в том, что ученик запоминал с голоса учителя мелодию и слова той или иной арии и затверживал их, одновременно перенимая и соответствующие сценические движения. В традиционном театре суфлеров не существует, артист должен знать весь свой репертуар наизусть. Легче обстоит дело с мелодиями: они не сочиняются, как в Европе, для каждой пьесы отдельно, а переходят из одной в другую - в пределах данного театрального жанра.

Слово жанр здесь применено условно, в соответствии с китайской спецификой. Речь идет не о комедии или трагедии, не о драме или опере - почти все виды китайского театра являются комплексными, сочетают музыку, пение, танец и диалоги. "Жанр" обозначает прежде всего территориальную принадлежность, ареал распространения данной разновидности театра и, следовательно, диалект или наречие, на котором идет исполнение, набор мелодий, особенности сценической манеры, излюбленные сюжеты. Таких жанров насчитываются сотни. Одни из них популярны в масштабах уезда, другие в пределах провинции и лишь единицы могут претендовать на общекитайское значение. Первый среди них - "цзинцзюй", что буквально означает "столичный театр"; у нас приняты также обозначения "пекинская опера" и "пекинская музыкальная драма". Именно с этим театром связал свою судьбу Мэй Ланьфан, хотя он выступал и в другом, более древнего происхождения жанре "куньцюй".

"Куньцюй" был популярен в пекине в конце XVIII века, когда в столицу приехало несколько трупп из провинции Аньхой со своим репертуаром, своими мелодиями и манерой исполнения. Публике понравилось, что сюжеты многих из спектаклей основывались на общеизвестных классических романах и народных легендах. Что наряду со струнными инструментами в оркестре значительную роль играли ударные, задававшие представлению четкий, энергичный ритм. Что наряду с плавными танцевальными движениями немалое место занимали акробатические и батальные, фехтовальные эпизоды. Обосновавшиеся в столице труппы продолжали обогащать свой репертуар, в том числе за счет переработки пьес "куньцюй", использовали мелодии других регионов. Исследователи несколько расходятся в определении даты окончательного оформления "столичного театра". Во всяком случае, это произошло за несколько десятилетий до рождения Мэй Ланьфана.

Иностранец, впервые побывавший в китайском традиционном театре, прежде всего обращает внимание на то, что "там все не как в жизни". Актеры

ходят неестественной походкой, поют непривычным для слуха фальцетом, обыгрывают воображаемые предметы, плавным движением рук показывают, будто открывают и закрывают дверь, взмахом плети - будто садятся на коня. На всех персонажах, даже бедняках, стилизованные костюмы из дорогих тканей, у многих лица окрашены в яркие цвета, образующие причудливые символические узоры. Вдобавок все женские роли до недавнего времени исполнялись мужчинами. Словом, всюду условности. Конечно, условности есть в любом театре, но, как справедливо говорил академик В.М.Алексеев, "своих условностей мы не замечаем, мы просто выросли в них". Тем не менее степень условности может быть различной: в китайском театре она высока.

Вскоре иностранец замечает, что все персонажи делятся на четко выраженные категории, по-нашему амплуа, у каждой из которых свой покров одежды, своя походка, своя манера говорить и петь. Ампуа есть способ обобщения черт, присущих людям разного возраста, темперамента, общественного положения - юный воин, пожилой отец семейства, властный и нередко жестокий сановник, балагур, степенная матрона, томная барышня... За долгие годы путем своего рода эстетизации жизненных наблюдений для каждого ампуа выработался набор приемов, который будущий актер заучивал в детстве и на всю жизнь. Отступление от привычного рисунка роли грозило непониманием и даже гневом зрителей. Об этом необходимо помнить, чтобы понять суть новаторства Мэй Ланьфана.

Во времена его молодости иностранца удивляла и обстановка в театре. Сподвижник Маяковского С.Третьяков, преподававший в Пекине в 20-е годы, рассказывает: "Вы можете прийти в любое время дня. Театр работает от 10 часов утра и за полночь. В театральном зале не перестают гореть лампы. Зрители сидят боком к сцене, за длинными, тянущимися к ней столами. За столами - гул беседы. Пьесы и отрывки из них, представленные на сцене, известны зрителям до последнего слова, до мельчайшего жеста". Добавим, что прислуга непрерывно разносила горячие полотенца, чай и сладости (плата за них и составляла доход театра, ибо билетов не было). Автор этих строк, впервые побывавший в китайском театре в конце 40-х годов, таких порядков уже не застал. Впрочем, не возбранялось хождение по залу, на представление можно было приходиться со своей едой и даже с младенцами.

За день обычно исполнялось около десяти пьес (или фрагментов из них) различного характера с тем, чтобы дать возможность актерам всех ампуа продемонстрировать свое мастерство. А зрители ходили именно "на актеров". И в кульминационные моменты, когда любимый артист исполнял арию или делал головокружительные курбеты, зал затихал, а потом разражался криками одобрения. Заслужить признание у такого искушенного зрителя было нелегко.

Мэй Ланьфан пишет, что впервые он вышел на сцену в одиннадцать лет. Это по китайскому старинному счету возраста, фактически в десять. Но не в репертуаре "столичного театра", а в "куньцзюй". Он исполнил "с необычайным подъемом" арию из знаменитой пьесы Хун Шэна "Дворец вечной жизни" (XVII в.). Мэй и впоследствии выступал в этом жанре, но изредка; славой своей он обязан "столичному театру".

В 1907 г. он входит в труппу "Силянчэн", где выступает ежевечерне то в главных, то во второстепенных ролях. Началась его театральная жизнь, которая длилась более полувека и прерывалась лишь дважды: когда у юноши ломался голос и в годы японской оккупации. Вечера юноша проводил в театре, утро и день посвящались продолжению учебы. Помимо заучивания ролей, много времени он уделял гимнастическим и фехтовальным упражнениям. Совершенное владение своим телом позволило молодому артисту расширять и разнообразить свой репертуар. Особое значение для Мэй Ланьфана имело знакомство, а

позднее и близкая дружба со знаменитым исполнителем женских ролей Ван Яоцином. В 40 лет потеряв голос, он занялся преподаванием. Он помог Мэй Ланьфану выразить и довести до конца те элементы новаторства, которые уже содержались в его собственном творчестве.

И еще об одной дружбе нельзя не сказать - о той, что с юных лет связывала Мэй Ланьфана и Чжоу Синьфана, которому суждено было стать величайшим актером-трагиком "столичного театра". Те из читателей, кто видел выступления его труппы в 1956 г, не может не помнить этого мастера сцены, его темперамент, жизненную силу, несмотря на все "условности", созданных им образов.

Мне не приходилось читать о том, как в те времена определяли будущее амплуа приступающего к занятиям мальчика (а ведь от этого зависела вся его театральная жизнь). По словам тети, Мэй Ланьфан в детстве не выделялся ни внешностью, ни способностями, казался вяловатым. И ему определили амплуа "женщин в скромной одежде" - немолодых, домовитых, рассудительных (ребенка начинают учить играть роли пожилых женщин - но мы уже привыкли к парадоксам китайского театра). Предоставим слово самому Мэй Ланьфану: "В те годы, когда я начал обучаться театральному искусству, проводилось строгое различие между ролями "женщин в скромной одежде" и "девушек в пестром наряде"... Артисты, игравшие роль "женщин в скромной одежде", не обращали особого внимания на мимику и изобразительные движения. Выражение их лиц обычно было бесстрастным. Появляясь пред зрителями, они почти всегда сохраняли такую позу: одна рука была опущена, а другая лежала на животе. Двигались они медленно, не имея права наклонять корпус ни в ту, ни в другую сторону. Так исполняли в старом театре роль послушной, строгой, безупречно нравственной женщины". Добавим: улыбаясь, она не должна была показывать зубы, при движении - колебать края халата.

В этом амплуа главным был голос актера, его певческое мастерство (недаром было принято говорить, что в театр ходят "слушать" представление, а не "смотреть"). Но в амплуа "девушка в пестром наряде" основное внимание уделялось как раз мимике, изобразительным движениям, нередко с элементом комизма. Так изображались девицы бойкие, непосредственные, порой простоватые. Костюмы их были красочные, пестрые, блестящие. А вот к голосам высоких требований не предъявлялось. И было третье амплуа - "всадницы с мечом", женщины-воины. Здесь главным было искусство фехтования, виртуозное обращение с мечом и копьём, причем правила обращения с ними менялись в зависимости от того, побеждает героиня или проигрывает, или же бой идет на равных.

Отличительной чертой искусства Мэй Ланьфана стало то, что он не просто в совершенстве овладел всеми тремя амплуа, но особенно то, что он смог, не стирая окончательно граней между ними, органически сочетать приемы, свойственные разным амплуа с тем, чтобы достойное место заняли пение и танец, мимика и воинские упражнения. Не менее важно то, что артист старался оправдать каждый свой прием с точки зрения сюжета пьесы и характера героя, сделать для зрителя понятным, что он совершает то или иное трудное для исполнения движение не просто ради демонстрации своего мастерства.

К двадцати годам из внешне ничем не примечательного ребенка сформировался стройный, красивый молодой человек с выразительным, блестящим взором. Публика оценила его талант и валом валила на его представления, предпочитая его знаменитым дотоле актерам. Он выступает в разных труппах, затем создает свою собственную. А тем временем в стране происходили большие перемены. Синьхайская революция свергла монархию, распространялись идеи обновления, демократизации, началось знакомство с

мировой культурой. Это особенно ощущалось в Шанхае, куда в 1914 г. впервые приехал Мэй Ланьфан. Там он познакомился с "разговорным" драматическим театром, ориентированным на социальное воспитание зрителя. Возникает мысль об "осовременивании" традиционного театра.

В последующие годы Мэй Ланьфан поставил ряд спектаклей в жанре, который получил название "новые пьесы в современных костюмах". Использование обычной одежды вместо стилизованной упростило сценическое поведение актеров, проще и мягче стал грим. Наряду с традиционными мелодиями использовались и специально сочиненные. В пьесах поднимались актуальные вопросы: о борьбе с суевериями, об участии обитательниц публичных домов, о злоупотреблении чиновников, о браках по принуждению. Однако эксперимент длился недолго. Мэй Ланьфан решил, что в пьесах на современные сюжеты сценическое поведение должно быть таким, как в обыденной жизни. Танцевальные движения, к которым приучены актеры "столичного театра", здесь неуместны. А без этого "цзинцзюй" теряет свою специфику, уподобляясь европейской музыкальной драме.

С начала 20-х гг. он выступает только в классическом репертуаре и в новых пьесах, написанных в традиционном духе на традиционные - исторические, романтические, мифологические сюжеты. В поисках новых красок он обратился к более старинным, нежели "столичный театр", жанрам. И чем дальше, тем полнее раскрывались оба заложенные в его таланте начала - лирическое и героическое. Он создал длинную вереницу разнообразных женских образов - вонительниц и небожительниц, женщин любящих, страдающих, борющихся, мстящих и неизменно прекрасных. Как отметил Л.З.Эйдлин, "на сцене изображает он женщину, какой она должна быть, какой ее создала природа". А вот наблюдение нашей замечательной актрисы Е.Л.Юреновой: "Его выходу почти всегда предшествует хор красивых служанок. Но стоит появиться Мэю и пройти среди них, как все становятся сразу некрасивыми и публика видит, что он и только он - самая пленительная женщина в мире".

В справедливости этих слов я имел возможность убедиться в начале 50-х гг., когда в первый (и увы, в последний) раз видел в Пекине два спектакля с участием Мэй Ланьфана. Зато это были едва ли не самые прославленные вещи из его репертуара: "Опьянение Ян-гуйфэй" и "Расставание государя и наложницы". В первой пьесе танский император Мин-хуан, пообещав прибыть к первой - и любимой - даме своего гарема Ян-гуйфэй, уезжает к другой наложнице. Обиженная, оскорбленная в своих лучших чувствах Ян-гуйфэй ищет утешения в вине, одновременно вымещая свою обиду на окруживших ее царедворцах (ее брат - первый министр). Опьяневшая женщина, вообще говоря, не самое привлекательное зрелище. Но, как настаивал Мэй Ланьфан, "в театре все должно быть красиво". В спектакле все поэтизировано, эстетизировано, ни следа натурализма, которым грешили иные исполнители этой роли, все эмоции передаются через изгибы корпуса, игру глаз, движения рук (Станиславский говорил, что о руках Мэй Ланьфана можно написать целый том).

Вторая пьеса переносит в еще более давние времена, когда шла борьба между претендентами на императорский трон Лю Баном и Сян Юем. Отправляясь на решающую битву, Сян Юй прощается с любимой наложницей Юй Цзи. Играющий ее роль Мэй Ланьфан без слов дает зрителю понять: любящее сердце подсказывает Юй Цзи, что хотя Сян Юй верит в свою победу, результат битвы может быть совсем иным. Она произносит нужные, вдохновляющие слова, но сквозь них проглядывает печаль, и есть что-то искусственное в будто бы радостном танце, и ощущение неотвратимости судьбы все сгушается и сгушается.

Я, конечно, немало слышал о Мэй Ланьфане. И все равно знакомство с его искусством оказалось неожиданным. Невозможно было поверить, что роли этих нежных, молодых женщин более чем правдоподобно исполняет мужчина, к тому же находящийся на пороге шестидесятилетия. И в этом возрасте он подтвердил, насколько заслужена его мировая слава, начавшаяся с его первых гастролей в Японии в 1919 г.

Пекинский период его деятельности прервался в 1931 г., когда после вторжения японцев в Маньчжурию он с частью сподвижников перебрался в Шанхай. Японские интервенты "достали" его и там. Не желая выступать для оккупантов, Мэй Ланьфан отрастил усы и, понятно, не мог играть женские роли. Победа в антифашистской войне вернула его на сцену. И до, и особенно после создания КНР Мэй Ланьфан со своей труппой гастролировал по всему Китаю. Став после победы революции видным общественным деятелем, бывая в зарубежных поездках, он снова встречался с иностранной аудиторией, несколько раз выступал в Москве.

Свидетельством неуязвимости таланта Мэй Ланьфана явилась постановка им в 1959 г. спектакля "Му Гуйин ведет войска", где он в заглавной роли создал впечатляющий образ отважной и умной женщины-полковника, достойной дочери родной страны. В 1961 г. Мэй Ланьфан умер, окруженный любовью и почитанием бесчисленных зрителей. Он не дожил до "культурной революции", последствия которой полной мерой ощутил на себе его великий собрат Чжоу Синьфан.

Сейчас китайский традиционный театр переживает нелегкие времена. Старшее поколение, знавшее и понимавшее его, уходит, молодежь больше привлекают современные, в основном пришедшие с Запада, виды и формы искусства. Но, как говорилось на состоявшемся в московском Доме дружбы с народами зарубежных стран заседании, посвященном столетию со дня рождения Мэй Ланьфана, мы верим, что китайскому традиционному театру не суждено стать "музейным экспонатом", что он и впредь будет восхищать зрителей своим великолепным искусством.

"Чародей Грушевого Сада" в СССР

© 1995

А.Ипатова

"Чародей Грушевого Сада". Так назвал великого китайского актера Мэй Ланьфана прославленный режиссер кино С.М. Эйзенштейн в предверии гастролей театра Мэй Ланьфана в Советском Союзе весной 1935 г., проявив хорошее знание традиций китайского национального театра. В прежние времена в Китае "Воспитанниками Грушевого Сада" называли актеров, обучавшихся в соответствующей части императорского дворца. Отражением этой традиции было присвоение величайшему актеру XX в. звания "Первый из Грушевого Сада", что означало признание за ним самого почетного положения среди артистов Китая.

Китайский театр доктора Мэй Ланьфана приехал в нашу страну по приглашению Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС) и Всероссийского театрального общества (ВТО), старейшего в России творческого объединения. При ВОКС для приема знаменитого гостя был создан Комитет по приему Мэй Ланьфана во главе с председателем ВОКС А.Я.Аросевым и послом Китайской Республики в СССР Янь Гуйцином. В состав Комитета вошли известные и авторитетные деятели театра и кино: К.С.Станиславский, В.И.Немирович-Данченко, В.Э.Мейерхольд, А.Я.Таиров, С.М.Эйзенштейн, а также писатель С.М.Третьяков, общественные деятели и должностные лица.

К началу гастролей ВОКС издал брошюру "Мэй Ланьфан и китайский театр" ¹, знакомящую советского зрителя с национальными особенностями традиционного китайского классического театра и творчеством Мэй Ланьфана, неповторимого исполнителя женских ролей.

В приветственном слове, обращенном к великому актеру, председатель ВОКС Александр Аросев отмечал: "Приезд театра великого китайского артиста Мэй Ланьфана в СССР - событие выдающегося значения в истории культурных связей Советского Союза и Китайской Республики. Китайский классический театр, искусство которого поднял до изумительных вершин Мэй Ланьфан, не может не представлять большого интереса для художественной общественности СССР и широких кругов советских зрителей".

В статье, помещенной в той же брошюре, Сергей Эйзенштейн писал о мировой известности Мэй Ланьфана, величии его актерского искусства. "Его искусство так велико, что захватывает людей совсем иных стран, культур и традиций. О Мэй Ланьфане впервые я услышал восторженнейшие отзывы от Чарли Чаплина, введившего меня своими рассказами в замечательное мастерство китайского артиста".

Ипатова Аида Семеновна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заместитель руководителя центра "Россия-Китай" ИДВ РАН. Материал частично опубликован в КНР (Гуанмин жибао. - 1995. - 6 января.)

Мысль о мировой популярности самого Мэй Ланьфана и мировом значении его искусства развивал Сергей Третьяков в статье "Полмиллиарда зрителей": "Величие и общезначимость Мэй Ланьфана состоит в том, что он сумел сделать китайский театр мировым явлением.

Впервые в его лице китайский театр прорвал национальные ограждения и вошел в сознание театрального зрителя Америки и Европы не как "экзотическое" зрелище.

Мэй Ланьфан вышел на мировую арену как делегат громадного искусства, родного половине человечества, искусства старого, изощренного и многозначительного, знание которого является требованием общей культурной грамотности".

Знаменитый китайский артист, педагог, театральный и общественный деятель впервые приехал в нашу страну. Гастроли театра Мэй Ланьфана проходили в Москве и Ленинграде и привлекли к себе пристальное и восторженное внимание не только театральной общественности, знатоков и ценителей театра. Они не оставили равнодушными никого, кто хотя бы раз соприкоснулся с непревзойденным искусством Мэй Ланьфана.

Специально к этим гастролям известный ученый-китаевед В.М.Алексеев написал на китайском языке "Оду Мэй Ланьфану" и произнес ее, приветствуя приезд китайского артиста в Ленинград².

Там же, в городе на Неве, Мэй Ланьфан, несмотря на свою сверхзанятость, посетил Ленинградский театральный музей при Государственном академическом театре драмы (б.Александринский) и приподнес в дар музею материалы о китайском театре: редкий альбом гримов, патефонные пластинки, различные издания и фотографии с автографами самого Мэй Ланьфана³.

Гастрольный репертуар театра Мэй Ланьфана был весьма разнообразен и совершенно незнаком советскому зрителю, как впрочем и сам китайский театр. Китайские артисты показали зрителям Москвы и Ленинграда шесть пьес: "Подозрительная туфля", "Фэй Чэнью и генерал "Тигр"", "Месть угнетенных" (или "Месть рыбака"), "Мнимое сумасшествие", "Радужный перевал", "Пьяная красавица". Шесть пьес дополнялись шестью танцевальными сценами из шести других, не менее популярных в Китае классических пьес репертуара традиционного китайского театра: "Танец меча" из пьесы "Девушка-герой", "Танец с флейтами и фазаньими перьями" из пьесы "Си Ши", "Танец рукавов" из пьесы "Жертвоприношение Ма Гу", "Танец копья" из пьесы "Му Лань в армии", танцы из пьес "Любовь монахини" и "Победа Лян Кунью над захватчиками".

Для заключительного спектакля была отдана сцена самого главного театра страны - Государственного академического Большого театра. В представлении, состоявшемся 13 апреля 1935 г., были сыграны две пьесы - "Месть угнетенных" и "Радужный перевал". Затем перед взорами восторженных зрителей прошла череда блестящих, красочных, исполненных с высочайшим мастерством танцев "Дух обезьяны", поставленных по мотивам классического китайского произведения "Путешествие на Запад".

Апофеозом успеха театра Мэй Ланьфана в нашей стране стал вечер по подведению заключительных итогов пребывания театра Мэй Ланьфана в СССР, состоявшийся в ВОКС 14 апреля, т.е. на следующий день после завершения гастролей⁴. Собрался цвет театральной интеллигенции - ведущие режиссеры, театроведы, и среди них В.Немирович-Данченко, В.Мейерхольд, А.Таиров, Н.Охлопков, Р.Симонов, С.Михоэлс, Ю.Завадский, С.Эйзенштейн, художники И.Альтман, К.Юон, писатели и литературоведы А.Афиногенов, В.Шкловский,

В.Ермилов и др., представители общественности и должностные лица, пресса. Обсуждение вылилось в широкую дискуссию профессионалов высокого класса.

Стенографическая запись этой дискуссии, хранящаяся в Государственном архиве Российской Федерации (бывший Центральный государственный архив Октябрьской революции) в фонде ВОКС, образно передает торжественно-приподнятую атмосферу, царившую на обсуждении, его восторженный эмоциональный настрой, как будто бы участники дискуссии все еще находились в зрительном зале, зачарованные мастерством талантливого исполнителя.

Председательствовавший на вечере В.И.Немирович-Данченко открыл дискуссию восторженными словами: "Для нас самым драгоценным было увидеть искусство Китая, т.е. самое утонченное и совершенное, что китайская культура вносит в общечеловеческую культуру. Китай показал в самый законченной, гениальной по четкости и ясности форме национальное свое искусство... Могу лично только сказать, что я никогда не думал, чтобы сценическое искусство могло быть доведено до такой величайшей техники, где соединяются и глубокая выразительность и огромная экономия средств".

Сергей Эйзенштейн теперь уже не только со слов Чарли Чаплина, но и под глубоким воздействием неподражаемого искусства "Чародея Грушевого Сада", пришел к убеждению, "что театральная культура человечества, не нарушая прогрессивного своего хода, может себе позволить роскошь сохранить этот театр в той замечательной, законченной форме, в которой он существует".

В.Э.Мейерхольд, режиссер, который по общему признанию испытал на себе наибольшее воздействие китайского театра, утверждал, что "появление у нас театра д-ра Мэй Ланьфана гораздо значительнее по своим результатам, чем мы это предполагаем. Мы сейчас только удивляемся или восторгаемся, мы, строящие новый театр, взволнованы, потому что мы уверены, что когда Мэй Ланьфана уже в нашей стране не будет, мы все почувствуем необычайное его влияние на нас..."

У нас очень много говорилось о культуре глаз на сцене, - продолжал он, - о культуре мимической игры лица, о культуре рта. Много говорилось последнее время о культуре движений, координации слова и движения, но мы забывали о том главном, о чем напомнил д-р Мэй Ланьфан, I о руках O...

Затем у нас много говорят о так называемом ритмическом построении спектакля. Но те, кто видел работу д-ра Мэй Ланьфана, оценят огромную силу того ритма, который дает этот гениальный мастер сцены".

В дискуссии также приняли участие писатель С.М.Третьяков, композитор М.Ф.Гнесин, балерина В.В.Кригер, режиссер А.Я.Таиров, директор гастролей театра Мэй Ланьфана в Европе и Советском Союзе, профессор Нанькайского университета в г.Тяньцзине Чжан Пэнчун и сам Мэй Ланьфан.

В заключение В.И.Немирович-Данченко подвел итоги обсуждения:

"Все признают, что китайский театр даст нашей театральной жизни какой-то глубокий серьезный толчок. Если, конечно, из этой краткой беседы еще нельзя было очень полноценно определить то, что даст театр нашему искусству, ибо В.Э.Мейерхольд говорил совершенно правильно, что эту область надо еще исследовать и что с этой областью надо глубоко ознакомить нашу работающую в театре молодежь, то впечатление от китайского театра все же громадно. Сегодняшняя встреча особенно рельефно подводит итоги всех тех благодарных минут, которые Москва и Ленинград пережили в китайском театре".

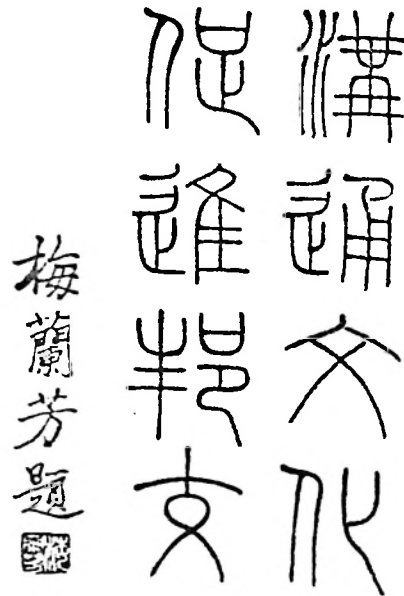
От имени всех участников дискуссии В.И.Немирович-Данченко выразил надежду, "что Мэй Ланьфан у нас не в последний раз". Однако пройдет немало времени, прежде чем китайский актер снова приедет в Москву...

А тогда успех выступлений театра Мэй Ланьфана превзошел ожидания, центральные газеты широко освещали гастроли китайского театра. О нем писали Мариэтта Шагинян и Карл Радек, Сергей Третьяков и китаевед В.М.Алексеев. Позже по инициативе ВОКС тексты этих статей были переведены на английский язык и 16 июня 1935 г. отправлены Мэй Ланьфану в Китай.

В свою очередь китайский артист, посетив ВОКС на Большой Грузинской ул., в знак благодарности и следуя китайской традиции, собственноручно сделал каллиграфическое выполненную памятную надпись: "Взаимное проникновение культур содействует развитию добрососедских отношений между странами. Мэй Ланьфан". Ниже мы публикуем также письмо Мэй Ланьфана председателю ВОКС А.Я.Аросеву, написанное полгода спустя после их встреч в Москве и ответ Аросева.

Эти материалы, как и стенограмма вчерашняя, 60 лет пролежавшие в архиве, воскрешают одну из прекрасных страниц в истории культурных связей наших двух стран, страницу, связанную с именем замечательного китайского актера Мэй Ланьфана, 100-летие со дня рождения которого широко отмечалось в конце 1994 г.

Специально к этому юбилею и в значительной мере под впечатлением от материалов о первых гастролях Мэй Ланьфана в нашей стране известный в КНР специалист по истории русской культуры и взаимодействия русской и китайской культур, профессор Гао Ман написал большую картину (5 х 2 м). На

Факсимиле надписи
Мэй Ланьфана

полотне изображены 22 представителя мировой культуры, включая Мэй Ланьфана. Среди них 10 деятелей российской культуры, его современников: К.С.Станиславский, В.И.Немирович-Данченко, В.Э.Мейерхольд, А.Я.Таиров, Ф.И.Шаляпин, С.М.Эйзенштейн, В.М.Алексеев, С.М.Третьяков, А.Коонен, З.Райх. Репродукция картины была опубликована в газете "Жэньминь жибао"⁵.

* * *

Отмечалась эта дата и у нас в Москве. 26 декабря 1994 г. в Доме дружбы с народами зарубежных стран Общество российско-китайской дружбы провело вечер, посвященный Мэй Ланьфану.

Открывая вечер, председатель Общества академии РАН С.Л.Тихвинский поделился воспоминаниями о первом знакомстве с мастерством Мэй Ланьфана во время его гастролей в Ленинграде весной 1935 г.

Выступившие затем д.ф.н. профессор В.Ф.Сорокин и кандидат искусствоведения, специалист по китайскому театру И.В.Гайда рассказали об этом удивительном актере, его жизни, мастерстве, гармоническом сочетании традиционного и новаторского в его искусстве, познакомили присутствовавших с основными особенностями китайского театра, месте Мэй Ланьфана в нем. Сообщение А.С.Ипатовой, основанное на материалах архива ВОКС, было посвящено гастролям театра Мэй Ланьфана в нашей стране в 1935г. С впечатлениями о творчестве Мэй Ланьфана и встреч с ним поделились к.ф.н.,

специалист по китайской культуре С.Д.Маркова, д.т.н., профессор И.В.Стражева и Л.С.Руднева, бывшая в 30-е годы сотрудницей театра В.Э.Мейерхольда.

Вечер, проходивший в Музыкальном салоне, завершился небольшим концертом. Звучали китайская классическая музыка, лирически исполненная на национальном инструменте "цин", русские романсы.

На вечере присутствовали сотрудники Посольства КНР во главе с советником по делам культуры Чэн Хаем, китайские журналисты.

Царившая на вечере атмосфера как нельзя лучше подтверждала слова, начертанные Мэй Ланьфаном 60 лет назад: "Взаимное проникновение культур содействует развитию добрососедских отношений между странами".

Мэй Ланьфан - А.Я.Аросеву

[2 октября 1935 г.]⁶

Дорогой г-н Аросев,

Хотя я и не писал Вам так часто, как мне хотелось, с момента моего отъезда из Вашей великой страны, я никоим образом не переставал думать о Вас, лелея в своих воспоминаниях Ваш чрезвычайно любезный и сердечный прием.

Я вернулся домой 3-го августа и погрузился в гущу подготовительных работ к спектаклям в пользу обездоленной массы моих страдающих соотечественников. Наша труппа недавно закончила свои выступления в Нанкине и Ханькоу и приглашена на спектакли в Шанхай. Нашими слабыми усилиями мы надеемся создать некоторый фонд для тех, кого поразили бедствия этого года.

Я имел честь и радость быть приглашенным послом Богомолочным и выразить ему мою глубокую признательность и благодарность за весьма дружественный прием, который был так великодушно оказан мне Вами и Вашими соотечественниками. Насколько в моих силах, я всегда буду готов внести мою убогую лепту в дело установления лучшего понимания между народами наших стран и содействовать каждому начинанию, направленному к этому.

Теперь, после моего возвращения из Вашего путешествия из Западной Европы, когда мои друзья говорят со мной о поездке по Европе, я всегда им говорю, что я всего более получил удовольствия от моих впечатлений в России. Я также передаю им, что если показ китайского театрального искусства имел некоторый небольшой успех в Москве и Ленинграде, это было в значительной мере благодаря энергичной поддержке Вас и друзей, чем благодаря слабым усилиям с моей стороны или же со стороны труппы.

Если Вы или кто-нибудь из Ваших друзей совершили бы поездку в нашу страну, я был бы весьма рад узнать об этом от Вас и от всего сердца приветствовать и оказать прием по приезде сюда.

Снова с глубочайшей благодарностью и самым теплым уважением я остаюсь Ваш всем сердцем.

Мэй Лань-Фан⁷

П.С. Не будете ли любезны напомнить обо мне г-же Линде⁸ и гг. Чернявскому, Боровому, Третьякову, Станиславскому, Немирович-Данченко, Мейерхольду, Таирову и Эйзенштейну и послать им копию русского перевода этого письма⁹.

Очень обязанный

М.Л.Ф.

ГА РФ, ф. 5283, оп. 4, д. 168, л. 56; подлинник на англ. яз. л. 57-59.

Ответ Мэй Лань-Фану¹⁰

Дорогой мастер неподражаемого искусства.

Ваше письмо меня глубоко тронуло и обрадовало. Копии его я передал всем, кому Вы просите. В Москве и Ленинграде помнят и ценят Ваше высокое искусство, которое оставило глубокий след в нашем театральном творчестве.

Я был бы исключительно счастлив побывать в Вашей огромной и интересной стране, соприкоснуться с великой культурой Вашего народа. Если дела и обстоятельства не будут против того, я непременно сделаю все, чтобы иметь честь пожать Вам руку в Вашей стране.

Со своей стороны, и мы надеемся, что Вы не надолго расстались с нами и, может быть, скоро наш зритель снова мог бы увидеть Вас обогащенного и освеженного наблюдениями, какие Вы сделали в нашей стране и в тех странах, по которым проходит линия Вашего интересного путешествия.

Искренний привет от меня и от всего коллектива ВОКСа
Вам и г-ну профессору Чан-Пен-Чун и профессору Юй¹¹.
/А.Аросев/.

ГА РФ, ф. 5283, оп. 4, д. 168, л. 55.

1. Мэй Ланьфан и китайский театр. К гастролям в СССР. - М.-Л., 1935.
2. Текст оды хранится у дочери В.М.Алексеева М.В.Баньковской.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ; бывший ЦГАОР), ф. 5283, оп. 4, д. в. 168.
4. Стенограмму вечера см.: там же, д. 211; опубликована// Искусство кино. - 1992. - N 1; переведена на кит. яз. и опубликована в альманахе "Чжунхуа сицзюй". - 1993. - Т. XIV.
5. Репродукцию картины см.: Жэньминь жибао. - 1994. - 15 сентября.
6. Датируется по подлиннику письма на англ. яз.
7. В подлиннике на англ. яз. собственноручная подпись Мэй Ланьфань в латинской транскрипции.
8. Линде В. - в те годы заведующая Восточным отделом ВОКС.
9. Копии этого письма Мэй Ланьфана были направлены 4 ноября 1935 г. К.Станиславскому, В.Немировичу-Данченко, А.Таирову, В.Мейрхольду, С.Эйзенштейну, С.Третьякову.
10. Без даты.
11. Речь идет о сопровождавших Мэй Ланьфана в гастрольной поездке в Советский Союз профессоре Нанькайского университета Чжан Пэнчуне, директоре гастролей театра Мэй Ланьфана в Европе и Советском Союзе, а также профессоре Юй Шаньюань.

Наш юбиляр

Николаю Сергеевичу Тихонову - 60 лет

31 марта исполнилось 60 лет ответственному секретарю нашего журнала. Окончив в 1958 году Восточный факультет МГИМО, Николай Сергеевич более двух лет получал первичную "научную закваску" в Институте китаеведения АН СССР.

В 1960 году он перешел на журналистскую работу на Гостелерадио, где был редактором, корреспондентом, комментатором, обозревателем, ответственным секретарем Китайской редакции. В качестве корреспондента Н.С.Тихонов неоднократно выезжал в командировки в Китай, Вьетнам, Лаос, Камбоджу, Таиланд, Малайзию, Индию. В его "послужном списке" интервью с последним королем Лаоса, главой Камбоджи Народомом Сиануком, далай-ламой, премьером Малайзии Махатхиром Мохамадом, лидером ООП Ясиром Арафатом. В разгар "культурной революции" он готовил репортажи с места событий в Китае. Работу на радио закончил в качестве заместителя главного редактора радиостанции "Мир и прогресс".

В 1976 году Н.С.Тихонов перешел на работу в Агентство печати "Новости", где был обозревателем по проблемам Китая. Его материалы публиковались в прессе Японии, Индии, Индонезии, Филиппин, Бирмы, Шри Ланки и других стран Азии.

С 1981 по 1986 гг. он находился на дипломатической и журналистской работе в Малайзии, где был пресс-аташе, первым секретарем Посольства СССР и представителем АПН.

С 1988 г. Николай Сергеевич - ответственный секретарь журнала "Проблемы Дальнего Востока". Его опыт, широкий научно-политический кругозор, вкус к журналистской работе, прекрасные личные качества все эти годы благотворно сказываются на всех сторонах жизни и работы редакции, на всех стадиях подготовки журнала - от содержания до оформления нашего издания.

Редакция и редколлегия поздравляют юбиляра и от души желают ему здоровья, счастья и новых творческих успехов на благо журнала "Проблемы Дальнего Востока".

Научная жизнь

Конференция ЕАК в Праге

(29 августа - 1 сентября 1994 г.)

Проведение форума европейских синологов в Праге стало важным событием в жизни научного сообщества. Место проведения конгресса не раз наводило на размышления о тех изменениях, что произошли в жизни стран Центральной и Восточной Европы за последние годы. Проведение конгресса в Праге уже планировалось 25 лет назад, однако "пражская весна" и последовавшая за ней холодная "осень" отложили его проведение на четверть столетия.

Хозяином конгресса стал Карлов университет в Праге. Участники форума были воодушевлены как той целеустремленностью и настойчивостью, с которой чешские коллеги возрождают и развивают традицию китаеведческих исследований в своей стране, так и сердечным гостеприимством и заботой, которой были окружены гости конгресса. Усилия декана факультета восточноазиатских исследований О.Краля, профессора А.Палата, секретаря оргкомитета Л.Боротовой и их коллег и помощников увенчались успехом - конгресс был успешным как в научном, так и в организационном аспектах.

В своем выступлении на открытии конгресса президент Европейской Ассоциации китаеведения госпожа Бастид-Брюгьер (Франция) упомянула об основных результатах работы ЕАК за истекшие после последней конференции два года. Был подготовлен и издан справочник по китаеведению в скандинавских странах, закончена работа над рукописью справочника по состоянию синологии в странах Центральной Европы. С 1994 года под руководством Л.Ривкин (Великобритания) стал издаваться и рассылаться членам ЕАК ежеквартальный информационный бюллетень "EACS Newsletter". Расширилось сотрудничество ЕАК с Фондом Цзян Цзинго (Тайвань), оказавшим финансовую поддержку проведению пражской конференции, и Европейским научным фондом.

Вокруг центральной темы конгресса, связанной с идеями региона и региональности в изучении китайской цивилизации, развернулся широчайший спектр дискуссий. На конгрессе работали секции по регионализму, истории Китая 20 века, экономике, современной литературе, проблемам текста и комментария, археологии, китайской новеллы, лигвистике (раздельные заседания по проблемам текста и грамматики), изучению культуры и искусства, классической поэзии, религиозным сектам, вопросам отношений КНР со своими соседями, философии и буддистской философии, истории и историографии, преподаванию китайского языка.

На социально-экономической секции половину докладов (6 из 12) составляли доклады российских китаеведов. Обсуждались два ключевых вопроса, возникшие в ходе проводимой в Китае реформы экономической системы: 1) Есть ли угроза экономического и политического распада Китая в ходе перехода к рынку наподобие СССР? 2) Угрожает ли дальнейшее развитие реформ усилением социальной напряженности в стране? Практически все участники дискуссии указали на рост в Китае социальных, экономических, экологических и политических проблем по мере перехода к рынку. Однако многие из них пришли к выводу, что рост регионализма в условиях экономической реформы при сохранении контроля КПК не ведет непосредственно к экономическому распаду страны, а социальная обстановка, хотя и остается довольно напряженной, не будет обостряться по причине сохранения контроля за ситуацией в руках государства.

В докладе Б.Талаша (Венгрия) отмечалось, что за последние 150 лет только КПК смогла создать сильную центральную административную власть, способную контролировать весь Китай (за исключением Тайваня). Однако в результате реформы усилились тенденции к экономическому регионализму, особенно среди экономически развитых приморских провинций - Гуандун и Фуцзянь. По его мнению, рост регионализма в Китае имеет как позитивные моменты, связанные с развитием внешнеэкономических связей и быстрым включением страны в систему мирохозяйственных связей, так и негативные, связанные с нарастающим разрывом в уровне экономического развития между приморскими и внутренними районами, а также постепенным ослаблением центральной власти.

В докладе Ш.Бреслина (Великобритания) подчеркивалось, что политика децентрализации экономики не обязательно ведет к потере контроля центра за деятельностью мест, который будет сохраняться как в результате постоянного консенсуса среди властной элиты, так уменьшением противодействия реформам в целом. Большое внимание привлек доклад Т.Кэннона (Великобритания), написанный им в соавторстве с Чжан Лэнем. Этот доклад был посвящен изменениям в отношениях между центром и местами и между провинциями в ходе реформы в 90-е годы. В докладе авторы выражают сомнение, что Китай должен последовать примеру СССР и распасться как единое политическое целое. Несмотря на развитие регионализма в ходе реформы в 90-е годы провинции опираются на экономические связи, созданные внутри страны, и даже при условии развала центра в результате огромного дефицита бюджета из-за недопоступления его доходной части от провинций, это не приведет к отделению провинций.

А.Оникиенко (ИМЭМО РАН) отметил разнообразие форм и методов при привлечении иностранного капитала в Китай, начиная от специальных экономических зон и кончая зонами развития для промышленности новых и высоких технологий. Привлечение в КНР крупных инвестиций позволяет в результате получения передовых технологий стать китайской экономике еще более независимой от иностранной.

В докладе Л.Кондрашовой (ИМЭПИ РАН) была дана собственная периодизация реформы экономической системы в КНР в соответствии с решениями высших органов партийной и государственной власти страны и практическими мероприятиями реформы. По мнению докладчика, в 90-х годах в Китае начался новый этап экономической реформы, связанный с расширением рыночного сектора и сужением сферы государственного контроля над экономикой. Л.Новоселова (ИДВ РАН) на основе анализа китайской модели перехода к рынку через призму инвестиционного фактора сделала вывод, что в ходе реформы экономический потенциал страны увеличился в отличие от других

стран, переходящих к рыночной экономике. Этому способствовала инвестиционная политика государства, которая характеризовалась распределением большей части инвестиций через государственные структуры и созданием благоприятного инвестиционного климата для предприятий на микроуровне.

Большой интерес проявили участники конференции к докладу М.Солнцевой (ИДВ РАН) по проблемам реформы цен. В докладе отмечалось, что в ходе реформы в КНР удалось одновременно проводить либерализацию цен и их государственное регулирование, что обеспечивало необходимую гибкость самой реформы цен и ее согласованность с другими мероприятиями реформы. В результате шло постепенное расширение сферы действия рыночных механизмов при сохранении темпов инфляции на приемлемом уровне.

В докладе Е.Баженовой (МГУ, экономический факультет) анализировалась современная демографическая ситуация в стране и отмечалось, что к 90-м годам Китай перешел к режиму воспроизводства населения, характеризующемуся сравнительно низкими показателями рождаемости и смертности. Однако в настоящее время, несмотря на проводимую политику контроля над рождаемостью и стимулирования однодетной семьи, Китаю потребуются большие усилия для решения этой проблемы, особенно в сельской местности. И по мнению докладчика, решить или, по крайней мере, смягчить демографическую проблему без участия государства не представляется возможным. Проблеме женской рабочей силы был посвящен доклад М.Торборг (Швеция). В докладе специальное внимание было уделено государственной политике в области занятости и образования, в особенности высшего, для женщин. Был сделан вывод о том, что большей частью незанятого населения, по оценкам докладчика 70-130 млн. человек, являются женщины, которые по причине нетрудоустроенности практически не затрагиваются государственными мероприятиями по контролю над рождаемостью.

Сложной проблеме развития рабочего класса в различных районах КНР в ходе реформы посвятил свой доклад А.Островский (ИДВ РАН). В докладе для анализа было выделено 6 основных регионов: 1) три города центрального подчинения, 2) особые экономические зоны, 3) Северо-Восток КНР, 4) приморские районы, 5) внутренние районы, 6) зоны проживания национальных меньшинств. Делается вывод, что социальное положение рабочей силы определяется экономическими результатами реформы в регионах. Поэтому в лучшем положении оказались рабочие городов центрального подчинения и особых экономических зон, затем приморских районов и Северо-Востока Китая. В худшем положении в ходе реформы оказалась рабочая сила внутренних районов и районов проживания национальных меньшинств из-за плохих возможностей для создания рабочих мест и низкого уровня образования самой рабочей силы; по мере развития реформы этот разрыв между регионами в социальной сфере будет расти.

Л.Томба (Сан-Марино) рассмотрел выдвинутые в Китае в конце 50-х годов концепции распространения системы народных коммун в города. Городская народная коммуна должна была стать такой же самообеспечивающейся производственной единицей как сельская. В ходе "большого скачка", по мнению докладчика, в ряде районов КНР уже проводились практические мероприятия, направленные на разрушение городской коммунальной инфраструктуры и ее концентрацию на уровне отдельных городских коммун. Такой опыт отказа от городской культуры был характерен для многих стран, но только для Китая периода "большого скачка" эти формы контрурбанизации приняли такой открытый характер.

Острой экологической проблеме обеспечения водой жителей Пекина был посвящен доклад Е.Штернфельд (Германия). Докладчик, проанализировав материалы по проблеме водообеспечения Пекина и его окрестностей, пришла к выводу, что в ходе реформы эта проблема значительно обострилась и для ее решения государству необходимо выделить дополнительные средства и решить противоречия между регионами по проблемам использования водных ресурсов.

Культурно-философская проблематика китаеведческих исследований также достаточно широко обсуждалась на пражском конгрессе. Работающий в Германии швейцарский ученый Х.фон Зенгер в своем выступлении на пленарном заседании поставил вопрос о роли синологических исследований в изучении и популяризации культуры Китая в Европе. Лейтмотивом доклада фон Зенгера стал тезис о том, что миссия современной синологии состоит не только в классическом изучении "чуждой" цивилизации и предоставлении о ней надежной информации, но и в том, чтобы служить духовным источником развития для неконфликтных цивилизаций. Специалист по правоведению, фон Зенгер снискал себе широкую известность исследованиями проблемы стратегичности китайского мышления, освещающими общие схемы китайской военной, политической и деловой "хитрости" в их сравнении с аналогами из западной культуры.

Значительный интерес представляли доклады ученых из Гейдельберга Р. Вагнера и Г.-Й.Реллике на секции по проблеме комментария и текстологии. Рассматривались проблемы, весьма значимые для понимания существенных аспектов истории китайской культуры и связанные как с формированием "гомогенности" комментаторской традиции, обеспечивавшей ее преемственность и непрерывность, так и с проблемой скрытого комментария в доканонической литературе Китая. А.Миттаг (Мюнхен) посвятил свой доклад изменениям трактовки понятия "юга" (нань) в наименованиях разделов "Чжоу нань" и "Шао нань" из "Книги песен" во времена династии Сун. В выступлении М.Шиммельпфеннинга (Гейдельберг) выявлялись проблемы скрытого описания в тексте стихов "Цзюй шу" (Оды мандариновому дереву) из текста "Чу цы", его раскрытия в комментарии эпохи дин. Вост. Хань, созданном Ван И. Его коллега А.Майер говорил о герменевтических предпосылках в китайских буддистских комментариях на текстуальном и структурном уровнях и возникающем при этом столкновении комментируемой идеи "неразличающего знания" (у фэньбе чжи) с поиском строгих дистинкций в комментариях. Работающая в Париже А.Чэн посвятила свой доклад выявлению герменевтического порядка в процессе канонизации классического текста на примере летописи "Чунь цю".

Немецкая школа герменевтического анализа китайских классических текстов была солидно представлена и на секции по буддистской философии. В докладах Д.Племпе (Гейдельберг), Х. Ягера (Фрайбург) и У. Франкенхаузера (Геттинген) по существу были продолжены сюжеты секции по тексту и комментарию, но с акцентом на буддистской проблематике.

На секции по проблемам философии интересный доклад по онтологической проблематике понятия космоса в китайской философии был представлен Р. Эйсом (США). Тщательной проработкой и основательным знанием материала отличался доклад Н. Стандерта (Бельгия, Католический университет Лувена), посвященного сопоставлению теоретических структур трех вариантов "Истории китайской философии", написанных известным современным китайским философом и историком философии Фэн Юланем в 1930-е, 50-е и 80-е годы. Цель такого анализа состояла в выявлении соотношения преемственности и инновации между различными версиями "Истории", помогающем уяснить сложный путь развития философских взглядов Фэн Юланя.

Проблема региона в отношении к процессам развития китайской философской традиции рассматривалась в докладе А.В.Ломанова (ИДВ РАН), охарактеризовавшего основную тенденцию в современном развитии конфуцианства, творческие центры которого удаляются все дальше от Китая и выходят за пределы Восточной Азии как "дерегionalизацию". Высокое научное качество скандинавского китаеведения было подтверждено выступлением П.Никкиля (Финляндия) по проблеме регионализма и морали в конфуциевых "Беседах и рассуждениях". Известный исследователь категориального аппарата в доконфуцианских текстах и в "Лунь юй", Никкиля поставил вопрос об этическом регионализме, задаваемом категориями долга (и) и гуманности (жэнь) и описывающем поле взаимодействия благородного мужа с позитивным или негативным политическим или человеческим окружением. В выступлении работающего в Финляндии ученого Хуэна Паулоса-Чжаньчжу рассматривались аспекты понимания категории "дао" в раннедаосских текстах и их сопоставления со смысловой нагрузкой понятия о "логосе" в греческой мысли. В докладе Г.Ванкеерберген (бельгийский исследователь, работающая в Принстонском университете, США), озаглавленном "Должно ли сердце волноваться?", речь шла об идее свободы личности - свободы от политической централизации и от порабощения собственными эмоциями. На основании текстов "Хуайнань-цзы" и "Мэн-цзы" обосновывалась идея обусловленности личностной независимости мудреца его способностью контроля над своими желаниями и эмоциями.

Большое место на конференции заняли проблемы филологии. Это можно связать с тем, что филология была самой сильной стороной пражской школы синологии, основанной академиком Б.Прушеком в 40-е годы (ныне его ученики и последователи работают в Чехии и Словакии). Одно из заседаний было посвящено классической поэзии от "Шицина" до эпохи Тан. М.Свенсон (Стокгольм) рассказал о новых подходах к текстологическим проблемам "Книги песен и гимнов" в современном литературоведении. Х. ван Эсс (Гамбург) говорил о различных интерпретациях "Поэмы о Цзы-суйе" ханьского Сыма Сянжу, а М.Рорер (Фрайбург) - о локализации поэтического цикла Тао Юаньмина "Возвращаюсь к полям и садам". Проблемам танской поэзии посвятили свои выступления К.Укаи (Лейден) и Ф.Ху-Стерк (Франция), тогда как Б.Фюрер (Вена) анализировал средневековый трактат "Поэтические категории" Чжун Хуна (в современном чтении - Чжун Жуна).

Значительно меньше внимания было уделено классической прозе. Р.Греатрекс (Швеция) говорил о соотношении фактов и вымысла в "Записях о странных людях" У Шу (10 в.), а Р.Т.Альтенбургер (Цюрих) - о некоторых сторонах межличностных отношений, зафиксированных в романах 18 века. Кроме того, М.Эггерт (Мюнхен) и К. Е. (С. Уен, Гейдельберг) рассматривали романы писателей начала нынешнего века Ли Боюаня и Лю Э в их связи с тогдашней действительностью. И лишь один доклад был посвящен драматургии, и то не китайской: Э.Эйде (Осло) говорила об изображении китайцев в европейских пьесах 18 века.

Проблемы литературы новейшего периода (после Движения 4 мая) дискутировались на трех заседаниях. На двух выступала Б.Макдугалл - австралийка, ныне работающая в Эдинбурге. В своих докладах "Китайская литература и ее критики" и "Взаимоотношения китайских авторов нового времени с аудиторией" она высказывала ряд замечаний по адресу сиологов, которые, по ее мнению, не всегда адекватно интерпретируют исследуемый материал. О творческом объединении "Литературное сообщество" и его месте в литературном процессе 20-х годов говорил М.Хоккс (Лейден). Он справедливо отметил, что хотя у сообщества не было четкой программы и организационной

структуры, творческая практика его ведущих представителей оказала заметное влияние на развитие реалистического направления в прозе и поэзии. В соответствии с генеральной темой конференции "литература о родных местах" посвятили свои сообщения А.Буятти (Рим), С.Дарувалла (Лондон), Р.Финдайзен (Базель). В более широком контексте рассматривалась эта проблема в докладе Т.Макклеллана (Эдинбург) "Универсальное и региональное в китайской литературе XX века". Об отношении к смерти в китайской литературе и философии нынешнего столетия высказали свои соображения И.Крюссман и Х.Меллер (оба из Бонна).

Литературе последних лет было посвящено три доклада. Х.Кремер говорил о ностальгических мотивах в творчестве писателей, покинувших КНР. Творчество поэта Гу Чэна, не так давно покончившего жизнь самоубийством в Новой Зеландии, было предметом выступления Чжан Чжэнь (Чикаго), а М.Кайконен (Хельсинки) говорила об эволюции популярной литературы от рыцарских сюжетов к эротике. В отличие от прошлых конференций, анализ творчества ведущих писателей КНР на этот раз отсутствовал.

На исторической секции были представлены доклады А.Бокшанина (ИВ РАН) о создании двойного местного управления во времена начала дин. Мин и Д.Жоголева (ИДВ РАН) о проблеме межэтнических взаимодействий внутри китайской цивилизации. И.Дандоло (Париж) посвятил свой доклад теме регионального восприятия Центральной Азии как "западных регионов" Китая. Х.Бокман (Копенгаген) повел речь об историческом происхождении, смысле и применении существенно важного для понимания китайской региональности, культуры и этноса термина "хуа ся"; работающий ныне на Тайване Ф.Вереллен поднял вопрос о формировании относительно независимого от остальных частей Китая культурного региона в царствах Шу, существовавших между правлениями династий Тан и Сун. В докладах поднимались такие темы, как моральное, культурное и историческое значение текста Хуан Цзишюя (дин. Мин) "Биография бедного служилого" (Пинь ши чжуань), реконструкция императорских банкетов на основании воспоминаний зарубежных участников-очевидцев, региональная характеристика северного пограничья и царства Ляо в 10 веке.

Разнообразной была тематика заседания "Искусство и культура". Там шла речь и о культуре чая при Сунах (М.Череза, Венгрия), о садовом искусстве Дальнего Востока (В. и З.Хрдличковы, Прага), об изображениях богини Мацзу (К.Рейтенберг, Амстердам) и о китайской коллекции Национальной галереи в Праге (Л.Боротова). Общим проблемам эволюции китайской культуры посвятил свое выступление Е.Кюнстлер (Варшава). Как бы продолжением этого заседания была организованная для участников конференции экскурсия в Музей искусств Азии в замке Либехов под Прагой.

На общем заседании ЕАК 30 августа были проведены выборы Правления. Представителем российских китаеведов вновь стал авторитетный ученый, заведующий отделом Китая ИВ РАН А.А.Бокшанин. В связи с интересом ученых из Азии и Америки к участию в работе ЕАК был поставлен вопрос о возможности увеличения числа членов Ассоциации. Была проведена дискуссия о возможности приема в ЕАК ученых, не имеющих гражданства европейских стран, и о правомочности их участия в руководящих органах ЕАК. Проведение следующего конгресса ЕАК планируется в 1996 году в Барселоне, Испания.

Защита докторской диссертации Ким Хан Гю.

16 января в Институте Дальнего Востока произошло весьма примечательное событие - известный южнокорейский социолог и политический деятель, член парламента Республика Корея г-н Ким Хан Гю представил свой многолетний научный труд "Формирование государства всеобщего благосостояния в Республике Корея" для защиты на соискание ученой степени доктора политических наук.

Обращение г-на Ким Хан Гю в ИДВ РАН с просьбой оценить научную значимость его диссертации не было неожиданностью. Исследования южнокорейского ученого достаточно широко известны в наших востоковедных кругах своей актуальностью, насыщенностью фактическим материалом, интересными теоретическими обобщениями, неординарными выводами. Известно также, что научные идеи г-на Ким Хан Гю изложены во многих его докладах на международных конференциях и публикациях, в том числе в обширной монографии "Взгляд на государство всеобщего благосостояния XXI века", которая переиздавалась в Южной Корее неоднократно и используется в качестве учебного пособия в университетах и колледжах.

На Ученом совете в Институте Дальнего Востока, где развернулось обсуждение представленной диссертации, отмечалось, что проблема формирования государства всеобщего благосостояния, в течение многих веков привлекала внимание многих выдающихся мыслителей Запада и Востока. Она нашла свое отражение в той или иной форме в различных учениях об обществе, в программах политических партий, в законодательных актах некоторых стран, в деятельности общественных институтов и организаций. И все же к настоящему времени с научной точки зрения и в чисто практическом плане она остается областью мало исследованной, порождающей дискуссии и споры, а порой противостояние в обществе. С учетом этого автор провел теоретический анализ понятий "общественное благосостояние", "социальная обеспеченность", "государство всеобщего благосостояния", эволюции этих понятий и сопутствующих им терминов. Он пришел к выводу, что концепция государства всеобщего благосостояния пережила определенные изменения, особенно в нынешнем столетии. В реформистских партиях стран Запада она не отождествлялась с революционными взрывами и противостоянием между "высшим" и "низшим" слоями общества. Внимание уделялось главным образом экономическим компонентам как средству достижения социального благоденствия. Вместе с тем в отмеченный период был выдвинут ряд положений, которые в последующем стали доминантой в концепции социальной справедливости.

Южнокорейский ученый исследовал и учел этот исторический фон и на основе анализа нынешней политико-социологической ситуации рассмотрел обширный комплекс проблем, обуславливающих появление государства всеобщего благосостояния. При этом им учтена специфика своей страны, которая, как он полагает, имеет необходимые предпосылки для формирования социально ориентированного общества.

К этому выводу, предложенному автором, следует добавить, что в относительно короткие исторические сроки Южная Корея сумела сформировать регулируемые рыночные отношения, выйти на уровень среднеразвитых стран по технико-экономическим показателям и сейчас стремится занять место среди ведущих партнеров на мировой торговой арене. Однако к началу 90-х годов стало ясно, что для дальнейшего продвижения вперед страна должна преодолеть имеющиеся негативные факторы, часть которых, особенно в социальной сфере, оставалась как бы незамеченной, откладывалось правительством и обществом на будущее. Г-н Ким Хан Гю формулирует вывод о необходимости выработки и успешного осуществления общегосударственной программы социальной компенсации и формирования общества всеобщего благосостояния на основе уже реализованных или будущих фундаментальных социально-экономических программ и системных преобразований.

Диссертация вызвала оживленную и заинтересованную дискуссию. Главный научный сотрудник ИДВ, доктор экономических наук Э.П. Пивоварова в своем выступлении подчеркнула, что объективность существования проблемы социальной справедливости во всех обществах и во все времена, тревожное звучание этой темы в нынешнем, раздираемом социальными конфликтами мире определяют научную и практическую значимость диссертации, представленной южнокорейским ученым. История развития человеческой цивилизации в XX веке подтверждает, что реальный прогресс в обществе достигается только тогда, когда экономическое развитие последовательно сочетается с курсом на социальную защиту населения. Капитализм идею эффективного рыночного хозяйства за длительное время своего существования сумел дополнить идеей социальной обеспеченности наемных работников, фактически заимствовал ее из социалистических учений и практики. В 80-е годы нынешнего столетия, как отметила Э.П. Пивоварова, социалистический мир обратился к идее развития рыночного хозяйства как вероятному эффективному способу создания материальной основы для такой защиты. Однако не везде этот опыт оказался успешным. Реформы становятся наиболее плодотворными в тех странах, где в ходе преобразований преобладают созидательные, а не разрушительные процессы. В этом смысле Восток в ряде случаев оказался мудрее своего евроазиатского соседа. Опыт не только Южной Кореи, о котором говорит Ким Хан Гю, но и Китая и других стран АТР, нацеленных на преобразования, подтверждает плодотворность попыток достижения баланса социальных интересов, используя для этого положительные наработки как рыночной, так и плановой экономики.

Д.э.н. Л.А.Аносов отметила, что в нынешнем мире еще нет ни одного государства, о котором можно было бы сказать, что в его пределах сформировано общество всеобщего благосостояния. На деле оно существует пока только как идеал. Но степень приближенности к нему различна: одни страны пока и не ставят перед собой такой задачи, другие едва определяют свои подходы к ней, а третьи демонстрируют возможности приближения к решению сходных проблем.

Поэтому диссертант, считает Л.А.Аносова, был прав, когда ставил перед собой цель - раскрыть последовательность, противоречия и исторический путь формирования концепции подобного государства, взяв в качестве примера Южную Корею. Наибольший интерес в этой связи представляет анализ автором социальной сферы в своей стране, что предопределяет подготовку программ, направленных на борьбу с бедностью, на охрану материнства и детства, защиту престарелых и инвалидов, т.е. в областях, в которых Южная Корея значительно отстает от других развитых стран. Разнообразие программных установок, предложенных г-ном Ким Хан Гю, способствовало его знакомству с материалами

и документами рабочего, социалистического движений, международных организаций, включая ООН, изучение стратегии и тактики своего правительства в сфере социальной политики. Все это позволило ему выявить те механизмы, которые должны учитываться и могут быть задействованы при реализации его идей на практике.

Один из оппонентов - д.э.н. А.В.Островский счел оправданными предложенные диссертантом хронологические рамки исследования, ограниченные 80-90-ми годами. Такой подход дает возможность автору и другим исследователям в полной мере оценить всю сложность, сходство и различие путей развития общества в Южной Корее и в сходных с ней странах. Как отметил оппонент, даже в период подъема в условиях рыночной экономики социальные проблемы часто уходят на второй план из-за отстраненности государства от их решения. Нынешние реформы в Южной Корее, направленные, как задумано, на избавление от диспропорций и структурные изменения могут тем не менее в перспективе породить такие негативные процессы, как рост безработицы, увеличение слоя социально уязвимых граждан, рост общественной нестабильности. На основе теоретической литературы по проблемам регулирования госэкономики, учета ситуации в своей стране мирового опыта диссертант частично находит критерии, которые, возможно, станут ориентиром для госструктур при проведении социальной политики в этих условиях.

А.В.Островский обратил внимание на вопросы, которые затрагиваются в работе г-на Ким Хан Гю, но потребуют дальнейшего анализа. Желательно, в частности, отметил он, выявить основные критерии показателя прожиточного минимума, т.е. обозначить так называемую "границу бедности", которая на деле остается объективным ориентиром при определении размеров и форм социальной помощи. Потребуется к себе внимания и другой фактор. Так, при анализе мирового опыта в области социальной политики за пределами исследования незаслуженно осталась практика Китая, который накопил в этой сфере значительный опыт реализации социальных гарантий для малообеспеченных слоев города и деревни, и который по своим этническим особенностям и традициям близок к Корее и многим другим странам АТР.

В ходе дискуссии выступили также член-корреспондент РАН В.С.Мясников, доктора наук И.Н.Наумов и Л.С.Переломов, руководитель Центра исследований Кореи В.П.Ткаченко.

Подводя итоги состоявшегося обсуждения, директор ИДВ РАН д.филос.н., проф. М.Л.Титаренко отметил, что труды г-на Ким Хан Гю посвящены чрезвычайно важной проблеме социально-экономического и политического развития современного общества. Разработка этой темы способствует глубокому осмыслению процессов, происходящих во многих регионах. Несомненно, что научные публикации г-на Ким Хан Гю могут представить интерес и для российских специалистов, занятых разработкой системы социальной защиты населения, и российских законодателей. Состоявшееся обсуждение показало, что диссертация вполне отвечает требованиям, предъявляемым ВАК России к подобным фундаментальным исследованиям.

Члены Специализированного ученого совета единогласно приняли решение о присвоении южнокорейскому ученому степени доктора политических наук.

Защита докторской диссертации Л.В.Новоселовой

18 ноября 1994 г. на заседании Специализированного совета Института Дальнего Востока РАН состоялась защита докторской диссертации сотрудника ИДВ РАН Л.В.Новоселовой на тему "Проблемы развития инвестиционного процесса в КНР". Защита вызвала большой интерес ее коллег-китаеведов, а также экономистов, исследующих экономические процессы в странах с переходной экономикой.

Л.В.Новоселова работает в Институте Дальнего Востока с конца 70-х годов после окончания экономического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова и очной аспирантуру ИДВ. На ее пути к докторской диссертации - три авторские монографии, главы и разделы в ряде коллективных монографий, статьи в периодической печати, доклады на российских и международных научных конференциях. Представленное диссертационное исследование - итог длительной работы автора по избранной проблематике.

Как отмечалось в ходе дискуссии на защите, диссертация Л.В.Новоселовой - первое в современном китаеведении междисциплинарное комплексное исследование инвестиционного процесса в КНР, включающее анализ таких вопросов, как создание благоприятной экономической среды для национальных и иностранных инвестиций, место и роль государственного регулирования в становлении экономики рыночного типа, использование административных и рыночных инструментов регулирования инвестиционной активности, реформа хозяйственного механизма в инвестиционной сфере, выработка и реализация национальной инвестиционно-структурной политики, осуществление программы технического перевооружения производственного аппарата и др.

Особое внимание участников обсуждения привлек разработанный и примененный автором системный подход к изучению этих процессов и явлений. В результате представленный в диссертации анализ ряда характерных черт и тенденций перехода бывших социалистических стран к экономике рыночного типа (сохранение в той или иной форме так называемого мягкого бюджетного ограничения, трудности в формировании рыночного поведения трансформируемых предприятий госсектора, обострение проблемы экономического регионализма, наличие инвестиционной цикличности, активизация внешних факторов накопления и т.д.) сочетается с исследованием особенностей инвестиционной деятельности в КНР и социально-экономических результатов современной политики капитальных вложений в этой стране. Такой подход определил принципиальную новизну многих выводов работы Л.В.Новоселовой, "вывел" ее труд за рамки обычного страноведческого исследования. Содержащиеся в работе теоретические обобщения и практические выводы и рекомендации, применимые и к нашей стране, - это оригинальная попытка сформулировать базу решения ряда общих принципиальных методологических задач функционирования переходной экономики.

Особое внимание уделено в работе обоснованию того положения, что в условиях глубокой структурной диспропорциональности эффективная рыночная

трансформация традиционной плановой экономики невозможна без регулирования экономических процессов со стороны государства. В частности, как следует из диссертационной работы, своевременная и рациональная перегруппировка инвестиционных ресурсов на народнохозяйственном уровне в пользу потребительского сектора экономики, социальной сферы, а также прогрессивных наукоемких производств явилась важной предпосылкой многих достижений китайской реформы.

Поддержав эту точку зрения, многие участники обсуждения, и прежде всего официальные оппоненты (д.э.н., проф. Б.М.Смитиенко, д.э.н. Л.И.Кондрашова, д.э.н., проф. В.Д.Андрианов) отметили, что применительно к нынешней ситуации в России чрезвычайно важен предпринятый Л.В.Новоселовой подробный анализ основных инструментов государственного регулирования экономики в Китае - от чисто административных мер до достаточно гибкого использования рыночных регуляторов, включая налоговую и амортизационную политику, дифференцированную политику банковских процентных ставок, изменение системы ценообразования с поэтапной либерализацией цен и т.д. При этом особое значение имеет выявленная автором тенденция изменения самого характера государственного вмешательства в экономику: по мере последовательного прохождения Китаем различных этапов реформы жесткие административные рычаги хозяйственного управления все более уступают дорогу гибким экономическим инструментам регулирования.

В дискуссии на защите было отмечено, что, исследуя как положительные, так и отрицательные результаты китайского опыта реформирования, Л.В.Новоселова сумела выдержать позицию объективного исследователя, подметившего на основе анализа массы хаотичных фактов и явлений ряд устойчивых экономических тенденций. В частности, рассматривая такие вопросы, как расширение инвестиционной активности в негосударственных секторах экономики, усиление роли внебюджетных источников финансирования капитальных вложений, коммерциализация экономических отношений в строительстве, автор показывает частое несовпадение формы и содержания элементов создаваемого в КНР нового инвестиционного механизма. Зачастую внедряемые рыночные регуляторы инвестиционного процесса приобретают формальный характер в силу сохраняющегося достаточно жесткого административного влияния государственных органов управления на процесс принятия инвестиционных решений. В результате, несмотря на некоторые качественные сдвиги в развитии инвестиционной сферы КНР, эффективность капитальных вложений остается пока еще весьма невысокой, препятствуя реальному переходу страны от преимущественно экстенсивного к более интенсивному типу развития. По мнению большинства участников дискуссии, правомерно содержащаяся в работе характеристика недостаточной (по сравнению с изначальными ожиданиями) эффективности рыночных нововведений в переходной экономике современного Китая как своеобразной и в целом вполне умеренной платы китайского общества за поддержание относительной управляемости и стабильности развития страны в ходе рыночной трансформации экономики. Ведь бурный экономический рост Китая, укрепление его позиций на мировой рынке и - что особенно важно - заметное повышение жизненного уровня населения в ходе реформы - все это резко выделяет Китай из числа других стран с переходной экономикой, свидетельствуя о жизнеспособности и перспективности китайской модели рыночной трансформации.

Участники дискуссии поддержали выводы диссертанта о важной роли иностранных инвестиций в стимулировании инвестиционной активности в Китае, в углублении рыночной трансформации его экономики. Отмечалось, что

содержащийся в работе Л.В.Новоселовой анализ масштабов, основных форм, направлений и результатов привлечения иностранного капитала в китайскую экономику позволяет достаточно полно судить о состоянии и перспективах использования внешних факторов накопления в Китае. Однако, учитывая качественно новый уровень открытости экономики, достигнутый Китаем в 1992-1994 гг., некоторые участники обсуждения рекомендовали автору диссертации в дальнейшей исследовательской работе уделить этим вопросам особое внимание.

В целом, с учетом новизны и актуальности поставленных задач, научно-теоретического уровня их разработки, аргументированности и значимости теоретических и практических выводов автора, для понимания экономических процессов в КНР и поиска оптимального курса реформ в нашей стране диссертация Л.В.Новоселовой получила высокую оценку членов Специализированного совета и других участников обсуждения. Участники дискуссии высказались за публикацию работы в виде монографии.

© 1995

А.Островский

Научная конференция Центра исторических и политических исследований Китая ИДВ РАН

26 декабря 1994 г. состоялась очередная XXI ежегодная конференция Центра, посвященная современной внутривосточной ситуации в Китае.

Были заслушаны доклады и сообщения д.и.н., профессора А.М.Григорьева "О некоторых моментах современного положения в Китае" (по материалам поездки в КНР), К.В.Кукушкина "КПК и рынок", В.И.Антонова "Кадровая политика КПК", Г.А.Степановой "Роль НПКСК в политической системе КНР", Т.М.Емельяновой "ВКФЖ накануне IV Международной конференции женщин", Е.В.Бирюлина "Экономическая политика и природоохранное законодательство КНР", А.А.Москалева "Оценка теоретической базы национальной политики КПК", Е.В.Пузицкого "Фактор смешанности и дисперсности в расселении нацменьшинств в Китае", Т.В.Лазаревой "Кадровая политика в национальных районах", Л.М.Гудошникова "Изменения в тайваньском парламентаризме", В.Ф.Сорокина "Новые тенденции в китайском литературоведении".

Т.Е.

Юбилей ученого

К 70-летию Анатолия Сергеевича Мугрузина

7 февраля 1995 г. исполнилось 70 лет со дня рождения видного ученого, ведущего научного сотрудника ИДВ РАН, доктора экономических наук А.С.Мугрузина. Более пятидесяти лет тому назад сибирский паренек из села Петропавловка Новосибирской области перешагнул порог Московского Института Востоковедения. Овладев китайским языком и получив классическое востоковедное образование, А.С.Мугрузин после нескольких лет практической работы в 1953 г. поступил в аспирантуру ИВ АН СССР. С тех пор он настойчиво и успешно исследует специфику аграрных отношений в Китае. Им написано свыше ста научных работ, среди которых особое значение имеют его книга "Аграрные отношения в Китае в 20-40-х годах XX века" (М., 1970) и фундаментальный труд "Аграрно-крестьянская проблема в Китае" (М., 1993).

Для Анатолия Сергеевича характерен системный подход к материалу, анализ аграрных отношений в тесной связи с процессами исторического развития

Китая. Многие его работы носят пионерский характер.

Уже первая монография А.С.Мугрузина об аграрных отношениях в дореволюционном Китае, основанная на проработке большого массива первоисточников, стала крупным шагом в пересмотре господствовавших тогда упрощенных представлений о социальных процессах и социальной структуре китайской деревни. Автор предложил свой подход к определению природы основных слоев и категорий сельского населения Китая, раскрыл реальные соотношения между ними, тем самым предложив исследователям аграрных отношений в Китае и сходных с ним других стран Востока новый понятийный аппарат. Выводы А.С.Мугрузина, развитые им в последующих работах, позволили по-новому взглянуть на состав, содержание и социально-политический потенциал крестьянских выступлений в Китае, во Вьетнаме в ряде регионов Индии в новейшее время. Эти подходы были использованы при подготовке ряда обобщающих работ по истории Китая и других стран Востока.

Во второй монографии, основу которой составила докторская диссертация Анатолия Сергеевича, им было продолжено углубленное изучение эволюции социально-экономической ситуации в китайской деревне в тесной связи с анализом особенностей структуры ее производительных сил, китайской культуры и демографического фактора.

В последних работах А.С.Мугрузин обратился к проблемам исторической взаимосвязи ситуации в китайской деревне с основными чертами социально-политических режимов Китая в XIX и XX веках.

Дирекция и коллектив ИДВ РАН, редколлегия и редакция журнала "Проблемы Дальнего Востока" сердечно поздравляют Анатолия Сергеевича с юбилеем и желают ему творческого долголетия, здоровья и счастья.

70-летие Георгия Александровича Ганшина

Среди китаеведов немало людей, которые посвятили изучению Китая всю свою жизнь. Георгий Александрович Ганшин, которому 2 марта 1995 г. исполнилось 70 лет, - один из них.

Впервые он непосредственно познакомился с Китаем почти 50 лет назад, осенью 1945 г., когда в составе группы специалистов провел два месяца в Маньчжурии. В 1947 г. он окончил Московский институт востоковедения и был оставлен на преподавательской работе. В том же институте он защитил кандидатскую диссертацию - одну из первых в то время работ об экономическом развитии КНР.

В его работе по Китаю постоянно и плодотворно сочетаются деятельность научная, педагогическая, практическая. Начав свою научную деятельность в 50-е годы в Институте китаеведения Академии наук СССР, он продолжает ее в настоящее время в Институте Дальнего Востока РАН. Им опубликовано научных трудов, в том числе особенно широко известны "Экономика КНР" (1959) и "Очерк экономики

современного Китая" (1982). В 1992 г. он завершил монографию "Экономика современного Китая: возможности и реальность". Кроме того, Г.А.Ганшин - автор десятков статей в коллективных трудах, сборниках, научных журналах, публикаций в прессе.

Широко известен Г.А.Ганшин среди китаеведов и как педагог. За десятилетия преподавательской деятельности он приобрел репутацию человека, способного щедро делиться своими богатыми знаниями, стремящегося и умеющего привить своим студентам и аспирантам уважение и любовь к этой великой стране и ее народу. Он преподавал в Московском институте востоковедения, в Московском государственном институте международных отношений, в Дипломатической академии. И сейчас Г.А.Ганшин - доцент Института стран Азии и Африки при Московском государственном университете.

Вся деятельность Г.А.Ганшина связана с реализацией главной цели его творческой жизни - укрепления и развития сотрудничества Советского Союза, России с Китайской Народной Республикой. Более 10 лет он находился на дипломатической работе, в том числе - в Китае, в качестве советника посольства. Работая некоторое время в аппарате ЦК КПСС, занимался вопросами подготовки квалифицированных кадров для работы в странах Азии, прежде всего в Китае.

Свой юбилей Г.А.Ганшин встречает полным творческих планов. В Центре исследования социально-экономических проблем Китая ИДВ РАН он плодотворно исследует актуальные проблемы экономики КНР - вопросы формирования рыночного механизма и государственного макрорегулирования. Он постоянный автор и член редакционной коллегии ежегодника "Китайская Народная Республика".

Дирекция и коллектив ИДВ РАН, редколлегия и редакция журнала "Проблемы Дальнего Востока" желают Георгию Александровичу здоровья и творческого долголетия.

Рецензии

Актуальные проблемы российского востоковедения. Сборник. Отв. редактор Вл.Ф. Ли. М., "Бином" 1994. 337 с.

Судьбы корейцев в России, а также влияние исторически переломных событий в нашей стране на Корею - таковы две главные темы материалов этого объемистого сборника, подготовленного совместными усилиями Института актуальных международных проблем Дипломатической академии (ИАМП ДА) МИД РФ и Международной конфедерации корейских ассоциаций (МККА) СНГ. Издание посвящено памяти видного российского ученого-востоковеда Георгия Федоровича Кима, 70-летие со дня рождения которого научная общественность отметила в 1994 г.

Талант ученого и организатора науки, научная и человеческая честность Г.Ф.Кима - члена-корреспондента АН СССР, первого заместителя директора Института востоковедения АН СССР, заместителя Председателя Советского комитета солидарности стран Азии и Африки, председателя Всесоюзной ассоциации востоковедов, главного редактора журнала "Азия и Африка сегодня" - снискали ему глубокое уважение коллег и искреннюю признательность учеников. Именно благодаря их объединенным усилиям было задумано и осуществлено 5 лет спустя после безвременной кончины Г.Ф.Кима издание сборника, многие работы которого основаны на его научных идеях или развивают их.

Сразу же отметим, и авторы сборника не скрывают того, что во многих работах этого советского ученого-востоковеда, как и почти всех его коллег-современников, можно найти известный отпечаток тех идеологических условий, в которых они работали. Но справедливости ради необходимо подчеркнуть, что и тогда он пытался трезво, научно подходить к оценке ситуации. Многие в его трудах по-прежнему звучит современно, трактуется объективно, указывает в своей статье "старейшина" российского корееведения, доктор исторических наук Ф.И.Шабшина.

Не случайно его книга "Рабочий класс Кореи в революционном движении и социалистическом строительстве" вышла закрытым изданием и до сих пор недоступна широкому читателю да и многим корейцам. Закрыто она была защищена в 1964 г. и в качестве докторской диссертации.

"Наверху" вызывало недовольство его мнение о том, что у нашей страны нет своей независимой корейской политики, что слишком часто мы безоговорочно следуем за КНДР. В то же время он не соглашался с теми, кто всю вину за разного рода деформации в этой и других "странах социализма" пытался возложить на нашу страну, на отечественный опыт. "Разве там мало своего привнесли в искажение социалистических идей, в методы властвования? Разве не "обогатили" там наши негативы своей, корейской спецификой, не усугубили их в разных областях и внутренней жизни, и международной политики, и в самоизоляции от мирового научно-технического прогресса?", - отмечал он.

В своем последнем прижизненном очерке, вошедшем в коллективную монографию "Всемирная история и Восток" (Москва: "Наука", 1989) с позиций междивизионального взаимодействия он пытался отыскать новые грани евроазиатского синтеза. По его мнению, именно подобного рода синтез стал одним из ключевых факторов "неоиндустриального взрыва" в Южной Корее, Сингапуре, на Тайване. Излишне большой "упор на собственные силы", доведенный до абсурда, таит в себе угрозу международной самоизоляции, серьезно тормозит всякое возрождение. "...Без непрерывных взаимовлияний ослабевает или прекращается импульс к прогрессу, история как бы останавливается, подобно незаведенному вовремя часовому механизму", - писал он в одной из своих последних работ.

Для Г.Ф.Кима, выходяца из традиционной восточной семьи, вспоминают его коллеги-корейцы и корейцы по национальности профессор Дипакадемии Владимир Федорович Ли и председатель совета Московского международного университета Хо Дин, "было очевидно, что самые разнообразные потоки глобальной цивилизации, накатываясь волнами на традиционный Восток, выполняют здесь весьма противоречивую цивилизационную работу по освоению и синтезу человеческой бытия". Он считал, что "ускоренная модернизация этих стран, рост их вовлеченности в общемировые связи, трансформация прежних структур не только не приводят к ослаблению и "размыванию" традиционного культурного достояния, но, напротив, заставляют общественные силы все более напряженно обращаться к историческим и цивилизационным отличиям, присущим различным национальным общностям и культурным регионам".

Д.и.н. профессор Иркутского пединститута Б.Д.Пак посвятил свою статью периоду наиболее интенсивной корейской эмиграции в Россию - накануне и в годы первой мировой войны. Большое внимание при этом автор уделяет анализу уникальных архивных материалов, в частности Центрального государственного архива России и Дальнего Востока (ЦГА РДВ), и других первоисточников, касающихся перемен в отношении царских властей к корейским переселенцам - от негативного до признания их положительной роли в развитии производительных сил Приамурского края.

В частности, в одном из документов, направленных министром внутренних дел России в Государственную думу в январе 1914 г., указывалось: "В качестве земледельцев корейцы играют в крае даже немалую культурную роль, принося с собою испытанные на Дальнем Востоке приемы обработки земли, соответствующие климатическим и другим условиям местности, что, в свою очередь, не может не играть роль в смысле приручения и русских переселенцев к свойственным новой для них местности условиям земледельческой культуры, знание корейцами местных приемов обработки земли отразилось и на способности их распахать целины в таких районах Приморской области, которые до их прихода считались совершенно неподходящими для развития на них русского земледелия".

Интересные материалы о просветительской работе русской православной церкви среди корейских иммигрантов в дореволюционной России приводятся в

статье М.В.Белова. Благодаря усилиям церкви огромное количество корейцев было русифицировано. Он также приходит к выводу, что корейские переселенцы "внесли важный вклад в развитие Южно-Уссурийского края, заложив основы сельского хозяйства в этом районе".

Несколько статей сборника посвящено влиянию революционных событий 1917 г. в России на корейское национально-освободительное движение и участию корейцев в революционном движении на Дальнем Востоке России. Обновленный взгляд на эти проблемы высказывает д.и.н. профессор МГУ М.Н.Пак. По его мнению "вести о революции в России не могли не стать вдохновляющим стимулом к борьбе за свободу и независимость" корейского народа после аннексии страны в 1910 г. Японией. "Основное влияние Октябрьской революции в России на Корею, - считает он, - следует усматривать в подъеме корейского национально-освободительного движения и в возникновении внутри него социалистического (коммунистического) движения. Благодаря победе Октябрьской революции зародилась возможность формирования антиимпериалистического революционного союза между новой Россией и угнетенными народами мира, включая корейский. И такой союз прежде всего начал осуществляться на территории русского Дальнего Востока".

Сборник содержит новые материалы о деятельности двух выдающихся представителей корейского национально-освободительного и российского революционного движения в Сибири и на Дальнем Востоке - наркома по иностранным делам Хабаровского совета А.П.Кима-Станкевича и Цой Зя Хена (Цой П.С.).

Вместе с тем, по мнению к.и.н. А.А.Волоховой, в литературе советского периода влияние Октябрьской революции на массовые выступления весной 1919 г. в Корею и Китае явно преувеличивалось. "Политические и идеологические перемены в нашем обществе позволяют исследователям отойти от прежних схем исторического процесса и более объективно рассмотреть его и его особенности в отдельных странах. При анализе событий весны 1919 г. в Корею и Китае на первое место среди причин этих событий следует поставить обострение кризиса тоталитарных режимов, находившихся на разных стадиях процесса перехода от политического тоталитаризма и экономической системы, базирующейся на относительно неразвитых институтах частной собственности и внеэкономическом принуждении, к капитализму с его более демократическими фор-

мами управления", - пишет она в своей статье.

К.и.н. Л.А.Усова полемизирует с известными американскими специалистами Р.Скалапино, Ли Чон Сиком и Со Дэ Суком относительно влияния Коминтерна на Корею и причин роспуска Компартии Кореи в 1928 г. Соглашаясь с их мнением о том, что "общие серьезные недостатки мирового коммунистического движения: излишний радикализм и забегание вперед, сектанство и догматизм, к тому же незнание Коминтерном обстановки в стране, противоречивость его установок - все это можно отнести к негативному влиянию, которое испытывало на себе корейское коммунистическое движение," она в то же время считает неверным их утверждение о "полном отсутствии благоприятной почвы для восприятия социалистических идей" в Корее. "Для корейцев идеи социализма - создание самого справедливого и гуманного общества на земле - ассоциировались, в первую очередь, с задачами национально-освободительной борьбы. Исходя из этого, корейские революционеры, глубоко верившие в светлые идеалы коммунизма, были убеждены в том, что единственный путь к освобождению и процветанию страны - это борьба за социализм и построение социалистического общества. При этом, забывая о национальных особенностях и социально-экономической отсталости страны, они предполагали перепрыгнуть из полуфеодалного колониального общества в социализм, минуя этап буржуазно-демократического развития", - пишет Л.А.Усова.

Нетрадиционные для исследований советского периода оценки деятельности ряда корейских обществ общедемократического и социалистического направления, основанные на впервые вводимых в научный оборот материалах Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), содержатся в статье д.и.н. профессора ДА Вл.Ф.Ли. Это касается прежде всего деятельности Всекорейского национального совета (ВКНС) и "Чхондоге" ("Общества небесного пути") на рубеже 20-х годов. Анализируя декларацию ВКНС, принятую после мартовского 1919 г. восстания в Корее, автор пишет, что содержащийся в ней "призыв под знамена антиколониального сопротивления всех корейских патриотов-националистов независимо от их гражданства (российского или иного), социального статуса, имущественного положения, вероисповедания содержал благородную идею консолидации общенационального движения, которую, к сожалению, не удалось

достигнуть в последующие годы, хотя концепция подобного движения сохраняет свою практическую силу и сегодня в связи с проблемой восстановления государственной целостности искусственно разделенной Кореи".

Автор также считает, что "субъективистские перекосы", "не подкрепленные какими-либо источниками" были допущены и в оценках деятельности корейской религиозно-политической организации "Чхондоге" и некоторых ее лидеров, игравших заметную роль в национально-освободительном движении. Он приводит интересные данные о попытках "Чхондоге" установить официальные отношения с Советским правительством и о подготовке корейских военных специалистов из числа молодых корейских патриотов в середине 20-х годов в СССР.

Раскрывая истоки сталинского пролива против корейцев в 30-е годы, Вл.Ф.Ли тем не менее считает, что "сталинизм и его последователи не сумели остановить глубинные процессы российско-корейского народного взаимоуважения и взаимопонимания. И, видимо, поэтому две приграничные нации, никогда на протяжении минувших веков не находившиеся в состоянии войны, с такой надеждой размышляют сегодня о совместных усилиях в своем возрождении и развитии добрососедства.

О трагических событиях 1937 г. - насильственном переселении корейцев с Дальнего Востока в Среднюю Азию и репрессиях против советских корейцев - пишут в своих публикациях Н.Ф.Бугай и В.С.Бойко.

Распад СССР на 15 суверенных государств поставил перед советскими корейцами ряд новых нелегких проблем. Попытку проанализировать некоторые из них предпринимает в своих статьях президент МККА Ким Ен Ун и д.и.н. профессор, президент Ассоциации культурных центров Казахстана Г.Б.Хан.

По мнению Ким Ен Уна, "распад СССР может привести и при сохранении нынешних тенденций развития приведет к исчезновению самой этнической группы под названием советские корейцы", так как через 15-20 лет на территории бывшего СССР "будут жить корейцы, хорошо говорящие по-казахски, по-узбекски, по-киргизски, но не говорящие по-русски". Поэтому он, как и Г.Б.Хан, считает одной из важнейших задач возрождение корейского языка с тем, чтобы он стал языком общения всех корейцев бывшего СССР.

Национально-культурное возрождение корейцев, пишет Ким Ен Ун, нужно

"не для того, чтобы возродившейся культурой отгородиться от других народов, а для того, чтобы соединить корейские национальные, культурные, социальные и другие традиции с подобными же традициями народов стран пребывания и внести свой более весомый вклад в развитие стран, чьими гражданами мы являемся".

Отметив, что корейцы стали первым народом России, в отношении которого весной 1993 г. был принят законодательный акт о реабилитации помимо базового Закона о реабилитации репрессированных народов, автор указывает, что "эмигрантских настроений в корейской среде практически нет". "Мы граждане тех государств, на территории которых мы живем и будем жить и работать дальше в интересах этих государств... Если только не будет войн или межнациональных конфликтов, развала экономики, корейцы останутся жить там, где их застала ликвидация СССР".

Лишь одна статья сборника посвящена непосредственно проблемам нынешних отношений РФ с корейскими государствами, что, впрочем, компенсируется важно-

стью поднимаемой проблемы, а именно сотрудничеству России и Республики Корея в области высоких технологий. По мнению ее автора, д.э.н., директора Центра международных экономических отношений ИАМП ДА А.Л.Субботина, многие статьи южнокорейского экспорта "могли бы в значительной мере базироваться на оригинальных российских технологиях". Он описывает четыре, по его мнению, важнейших сферы экспорта российских технологий в РК и предлагает некоторые конкретные механизмы реализации взаимовыгодного сотрудничества в этой области, в том числе в третьих странах.

В целом, несмотря на дискуссионность отдельных материалов, что, впрочем, отнюдь не скрывается составителями сборника, а, может быть, как раз благодаря попыткам новым взглядом окинуть уже общезвестные факты и дать нетрадиционное истолкование свежим данным, новый коллективный труд российских ученых, как представляется, вносит солидный вклад в российскую историческую и политическую науку, в наше востоковедение.

Япония и мировое сообщество. Социально-психологические аспекты интернационализации. - М., издательство МИКАП, 1994. - 240 с.

Рецензируемая книга - итог работы большой группы российских ученых, осуществленной при поддержке Японского фонда по проекту "Социально-психологические, культурные и гуманитарные аспекты интернационализации Японии" (научный руководитель проекта Б.В.Поспелов, ответственный редактор Д.В.Петров).

Поскольку перед Россией стоит задача возможно более широкой интеграции в жизнь мирового сообщества, японский опыт интернационализации представляет интерес и для специалистов, и для широкого круга читателей в нашей стране, тем более что акцент в данном исследовании сделан на социокультурные аспекты, которые в отечественной науке советского периода рассматривались как второстепенные.

Процесс интернационализации японской духовной и материальной культуры анализируется на фоне конкретных событий разных периодов истории Японии как фактор, без которого невозможен общественный прогресс. Это позволило авторам исследования обрисовать контуры интернационализации в Японии с ее оригинальными чертами, тесно связанными с национальными традициями, но предстающей в новом облике на каждом из рассмотренных в книге исторических этапов: после "открытия" Японии в середине XIX века и глубоких реформ, известных под названием "Мэйдзи исин", затем примерно в течение двух десятилетий после военного поражения Японии в 1945 г., и на современном этапе, который ориентировочно отсчитывается с середины 60-х годов.

На большом фактическом материале убедительно показано, что на первых двух названных этапах Япония выступала преимущественно в роли потребителя западной культуры. Что же касается современного этапа, то, по оценке руководителя проекта, он характерен "повышением международного значения японской культурной традиции, прежде всего ее индустриально-технического компонента" (с. 6-7). Впрочем, это не свидетельствует о склонности авторов к недооценке японского вклада в мировую культуру. Про-

цесс интернационализации всеми участниками исследования представляется в виде "улицы с двусторонним движением", открытой для синтеза восточной, включая японскую, и западной культур. В книге приводится множество впечатляющих, иногда мало известных в нашей стране, примеров органичного включения японских достижений в мировую культуру, как в прошлые времена, так и на современном этапе. Диапазон такого рода примеров весьма широк, начиная от увлечения европейцев японским изобразительным искусством по мере того, как оно становилось известно им, до нынешнего интереса к применяющимся в Японии эффективным методам управления предприятиями.

Естественно повышенное внимание российских исследователей к проблеме заимствования иностранных достижений в его соотношении с национальными традициями. Это вызывает острые дискуссии, особенно в странах, оказавшихся в положении "догоняющих". Отмечаются такие специфические японские особенности, как "высокий уровень адаптации к различным элементам других цивилизаций" и восприятие их по мере усвоения как национальных ценностей, а также "эволюционный характер трансформации самих традиций" (с. 34). На этапах после "Мэйдзи исин" и непосредственно после окончания второй мировой войны японская "модернизация" или "вестернизация", считает Э.В.Молодякова, осуществлялась "не на основе отрицания традиционных структур, а путем их активного использования" (с. 35).

Эту же мысль развивают другие участники исследования, в том числе когда рассматривается современный этап. Говоря о Японии периода глубоких послевоенных демократических реформ и последующего бурного экономического роста, М.Н.Корнилов констатирует, что "сохранение традиций даже усиливало эффект модернизации, стимулируя стремление к достижениям, поддерживая у японцев интерес к труду и высокую мораль" (с. 106). Он далее обращает внимание на проявившуюся в Японии с середины 70-х годов тенденцию "возвращения к традиции".

"Сформировалось новое поколение, для которого традиционное, японское не отождествляется с отсталым, консервативным, так же как и западное - только с современным, прогрессивным. Традиционное вновь обрело право на признание своей полноценности" (с. 108). Отнюдь не упрощая проблемы, указывая на конкретные особенности японского национального самосознания, затрудняющие "включение Японии в мировое сообщество", М.Н. Корнилов все же в первую очередь подчеркивает "наличие основы для их эффективной адаптации друг к другу и на уровне культурных общностей, и на уровне индивидов". Более того, он полагает, что "динамически развивающиеся социокультурные и культурные традиции будут не столько препятствовать, сколько содействовать интернационализации Японии в условиях современного, постмодернистского мира". По мнению этого исследователя, установка на человека и межличностные отношения, воплощенная в различных формах японской культуры, но не перенос конкретных форм патриархальных отношений в современные организации, являются "основной причиной успехов Японии и интереса мирового общества к ней", залогом и условием расширения и углубления ее интернациональных связей (с. 112).

Взаимодействие различных культур - процесс сложный, противоречивый, особенно когда иная культура воспринимается под воздействием внешних факторов. Так, "открытие" Японии в середине прошлого века под дулами орудий американских военных кораблей привело к тому, что восприятие ценностей западного мира, в принципе отвечавших внутренним потребностям японской нации, приняло крайне односторонний характер. Правящим кругам Японии импонировало, как наглядно показано в настоящей книге, преимущественно все то, что отвечало поставленной ими задаче построения великой военной державы. Осуществляя внутреннюю перестройку под лозунгом "богатое государство - сильная армия", Япония, по примеру все тех же западных стран, вступила на путь агрессии, "неся цивилизации и просвещение" своим азиатским соседям на штыках собственных солдат.

Характерно, что споры видных японских теоретиков того времени, придерживавшихся вначале полярных оценок роли и значения японской и западных культур, не помешали им становиться, в конечном счете, апологетами милитаризма и колониализма, основателями паназиатизма и концепции "японской миссии", даже разработчиками планов экспансии на азиат-

ский материк (см. главу, написанную историком из Владивостока Верисоцкой Е.В.).

Стимулом новой волны интереса Японии к западной цивилизации также стал внешний фактор - ее военное поражение от союзных государств. Но на этот раз вхождение Японии в мировое сообщество, хотя и сопровождалось многочисленными коллизиями, осуществлялось принципиально иным образом. Принятая под непосредственным внешним, силовым воздействием Конституция Японии 1947 г. провозгласила беспрецедентный отказ от войны "на вечные времена", от применения вооруженной силы как средства разрешения международных споров. В данном случае эгоистические интересы государств-победителей (внешний фактор) оказались, как можно судить по последствиям этого акта, совпадающими с долгосрочными национальными интересами японского народа. "Мирный путь развития Японии в послевоенный период, сохранение своей самобытности при глубокой европеизации в целом, - отмечает С.Б. Маркарьян, - может служить хорошей моделью для развивающихся стран, не вызывая у них чувства опасения потерять свою идентичность в условиях модернизации и интернационализации" (с. 151).

"Мирная Конституция" вызывает недовольство определенных кругов в самой Японии и вне ее. Раздаются голоса, требующие от Японии наращивания военных расходов, генеральный секретарь ООН Б. Бутрос-Гали специально приезжал в Токио, чтобы добиться японского участия в миротворческих операциях в форме, противоречащей положениям конституции. Вряд ли это позитивный подход. Убежден, что сохранение "мирной конституции" пойдет на пользу и японскому народу, и народам всего мира как развивающихся стран, так и тех, которые до сих пор несут бремя по содержанию огромных армий и флотов, разработки все новых видов вооружений. Нетрудно видеть, что, ограничивая расходы на нужды обороны, Япония получает преимущества в международном торгово-экономическом обмене, укрепляет свой моральный авторитет в глазах мирового сообщества, делает более привлекательной и реально осуществимой гуманистическую идею разоружения.

Для того чтобы Япония и дальше выполняла роль своеобразного "мирного маяка", необходимо создание соответствующей "интеллектуальной и нравственной базы". Этому может способствовать, как считает Б.В. Поспелов, "синтез мировоззренческих категорий и этических кредо

Востока и Запада" (с. 130). С этой точки зрения, в книге поднимаются важные вопросы, касающиеся сближения восточной и западной теорий ненасилия, взаимопонимания представлений о целостности мира, о единстве социума и окружающей природной среды. К сожалению, для глубокого их рассмотрения, включающего детальное ознакомление со взглядами японских теоретиков, в данной книге места не нашлось.

Авторы исследования отрицают силовое навязывание ценностей одной нации или культурной общности другим. Нельзя не согласиться с их желанием видеть интернационализацию в современном мире в форме "добровольной интеграции социальных и культурных ресурсов в жизнь мирового сообщества под влиянием внутренних потребностей последнего" (с. 102).

Рассмотрение проблем интернационализации специалистами разного профиля - историками, экономистами, культурологами - способствует раскрытию поведения японцев в разнообразных ситуациях - потребителей западных и творцов собственных культурных ценностей, участников мирового торгово-экономического и научно-технического обмена, выразителей общественного сознания в отношениях с соседними народами и странами, одной из сторон бытового общения с иностранцами. Читатель может найти в книге много ценного, поучительного для себя.

К примеру, любителей литературы и искусства не оставят равнодушными размышления о "русском следе" в духовной жизни Японии. "Русская литература, - пишет Л.Л.Громковская, - имела успех еще и потому, что в ней японцы осознали нечто узнаваемое, нечто родственное" (с. 173). Это мнение блистательно доказывается при анализе одного из первых, ставших известными японцам произведений русских писателей, тургеневских "Трех встреч". Примечательно, что одновременно дается образное, поразительное по своей доходчивости представление о непростых, оригинальных категориях японской эстетики. А знакомство с главой "Некоторые черты экономической психологии японцев" (автор - М.Г.Носов) несомненно может послужить ориентиром российским бизнесменам, имеющим или собирающимся иметь дело с японцами.

Интернационализация национальных культур могут способствовать или, напротив, мешать складывающимся в той или иной стране стереотипы восприятия

соседей. В процессе же самой интернационализации эти стереотипы подвержены изменениям. В книге представлена попытка выявить факторы и конкретный механизм формирования такого рода стереотипов в отношениях Японии с США и странами Юго-Восточной Азии. И, что особенно ценно, впервые глубоко и всесторонне анализируется восприятие Японии и японцев в России, и России и россияни в Японии на разных этапах отношений двух стран, вплоть до сегодняшнего дня. В специальном разделе, отведенном этому деликатному вопросу, Д.В.Петров нарисовал в целом объективную картину, показав, в частности, как негативные стереотипы соседней страны усиливаются и даже надолго закрепляются в общественном сознании, когда формирование "образа врага" поднимается на уровень государственной политики и в него включаются средства массовой информации. Не обошел автор стороной, а, наоборот, весьма детально исследовал влияние известного территориального спора между двумя странами на обыденное сознание и японцев, и россиян, на их представления друг о друге. Российский историк констатировал: сегодня в нашей стране проявляются негативного отношения к Японии уступают место позитивным взглядам, формированию положительных стереотипов, в то время как негативные стереотипы России и у японцев оказались более живучими и стойкими. Своевременно звучит и его призыв быть сдержанными, доброжелательными, объективными в восприятии процессов в другой стране, и его напоминание об особой ответственности официальных лиц, ученых и средств массовой информации в формировании общественного мнения, относящегося в равной степени и к россиянам, и к японцам.

В отдельных местах у некоторых участников большого исследования можно заметить определенные недостатки - фрагментарность, незавершенность или недостаточную аргументированность суждений, иногда и проявляющая, хотя не столь уж очевидные, конъюнктурного подхода в оценках, однако недостатки восполняются или нейтрализуются в главах, написанных другими авторами. Хотелось бы надеяться, что опыт изучения актуальных японоведческих проблем со столь широким привлечением заинтересованных специалистов найдет продолжение в новых коллективных работах.

Современный Тайвань.- Иркутск-1994. ПФ"Улисс".- 350 с.

Изучение Тайваня в нашей стране тесно связано с динамикой развития связей России с этим островом в условиях отсутствия межправительственных отношений. В результате изменений государственных подходов к Тайваню за последние несколько лет резко возрос объём доступной информации об этом районе. Благодаря такому повороту событий сегодня можно говорить о целой серии изданий посвящённых проблемам Тайваня. Наш журнал уже писал о вышедшей в 1993 г. книге "Тайвань. Справочник для деловых людей" (Проблемы Дальнего Востока. - 1993. - № 5. - С. 149-150.). Немного позднее появился подготовленный в Институте международных экономических и политических исследований РАН справочник "Тайвань".

Рецензируемая книга "Современный Тайвань" написана в Центре по изучению Тайваня Института востоковедения РАН под редакцией руководителя этого Центра, к.и.н. П.М.Иванова. Структура новой книги похожа на организацию двух предыдущих справочников и включает предисловие и 17 глав, освещающих практически все стороны жизни Тайваня (географическое положение, очерк истории, экономическое развитие, политическая система, культура и т.д.). Вместе с тем охарактеризовать книгу "Современный Тайвань" как справочник нельзя, так как на протяжении всего повествования авторы весьма глубоко анализируют самые разнообразные проблемы острова. Поэтому это - типичное издание научного характера, причём его энциклопедичность позволяет рекомендовать книгу "Современный Тайвань" самому широкому кругу читателей.

Очень значительным представляется политологический раздел книги. Главы, написанные П.М.Ивановым и Л.М.Гудошиковым, создают полную картину процессов, происходящих в жизни государства и общества на Тайване. Для России опыт перехода от авторитарной модели развития к демократической, безусловно, крайне интересен и полезен. Очерк истории Тайваня напоминает нам, что хронология событий на острове началась не по-

сле решения 8 декабря 1949 г. о переезде центрального правительства Китайской Республики на Тайвань, а гораздо раньше. Одно из первых упоминаний о Тайване содержится в памятнике письменности эпохи воюющих царств (475-221 гг. до н.э.) "Шаншу" (с. 28.). Но не только история событий, но и история людей, изложенная в книге, должна непременно заинтересовать её читателя.

Цзян Цзинго в России. Эта тема представлена А.Г.Лариным с использованием ранее не доступных нашему читателю материалов. Сын Чан Кайши и будущий президент Тайваня пятнадцатилетним подростком в 1925 г. приехал в Москву и провёл в России 12 лет. Многие черты характера Цзян Цзинго сформировались в эти годы и так или иначе отразились в его дальнейшей политической деятельности.

Экономические главы книги "Современный Тайвань" написаны Ю.Г.Литвиновой, А.Д.Дикарёвым, С.И.Шиловцевым и В.Я.Выборновым. Путь модернизации хозяйства на различных принципах и в разное время затронул весь китайский этнос как на Тайване, так и на материке. Достигнутые результаты на этом пути не однозначны, тем не менее основания для сравнения эффективности используемых методов есть. Например, по обе стороны пролива сегодня в основном разрешена характерная для стран Азии продовольственная проблема (с. 92.). Объёмы отечественных публикаций о реформе экономики в КНР впечатляют, в то время как аналогичных материалов о Тайване явно недостаточно. В определённой мере этот пробел восполняет книга "Современный Тайвань".

Политический и экономический опыт не исчерпывает сферу возможных интересов России на Тайване. И.А.Шин в главе "Эволюция массового сознания в контексте модернизации общества" пишет о появлении на Тайване феномена "яппи" - "молодых профессионалов". Эти люди получили хорошее образование, воспитаны в духе западной рационально-индивидуалистической культуры, имеют значительные

доходы и демонстрируют прагматизм, хватку и напористость в своём продвижении по пути "наверх" (с. 189-190.). Нельзя не заметить много общих черт между "яппи" и нашими "новыми русскими". Проблема интеграции появившихся недавно слоёв населения и социальных структур с сильными традициями - ещё одно звено, соединяющее Россию и Тайвань.

Освободившись от ненужных идеологических пут, нынешние отношения между Россией и Тайванем стремительно развиваются и за месяцы нагоняют упущенное за десятилетия. Сегодня практически нет проблем с поездкой на остров, а визы гражданам Российской Федерации в Московско-тайбэйской координационной комиссии по экономическому и культурному сотрудничеству на Тверской улице столицы выдаёт специальный представитель Генерального консульства Китайской Республики в Латвии. Авторы книги "Современный Тайвань" пишут: "Основополагающие принципы российской политики в отношении Тайваня сформулированы в президентском указе от 15 сентября 1992 г. В нём подтверждается позиция России в вопросе о единстве Китая и подчёркивается, что все взаимоотношения с Тайванем возможны только на неофициальной основе" (с. 6.). Геополитический подход нашей страны к своему соседу определяет вполне естественные постулаты для стратегии и тактики государства как в связях с КНР, так и с Тайванем. События истории, в том числе и недавние изменения в мире, показали, что разделение этноса государственными границами является неустойчивым и конфликтным способом развития этого этноса. Особенно, когда один и тот же этнос является титульным для разных образований на политической карте. Единство Китая *de facto* в будущем не вызывает сомнений.

Тем не менее, как бы мы не отрицали существование "двух Китаев", в практических связях Россия часто сталкивается с этой проблемой. За последние несколько лет интерес отечественных деловых людей к КНР по различным причинам упал, и освободившиеся ниши в ряде случаев спешат занять партнёры из Тайваня. Острову есть что предложить в качестве объекта сотрудничества, так как продукция машиностроения и электроники, пластмассы, электрооборудование (а именно это является основными статьями

экспорта Тайваня в Россию - с. 240-245.) явно превосходят по соотношению цена/качество товары с материка.

Конкуренция между КНР и Тайванем на международной арене касается не только политической и экономической сфер. Многие студенты, изучающие в России китайский язык, предпочитают проходить стажировку в вузах Тайваня. Финансирование молодёжного обмена по линии министерств образования России и КНР в 90-е годы резко сократилось, в то время, как соответствующие структуры на Тайване выделяют для иностранных студентов-китайцев специальные стипендии для языковой стажировки на острове.

Тайвань занимает 2 место в мире по запасам иностранной валюты (более 80 млрд. долл. США - с. 3.). Естественно, что международная деятельность многих организаций, включающих различные фонды, имеет прочную материальную базу. Гоминьдан всегда придавал огромное значение пропаганде культурного наследия и китайским традициям как основам национальной государственности (с. 64.). Очень высокая зарубежная активность Тайваня в этой сфере. Как пишут авторы книги "Современный Тайвань", "внимательное и любовное отношение к традиции, к прошлому стало важной отличительной чертой развития Тайваня за прошедшие десятилетия... Но тайваньское общество вовсе не является хранителем древностей. Несмотря на всю свою модернизированность, оно живёт в контексте китайской культуры и живой традиции" (с. 5.).

Всё это определяет интерес российского читателя к "другому Китаю". Книга "Современный Тайвань" призвана на высоком профессиональном уровне удовлетворить такой интерес. Помимо всего прочего, издание хорошо выполнено технически, снабжено многими справочными таблицами.

Логичным следующим шагом в развитии отечественных исследований Тайваня может стать периодическое издание например, ежегодник. Это позволит публиковать материалы более подробного и продвинутого изучения проблем острова. Выполнимость такой задачи не вызывает сомнений, так как в Институте востоковедения и в Институте Дальнего Востока сформировались сильные коллективы специалистов по вопросам Тайваня.

Ясухи́ро Накасо́нэ. Политика и жизнь. Мои мемуары. Москва. Издательская группа "Прогресс", 1994, 235 с.

Г-на Ясухи́ро Накасо́нэ нет нужды специально представлять нашему читателю. Крупный государственный и политический деятель Японии, выдающийся ученый, почетный доктор ИДВ, - он получил достаточную известность в политических и научных кругах России. Этой популярности Я.Накасо́нэ способствовала его заметная роль как политика и реформатора многих сторон жизни японского общества. Среди многочисленных высоких постов, занимавшихся этим человеком, наибольшую известность снискало его пребывание в должности начальника Управления национальной обороны Японии в 1970-х годах и в особенности на должности премьер-министра в 1982-1987 годах.

Эта сторона общественной активности Я.Накасо́нэ получила далеко неоднозначную оценку на его родине. Если для основного течения консервативного лагеря он был и остается кумиром, крупной фигурой, немало сделавшей для процветания Японии на началах либеральной демократии, то для оппозиции Я.Накасо́нэ - активный деятель правого толка, упорный оппонент социалистических и социал-демократических ценностей, ревностный сторонник тесного стратегического партнерства с США, глашатай идеи об особой миссии Японии в мире.

Что же касается отечественной публицистики и научных исследований, то Я.Накасо́нэ относится к тем политическим фигурам послевоенной Японии, которые стали для многих наших авторов главной мишенью для критики и политических обличений. Тогда, в годы пребывания Я.Накасо́нэ на посту премьер-министра, действовали неумолимые законы "холодной войны", торжествовали мораль и взгляды, которые вели к углублению противоречий между двумя лагерями - к одному из них

и относилась Япония, ведомая ее лидерами, прежде всего - Я.Накасо́нэ.

В конечном итоге исторический выбор, сделанный Японией, определил тогда политико-идеологическую позицию автора мемуаров в отношении СССР и США. И все же бывший японский премьер внес немалый личный вклад в противостояние двух стран, подвластно ему было и ведение такой политики, которая вела бы не к углублению разногласий, а к сглаживанию их, но этого не произошло. Недружественные Советскому Союзу, а затем и России настроения Я.Накасо́нэ прослеживаются по всей его книге, что, конечно, достойно сожаления.

Но оставим этот разговор о политическом лице Я.Накасо́нэ, относящемся к ушедшей в историю эпохе. Сам он еще в 1987 году отошел от руля государственного правления, не занимая никаких крупных административных постов. Продолжая свою деятельность в качестве депутата парламента, он перешел к активной научной и научно-организационной работе. Вот этот по-существу новый период в жизни этого человека принес ему дополнительную известность, создал новый имидж этого деятеля в глазах мировой и в особенности российской общественности.

Основной научный интерес Я.Накасо́нэ сосредоточен ныне на проблеме поиска путей достижения всеобщего мира и безопасности, строительства Нового мирового порядка, позитивного вклада Японии в его создание. Этому, в частности, была посвящена опубликованная в 1993 году в России книга, принадлежащая перу крупнейших японских ученых, - "После холодной войны: совместное исследование", ведущую роль в выработке основной концепции которой сыграл Я.Накасо́нэ. В связи с опубликованием этого исследования на русском языке Я.Накасо́нэ было

присвоено звание Почетного доктора Института Дальнего Востока РАН и Почетного профессора Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова. Я.Накасонэ ныне возглавляет Глобальный институт мира, ставший одним из известных в Японии научных центров данного профиля.

Недавно на русском языке вышла новая книга Я.Накасонэ. Опубликование этого труда является дополнительным свидетельством признания российской общественностью безусловной значимости непрекращающихся усилий его автора на научном и литературном поприще. Подтверждением открытости наших читательских кругов к восприятию мнений и точек зрения как совпадающих, так и противоречащих тем, которых придерживаются сами, в книге Я.Накасонэ вдумчивый читатель может обнаружить без особого труда.

Не ставя перед собой задачи полемизировать с автором по тем или иным конкретным вопросам или акцентировать имеющиеся расхождения в оценках событий, мы хотели бы особо подчеркнуть большое познавательное значение рецензируемой книги, высказать мысли, навеянные суждениями автора.

Во-первых, характер работы Я.Накасонэ, написанной в мемуарном жанре, помогает читателю воссоздать духовный мир этого человека во всей его сложности, многогранности интересов, неординарности суждений о тех или иных событиях. Образование Я.Накасонэ получил в 1920-1930-х годах, закончив сначала среднюю школу, а затем Токийский императорский университет. Уже в университетские годы проявились незаурядные черты его характера. Он без усталости стремился к овладению как можно большим объемом знаний. Это помогло ему стать высокообразованным человеком, глубоко впитавшим в себя лучшие достижения западных и восточных наук. В последнее время мы нередко говорим о "синтезе" западной и восточной культур, об их "взаимодействии" и "взаимовлиянии", стараясь утвердить идею о благотворном последствии такого соединения двух различных духовных начал для

развития мировой цивилизации и становления человеческой личности.

Думается, что мир чувств и мыслей, недюженный интеллект, само восприятие и понимание жизненных принципов у автора мемуаров и представляют собой образец такого слияния восточного и западного начал. В них как бы персонафицировалась идея о важности соединения восточного и западного мировосприятия.

Я.Накасонэ воспитывался в семье, где строго блюлись вековые обычаи, обряды и принципы поведения. Он великолепный знаток отечественной литературы, мастер каллиграфии как основного элемента иероглифической культуры, поклонник традиционной японской живописи. Он пробует свои силы в стиле японской национальной поэзии. Одновременно Я.Накасонэ признает учение Будды, всю жизнь занимаясь буддистской медитацией с целью "врачевания души и тела", веря в пророчества буддистских мыслителей. Воистину нельзя читать без волнения страницы книги, где этот человек излагает свои чувства и переживания в момент ухода от жизненных тревог и забот в состояние общения с Буддой. Все это Восток.

Но вместе с тем Я.Накасонэ - блестящий знаток западной культуры, признающий ее основные ценности, изучивший взгляды многих лучших представителей европейского научного знания. Как это следует из мемуаров, идеи западных политических наук, сочинения по мировой истории и культуре, западная философия - эти и другие важные достижения европейской научной мысли нашли в нем живой отклик, сопутствовали ему в течение всей жизни.

Во-вторых, книга Я.Накасонэ примечательна воспоминаниями о многих деятелях японского политического мира, о соратниках и последователях по партии, долгие годы стоявшей у власти, об учителях, друзьях и товарищах в повседневной жизни, начиная со студенческой скамьи и кончая годами премьерства. По своей форме эти воспоминания разнообразны. То это подробные повествования, помогающие составить представление об облике ученого или общественного деятеля как,

например, одного из наставников Я.Накасонэ профессора Токийского университета Ябэ Шайдзи, то это немногословные, но емкие характеристики соратников и соперников во внутрипартийной борьбе - Сигэру Иосида, Какуэй Танаки, Такэо Мики и др., то это краткие наброски и штрихи к портретам знаменитых современников. Среди них особенно запоминаются страницы, посвященные, в частности, Токутоми Сохо - одной из выдающихся личностей Японии, донесшей до современности дух эпохи Мэйдзи.

За долгую, полную неутомимой деятельности жизнь автора мемуаров - Я.Накасонэ уже далеко за 75 лет, но он ныне как всегда бодр и полон творческих планов - перед его взором прошла нескончаемая вереница лиц различного общественного положения, чиновничьего ранга и места в правительственной иерархии. Все это люди, под руководством которых создавалась современная Япония, преданные своему делу, старающиеся до конца выполнить свой долг перед народом и обществом. Можно, однако, сожалеть, что Я.Накасонэ - требовательный руководитель, строгий, порой жесткий лидер, очень мало уделил внимания объяснению и оценке весьма досадных эпизодов, не так уже редко случающихся в политической жизни Японии, таких как нарушение в высших эшелонах власти общепринятых правил политической морали и поведения, что не раз приводило к смене правительств и взрыву общественного недовольства.

Читая книгу Я.Накасонэ, можно составить себе яркое впечатление о деловых качествах и миропонимании людей - представителей партийного и государственного истеблишмента, непосредственных исполнителей политических предначертаний своих лидеров. Самодисциплина, целеустремленность, идея честного служения интересам государства - эти и другие принципы лежат в основе их морального кредо. Запоминается, например, образ финансиста Доко, отдавшего все свои силы осуществлению административной реформы, задуманной премьером.

В-третьих, в своей книге Я.Накасонэ выступает как крупный теоретик между-

народной политики, как идеолог, размышляющий о предназначении Японии в мире. Мысли эти никогда не покидали автора мемуаров и вот теперь, в преддверии XXI века, они выкристаллизовались в стройную концепцию, освещающую путь, по которому, по его убеждению, предстоит двигаться его родине - Японии и всему международному сообществу.

Заслуживает внимания и глубокого уважения стремление этого государственного деятеля определить движущие силы мировой политики, выявить тайные пружины и исходные принципы международной деятельности любого государства. Бесспорными представляются следующие из них: не проводить внешней политики, превышающей силы государства; дипломатия не должна быть азартной игрой; недопустимо отходить от магистрального течения мировой истории (С. 289). Опыт человечества недалекого прошлого преподает нам массу примеров того, как эти заповеди безответственно игнорировались, как правители отдельных государств в угоду своим субъективным представлениям пытались направить историческое движение по ложному пути, не укладывавшемуся в рамки объективных законов. Разве руководство бывшего Советского Союза не стремилось играть на международной арене роль, не соответствовавшую экономическим возможностям страны, разве гитлеровская Германия не задалась в свое время целью переустроить мир на началах, означавших приостановку прогрессивного развития человечества? Не была в этом отношении исключением и довоенная Япония, лидеры которой смотрели на мировой исторический процесс сквозь призму своих ошибочных взглядов.

Как ученый и политический деятель, прошедший большую жизненную школу, Я.Накасонэ осуждает "империалистический экспансионизм и агрессию Японии", осуществлявшуюся ею в прошлом, и настаивает на "критическом переосмыслении просчетов и трагедии второй мировой войны" (там же). В настоящее время в связи с приближающимся 50-летием ее окончания в японских научно-политических кругах с новой силой разгорелась полемика по вопросу о роли страны в подготовке

и развязывании войны. Позиция автора мемуаров явственно созвучна с той, на которой стоят многие ученые Японии, осудившие ее милитаристский курс.

Безусловным вкладом в устроение обновленного, гарантирующего человечеству мир международного порядка явятся усилия Японии, когда она, следуя неумолимой логике мирового развития, еще более активизирует свою конструктивную политику в отношениях со странами мирового сообщества. Нельзя не разделить точку зрения автора мемуаров о том, что в качестве фундаментальных вех дипломатической политики Токио в связи с такой задачей могло бы стать в частности активное содействие сближению США и КНР как двух тихоокеанских держав, регулирование разногласий между развитыми и развивающимися странами и другие мероприятия глобального значения. Но думается, что японский ученый не может не согласиться с тем, что не менее важным шагом его страны в этом направлении станет дальнейшее совершенствование системы и самого содержания японо-рос-

сийских отношений, это будет способствовать улучшению всей обстановки в Восточной Азии.

В книге Я.Накасонэ содержится горькое признание "частичного дефицита идеологической, философской и религиозной духовности" в современной Японии (с. 290). На наш взгляд, программа действий, провозглашаемая японским лидером, его мысли и соображения могут составить один из духовных компонентов интеллектуального потенциала этой страны, подняв его до уровня организующей идеи, ориентированной на выражение универсального содержания.

Издание труда Я.Накасонэ в России нужно расценивать как заметное событие в ее научно-политической жизни. Заслуживает внимания большая работа коллектива переводчиков и редакторов книги, сумевших преодолеть немалые трудности, вызванные спецификой ее литературно-публицистического стиля, и донести до русского читателя сам дух мемуаров японского ученого.

Б.Поспелов

-
1. Я.Накасонэ, Я.Мураками, С.Сато, С.Нисибэ. После холодной войны (совместное исследование). Предисловие доктора философских наук М.Л.Титаренко, доктора исторических наук В.Н.Бунина, доктора исторических наук Б.В.Поспелова, Москва, АО Издательская группа "Прогресс", "Прогресс-Универс", 1993, 319 стр.

Борис Васильевич Поспелов
(20.9.1923-16.02.1995)

16 февраля 1995 г. скоропостижно скончался известный российский ученый, доктор философских наук, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока ПОСПЕЛОВ Борис Васильевич.

Ушел от нас человек, с именем которого тесно связано развитие отечественного японоведения, которому он посвятил всю свою жизнь.

Борис Васильевич родился 20 сентября 1923 г. в Саратовской обл. В 1941-1948 гг. служил в рядах Советской Армии, участвовал в Великой Отечественной войне. В 1950 г. он с отличием закончил Московский институт востоковедения, а в 1953 г. - аспирантуру этого института, успешно защитив диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук.

Сфера его научных интересов и деятельности была исключительно широка. Важным и плодотворным этапом его деятельности была работа в издательствах иностранной литературы (1954-1964 гг.) и "Прогресс" (1964-1968 гг.). Под его руководством и при непосредственном участии в качестве научного редактора, переводчика было издано около 20 переводов книг японских авторов.

С 1969 г. и до последних дней своей жизни Борис Васильевич работал в Институте Дальнего Востока. Здесь в полной мере проявился его талант ученого, раскрылись его замечательные качества как педагога и научного руководителя. Многие российские специалисты-японоведы под руководством Бориса Васильевича стали кандидатами и докторами наук. В нашей стране нет ни одного научного и практического учреждения, связанного с изучением Японии, где бы не работали его воспитанники.

Велико научное наследие Бориса Васильевича. Им опубликовано около 100 работ, в том числе 6 монографий по истории общественной мысли Японии. Под его редакцией вышли многие книги наших японоведов. Борис Васильевич был членом Ученого и Специализированного советов ИДВ, членом редколлегий ряда периодических научных изданий, активным членом Ассоциации японоведов. Имя и труды Бориса Васильевича известны далеко за пределами нашей Родины. Он принимал участие в работе зарубежных исследовательских центров, поддерживал тесные научные контакты с крупнейшими учеными-японоведами мира. В начале этого года в Стокгольме вышли отдельными изданиями его лекции, прочитанные им в Стокгольмском университете в 1994 г.

Тяжела утрата. Трудно представить себе нашу японоведческую науку без Бориса Васильевича Поспелова, одним из лидеров которой он был. Его пример беззаветного служения науке будет вдохновлять нас в нашей работе. Память о нем навсегда сохранится в наших сердцах.

Дирекция Института Дальнего Востока РАН.
Редакция и редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока"

Лидия Львовна Громковская (1933-1994)

Умерла Лидия Львовна Громковская - один из авторитетнейших отечественных специалистов по истории культуры и литературы Японии, талантливый организатор, яркий и интересный человек.

Лидия Львовна родилась в Ленинграде в 1933 г., окончила восточное отделение (1955) и аспирантуру ЛГУ (1959). С 1962 г. в ленинградских "толстых" журналах печатались выполненные ею переводы стихов и прозы современных японских авторов. В 1970 г. защитила кандидатскую диссертацию "Основные тенденции прозаического творчества Накано Сигэхару" - первое специальное исследование в нашей стране творчества этого писателя. В том же году под ее редакцией вышел первый русский однотомник писателя ("Пляшущий мужчина"). Следующая монография Лидии Львовны, посвященная известному японскому прозаику Токутоми Рока, вышла в 1983 г. в серии "Писатели и ученые Востока". Эту книгу о собеседнике Льва Толстого, по сути открывшем для Японии великого русского писателя, отличали новая интерпретация многих культурологических проблем, прекрасный стиль и мастерство изложения. Эти качества были присущи всему, что писала Л.Л.Громковская.

Велика заслуга Лидии Львовны в сохранении научного наследия выдающегося русского японоведа Н.А.Невского. Если основные труды репрессированного ученого начали "возвращаться" к читателю после его реабилитации, в первую очередь благодаря усилиям академика Н.И.Конрада, то Л.Л.Громковской принадлежат первые капитальные исследования его жизненного и научного пути. Такова книга о Невском, написанная ей совместно с Е.И.Кычановым, которая вышла в 1978 г. в серии "Русские востоковеды и путешественники".

Лидия Львовна была организатором и душой семинара по истории культуры и искусства Японии в Институте востоковедения. Заседания семинара, на которых выступали практически все наши ведущие японоведы, отличались непринужденной атмосферой, духом творчества и со-творчества. Их итогом стал сборник статей "Япония: культура и общество в эпоху НТР" (1985).

На одном из последних семинаров Лидия Львовна дарила участникам свою книгу "Сто первый взгляд на Японию" (1991) - еще одно свидетельство ее незаурядного литературного дарования. "Сто взглядов на Японию уже было, - шутила она, - почему бы не быть и моему, сто первому". Одной из последних работ Л.Л.Громковской стала глава "Русская культура и японское общество: проблемы влияния" в коллективной монографии "Япония и мировое сообщество. Социально-психологические аспекты интернационализации" (1994).

Память о Лидии Львовне навсегда сохраняют ее коллеги, друзья, ученики.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Сдано в набор 20.01.95 г. Подписано к печати 15.03.95 г. Формат бумаги 70x100 1/16.
Офсетная печать. Усл.печл. 13,0. Усл.кр.-отт. 18,6 тыс. Уч.-издл. 15,0 Бум. л. 5,0
Тираж 1387 экз. Зак. 2442.
